

По тонким
нитям судеб

Современники

Москва – 2023

УДК 27-4
ББК 86.372
Д 75

Д 75 **Дробышевская Надежда Николаевна**
По тонким нитям судеб. Современники: очерковая публицистика. –
М.: Издательский дом «Граница», 2023. – 192 с.: ил.

ISBN 978-5-9933-0464-9

«Современники» является четвёртой книгой очерковой публицистики из серии под названием «По тонким нитям судеб» Надежды Дробышевской.

В этой книге, как и в предыдущих, описываются судьбы разных людей, наших современников. Среди героев очерков есть писатели, актёры, музыканты, художники, участники специальной военной операции, священнослужители и люди иных профессий.

Описывая моменты из их жизни, автор старается «высветить» то самое лучшее, что есть в каждом из них, тем самым подводя читателя к вечным понятиям добра, человечности и сострадания.

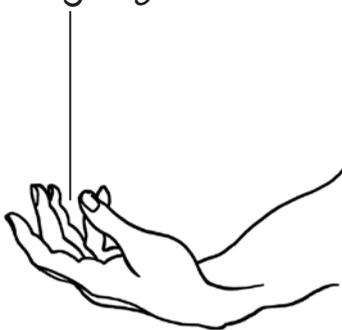
УДК 27-4
ББК 86.372

ISBN 978-5-9933-0464-9

© Союз журналистов Москвы, 2023
© Н.Н. Дробышевская, 2023
© Издательский дом «Граница», 2023

Чтобы сплести судьбу из тонких нитей,
До крови можно сердце изодрать.
И ошибиться не имеешь права,
И в штык поднять не можешь рать,
И даже изменить крутого нрава
В судьбе того, о ком решил писать,
Чтобы сплести судьбу из тонких нитей...

«Не денег ради, а пользы для...»

Именно такие слова я бы написал над каждым произведением Надежды Дробышевской.

Книга, которую Вы держите в руках, только подтверждает мои слова, ведь описание судьбы отдельно взятого человека – это уникально и драгоценно, и я сожалею, что таких книг сегодня не так много. И даже то, что автор не совсем относит свои произведения к «очерку в чистом виде», совершенно не портит их, ведь «литературные зарисовки о людях», как она их называет, и есть тот самый, забытый многими жанр очерковой публицистики.

Я не буду говорить много о творчестве Надежды Дробышевской, ведь об этом сказано до меня многими уважаемыми людьми. Для примера приведу некоторые выдержки из наиболее понравившейся мне статьи руководителя Музейно-выставочного центра Тамбовской области, Заслуженного работника культуры РФ, профессора Николаева Игоря Алексеевича, написанной им после одной из её творческих встреч с жителями Тамбова:

«...Видно, что Надежда Николаевна проживает жизнь своих героев, подчёркивая в них всё лучшее, что есть в человеке. Она своим словом помогает каждому из них подняться до высокого понимания добра и любви, нравственных ценностей семьи, человеческой личности.

...Нет смысла перечислять её почётные звания и должности, которые она занимала на протяжении своей жизни. Главное – в другом. Она умеет воздействовать на сердце читателя и, приглашая его в путешествие по огромному миру человеческих чувств, старается помочь каждому определить свой вектор жизни. И у неё есть на это моральное право. Моральное право не просто звать за собой читателя силой написанного ею слова, но и силой своего жизненного примера облаго-

раживать его, оставаться с ним рядом, быть ему умным советником, заботливым и надёжным другом. Зная, что самые тяжёлые удары судьбы всякий раз разбивались о её мужество, цельность натуры, читатель ей не только поверит – он её обязательно полюбит...»

После прочтения многих очерков, стихов и прозы Надежды Дробышевой не могу не согласиться с автором этих строк.

Надо сказать, что через свои повествования ей удаётся «высветить» огромное количество имён, дел, свершений как интереснейших, так и простых людей России, сделав их жизненный подвиг достоянием широкой читательской аудитории. И не случайно в своих книгах она пишет: «Я рассчитываю на читателя, который много пережил, для которого понятия Родина, Любовь – не пустой звук, кто уже сумел оценить любовь и преданность друзей, и, конечно же, на тех, кто ещё должен этому научиться».

Человеку, его делу, его нравственной высоте посвящено не только большое количество её статей, очерков, рассказов и стихов. В творческой судьбе автора этой книги этому посвящена и рубрика «Личность в образовании» в журнале «Вестник военного образования», и вся её научно-педагогическая деятельность.

А её творчество, посвящённое людям, как бы подтверждает мысль, высказанную более двухсот лет назад, о том, что зрелище жизни интересного человека есть всегда прекрасное зрелище, возвышающее душу и активизирующее деятельность.

Зная не понаслышке, с каким уважением к ней относятся не только её коллеги, студенты, но даже оппоненты, считаю это неоспоримым доказательством того, что Надежда Дробышевская находится на своём месте, предназначенном ей судьбой. И эта очередная книга, написанная о наших современниках, только подтверждает мою мысль.

*Главный редактор газеты «Московский комсомолец»,
Председатель Союза журналистов Москвы,
член Общественной палаты РФ,
декан Высшей школы журналистики
Павел ГУСЕВ*

От автора

«Мудрость – это умение извлекать из всего нечто особенное и наполнять этим жизнь».

Джулиана Вильсон

Книга «По тонким нитям судеб. Современники» является продолжением серии очерковой публицистики о людях. И не важно, что сегодня эта тема волнует немногих, – для меня она является самой важной.

Это вполне объяснимо, ведь всё, что есть вокруг нас (кроме созданного Природой-Матушкой), – творения рук человеческих, и каждый из живущих на земле вносит в эти творения свою лепту.

Я уже давно поняла, что надо делать только то, что принимает твоё естество, твоя душа. Мне нравится рассказывать читателю не придуманные истории, а истории жизни реальных людей, которых всегда выбираю сама. Их живые жизненные истории – словно новый мир, который ты открываешь для себя и для других...

Мои герои разные и необязательно знамениты своими достижениями. Отнюдь. Я выбираю тех, кто мне ближе по духу или «чей образ мне на душу ляжет». Именно поэтому среди моих литературных зарисовок есть зарисовки как об обычных, с точки зрения обывателя, или, как говорят мои оппоненты, «неинтересных в плане значимости» людях, так и о достаточно известных.

Не рассказывать о простых людях, на мой взгляд, величайшее заблуждение, так как жизнь каждого человека – замечательная история со своими как трагическими, так и счастливыми моментами. А если брать в целом, то, как я уже не раз писала, «описание жизни каждого человека – это маленький кирпичик в строительстве истории нашей страны».

Да, хочу сразу пояснить для своего читателя, что свои публицистические материалы о людях я не отношу к понятию очерка в чистом его

виде. Как вы заметите после прочтения (или уже заметили из других моих публикаций), я оставляю очень много монологов (прямой речи) своих героев. И это не случайно. Считаю, что никакими, даже самыми замечательными сравнениями и авторскими описаниями нельзя заменить рассказ самого героя.

Один главный редактор достаточно молодого издания сказал, что это «толстовщина», а другой, достаточно известный и уважаемый мною журналист сказал, что «такое мог позволить себе только Хемингуэй». До сих пор не знаю, хорошо это или плохо... Ну, что поделаешь, у каждого своё видение. Я вижу именно так.

Представляя своему читателю очередные небольшие литературные зарисовки о моментах из жизни разных во всех отношениях людей, хочется верить, что в этих жизнеописаниях каждый найдёт для себя нечто интересное и поучительное...

Надежда Дробышевская

ЧЕРГИНЕЦ Николай Иванович

Родился 17 октября 1937 года в городе Минске (БССР). Белорусский политик, писатель, член Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь. Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь. Народный писатель Беларуси. Является первым белорусским писателем, обратившимся к жанру милицейского детектива. Автор около полусотни книг художественной прозы, большинство из которых – остросюжетные детективы, нескольких киносценариев и спектаклей. Книга «За секунду до выстрела» вошла в школьную программу.

СУДЬБА, ЗАКАЛЁННАЯ ГОДАМИ

Возможность общения не просто на уровне рабочих моментов, а именно по поводу написания небольшой зарисовки о председателе Союза писателей Беларуси Николае Ивановиче Чергинце – человеке-легенде во всех смыслах этого слова – была для меня просто подарком.

Ещё когда была совсем маленькой, я часто слышала фамилию Чергинец. Помню, как мой старший брат, увлекающийся футболом, во время трансляции футбольных матчей произносил с восторгом: «Это же сам Чергинец!».

И даже потом, через много лет, сталкиваясь с Николаем Ивановичем на писательских мероприятиях, никоим образом не могла даже подумать, что это тот самый знаменитый футболист, фамилию которого так надолго запечатлела моя детская память.

И только когда Николай Иванович стал делиться своими детскими воспоминаниями, я поняла, что детская память способна запечатлеть и не такие простые моменты:

– Когда началась война, мне было всего четыре года, но некоторые моменты, даже начала войны, я помню так отчётливо, словно это было вчера, а я вовсе и не был тем маленьким ребёнком...

И от совсем не детских воспоминаний Николая Ивановича мне стало не по себе. И мне было совершенно непонятно, как мог не сойти с ума

маленький мальчик, когда на его глазах фашист убил новорождённую сестрёнку как раз в тот момент, когда мама кормила её грудью? Как мог он пережить смерть своего друга, которого также у него на глазах убил пьяный фашист, от которого тот пытался убежать, – убил только за то, что он осмелился попросить конфету – редкое тогда для них, совсем маленьких мальчишек, лакомство... И то, что он сам тогда чудом остался жив... И ещё множество вопросов, на которые я не могла не ответить себе, не вообразить, что такое вообще было возможно... Хотя, помня рассказ своей мамы, на глазах которой сожгли почти всю её семью вместе с жителями нескольких окрестных деревень, наверное не стоило бы удивляться жестокости и бесчеловечности фашистов. Однако воспоминания Николая Ивановича переполнили и эту чашу...

И тогда мне вспомнился один эпизод из моей жизни, когда я защищала свою диссертацию, в которой была часть, где описывалась жестокость фашистских оккупантов на территории Белоруссии. Так вот, один из моих оппонентов написал в отзыве, что «автор не права, так как совсем не показала в своей диссертации гуманность немецкого солдата, который был особенно добр к детям».

Да, согласна, что были единичные случаи, когда немецкие солдаты могли проявить чувство сострадания к детям. Но у Николая Ивановича есть книга «Операция "Кровь"», которая написана им о событиях, происходивших в годы войны на территории Белоруссии, для написания которой он использовал архивные документы, посему правдивость этой книги опровергнуть никоим образом нельзя. Так вот своему оппоненту я бы просто посоветовала прочесть эту книгу...

В этой книге описываются, как называли их фашисты, «детские интернаты», в которые на протяжении всей войны со всех оккупированных территорий свозили детей, «под ноль выкачивая из них кровь» для своих раненых...

Возникает вопрос: «А как же их пресловутая чистота арийской крови, в которую они вливали кровь детей всех национальностей, в том числе и евреев, которых в войну они же истребляли как ненужную расу?..».

Слушая воспоминания Николая Ивановича о войне, не просто понимаешь, а ощущаешь кожей весь ужас той войны – сколько жизней она,

эта проклятая война, изуродовала, пройдясь по каждой семье, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков...

Живым примером этого является рассказ Николая Ивановича о его сестре, которую фашисты арестовали за помощь партизанам и над которой во время пыток издевались, ломая ей руки и ноги, уродуя лицо, которая, чудом выжив и не познав из-за них ни женского, ни материнского счастья, ушла из жизни совсем в молодом возрасте... Да много ещё чего, что осталось в недетской памяти маленького Коли.

Но... Время не стояло на месте... Постепенно притупляя боль и стирая из памяти бесконечно долгие, полные ужасов военные дни, жизнь начала входить в своё русло; восстанавливались города, заново возводились сожжённые деревни, и «дети войны» возвращались к обычной мирной жизни...

Николай, вернувшись к мирной жизни, всё свободное время, а порой сбегая с друзьями с уроков и уклоняясь от домашних дел, «с удовольствием гонял во дворе набитый соломой мяч».

И однажды, когда они с мальчишками в очередной раз гоняли мяч во дворе, к нему подошёл мужчина, который до этого часто приходил к ним во двор, незаметно наблюдая за их игрой. Этот мужчина предложил Николаю попробовать свои силы, став членом новой футбольной команды. Как выяснилось потом – это был главный тренер сформировавшейся тогда в Белоруссии команды «Спартак».

Так начался новый этап в жизни Николая Чергинца...

– Однажды случилось небольшое событие, которое перевернуло не только всё моё сознание, но и всю мою жизнь... Это было, когда я был уже достаточно известным в футбольной среде человеком... В то время всем спортсменам обязательно нужно было где-то работать. Футбол был футболом, а работа – работой. Я устроился работать на завод. И однажды, после рабочей смены, мне пришлось идти домой пешком. А это было почти 12 километров. То ли денег на автобус не было, то ли опоздал на него, не помню. Помню, что перед тем, как идти, купил газету «Правда» и по дороге всю её прочёл от корки до корки.

Читать при ходьбе Николаю Чергинцу было не сложно, ведь будучи нападающим в команде он имел хорошее периферическое зрение, ко-

торое давало ему возможность смотреть перед собой и одновременно видеть, что происходит вокруг.

Так, прочитав по дороге всю газету, он сделал для себя вывод, что «писать – это здорово». И именно в эту вынужденную пешую прогулку к нему пришло первое желание написать что-то самому.

К этому времени в его жизни уже всё сформировалось – известный в Белоруссии и СССР футболист, которого нарасхват приглашали к себе различные ведущие спортивные команды, дом, семья. Однако, как для любой неуёмной натуры, ему хотелось чего-то ещё...

Николаю Ивановичу по роду своей деятельности приходилось много ездить, а время в пути он коротал с книгой.

– Я тогда читал очень много, иногда без разбора... Ведь окончив вечернюю школу, где на уроках хотелось только спать, я многое пропустил в образовании. Какая там учёба, когда целый день то на работе, то на тренировках... И именно в поездках, когда нужно было как-то убить

*Нападающие команды «Динамо-Минск» (слева направо):
Юрий Погальников, Николай Чергинец, Эдуард Малофеев, Михаил Мустыгин,
г. Минск, 1974 год*

время, у меня началось моё самообразование, и именно тогда я понял, что надо учиться дальше.

Первое образование Николая Чергинца – Минская футбольная школа молодёжи, где он, учась, ещё и получал очень солидную по тому времени стипендию.

– Когда я принёс домой первую стипендию, а это целых 800 рублей при том, что отец тогда получал 1100 рублей, мама расплакалась... Конечно, для нашей большой семьи, где было шестеро детей и папа – инвалид войны, – это была существенная прибавка...

Николай Иванович участвовал в международных футбольных матчах и даже в качестве поощрения побывал в Китае и Корее, что само по себе для тех лет было, как он выразился, «из области фантастики».

– Для нас, тогдашних парней, то, что мы попали за границу, было невероятным везением... Нам довелось побывать и в Китае, и в Корее... И везде, куда бы мы и в какое бы время суток ни приехали, нас встречали, что называется, по высшему разряду. Из самолёта, из поезда, из машин – на чём бы мы ни приехали, везде были многотысячные демонстрации, а нас выносили на руках в прямом смысле этого слова...

Следующим этапом в его спортивной карьере была игра в команде киевского «Динамо», куда его пригласил главный тренер этой команды Константин Васильевич Щегоцкий. Шёл 1958 год...

– Помню, – продолжил свои воспоминания Николай Иванович, – дали мне на стадионе «Локомотив» комнатку. Располагалась она за женской душевой, а в ней между досками сплошные дыры... И мне каждый раз, чтобы попасть к себе, приходилось, закрыв глаза, перебегать через всю душевую, а девчонки хохочут, издеваются... А я заберусь к себе в комнату и свет не зажигаю, пока все не разойдутся... Стыдно было... Так и жил...

Затем судьба забросила его в город Винницу, в только что сформированную тогда команду «Локомотив», где ему положили и хорошую зарплату, и пообещали квартиру, которую затем и дали. Там же он забил свой первый гол, который вошёл в историю города Винницы.

Был ещё один этап в его футбольной карьере – это город Кишинёв, где он играл в команде «Молдова». Но тогда Николай Чергинец играл уже на международном уровне.

*Комдив 103-й ВДД Павел Грачёв и Николай Чергинец,
Афганистан, 1986 год*

Затем он снова вернулся в родной Минск. И уже здесь, будучи в команде мастеров, он поступает в Высшую школу футбольных тренеров при Минском институте физкультуры.

– Я тогда уже понимал, что футбол футболом, а образование для жизни просто необходимо... Тому было много примеров, когда великие футболисты, окончив свою спортивную карьеру, оставались просто не у дел...

График его рабочего дня был расписан по минутам: утро начиналось с тренировки, затем была учёба и снова – тренировки. А по вечерам он, как и все студенты того времени, принимал участие в патрулировании вечернего Минска. А однажды ему даже довелось участвовать в задержании особо опасного рецидивиста.

– Мне так понравилось ловить бандитов... А когда ещё об этом случае рассказали в одной из телевизионных программ, я почувствовал себя

просто героем. И вот тогда я для себя решил, что буду работать в милиции, но не просто в милиции, а именно в уголовном розыске.

Но кроме мечты стать сотрудником уголовного розыска у него была ещё одна мечта – писать. И хотя первые пробы пера уже были, ему всё же хотелось заниматься этим профессионально.

– Я тогда хотел многого. И уголовный розыск, и писать, и учиться. А ещё я хотел стать спортивным журналистом, комментатором.

Так и пришло решение о поступлении в Белорусский государственный университет на факультет журналистики, куда он с успехом и поступил.

В это же время Николай Чергинец принимает ещё одно судьбоносное решение – прощание с футболом.

– Я для себя понял одно, что этап футбольной игры в моей жизни уже подошёл к концу, – вспоминает Николай Иванович. – Меня уговаривали остаться в «Динамо» сам Пётр Миронович Машеров, а также Кирилл Васильевич Мазур. Они сочли, что я ухожу потому, что у меня что-то не заладилось в жизни...

Однако даже уговоры столь именитых людей не смогли изменить принятого им решения.

Николай Иванович, чтобы было время для творчества, переводится на заочное отделение и снова возвращается на работу на свой завод. Это случилось как раз в то время, когда вышло постановление ЦК КПСС «Об укреплении органов правопорядка представителями рабочего класса». И это постановление помогло исполниться ещё одной его мечте – работать в уголовном розыске...

– Меня провожали всем заводом. На общем заводском собрании давали напутствие... Ведь работа в уголовном розыске тогда считалась очень почётной, хотя сложной и ответственной. А желание стать спортивным комментатором сразу ушло на второй план.

Получив направление от завода на работу в уголовном розыске, Николай Иванович тут же переводится с факультета журналистики на юридический факультет, таким образом сразу же получив возможность работать в уголовном розыске в качестве начинающего специалиста.

Ему повезло – его рабочее место располагалось напротив рабочего места Владимира Камышева, известного в то время специалиста белорусского уголовного розыска. Именно Владимир Камышев научил его всему: как правильно оформлять документы, как вести допросы, да и многим иным тонкостям этой работы.

И именно тогда, работая в уголовном розыске, Николай Чергинец написал свои первые книги...

Службу в УГРО он при этом не оставлял, наоборот, некоторые неординарные случаи из своей практики он использовал для написания своих произведений. И его труд был вознаграждён. Николай Иванович получил свою первую профессиональную награду – медаль «За отличную службу по охране общественного порядка». А через некоторое время его назначили старшим оперуполномоченным, а затем уже и начальником уголовного розыска МВД Белоруссии. Занимая столь значимые

Председатель правления Союза писателей России Николай Иванов на творческом вечере Николая Чергинца в Храме Христа Спасителя вручает ему золотую медаль «Василий Шукшин», г. Москва, 2019 год

должности, он не раз получал звания лучшего оперуполномоченного города Минска, БССР и СССР.

По словам тех, кто давно с ним знаком, Николай Чергинец был человеком слова. По этому поводу поведаю читателю одну забавную историю, которая произошла с Николаем Ивановичем в пору его работы в УГРО.

Как-то его друг решил подшутить над ним и намазал телефонную трубку чернилами. Соответственно, когда Николай Иванович поднёс её к уху, то вся его щека и ухо оказались испачканными этими чернилами. Все вокруг вдоволь повеселились, а Николай Иванович пообещал шутнику также разукрасить его, но «более серьёзное место, чем ухо...». И таки разукрасил, да так, что об этой шутке отголоски дошли даже до министров не только БССР, но и СССР. Так что все в очередной раз убедились, что шутки с ним плохи, и слово он держать умеет.

Много чего было в жизни Николая Ивановича. Он прошёл Афганистан, испытав на себе все тяготы уже другой, афганской войны, да и много ещё чего, что выпало на его долгую и насыщенную событиями жизнь. Обо всём этом лучше всего говорят его награды, коих у него более полусотни. Среди наград 12 орденов, в числе которых орден Красного Знамени и два ордена Красной Звезды. В 1998 году с формулировкой «за разноплановые достижения в области науки, культуры, литературы и политической деятельности» Николай Иванович был занесён в Книгу рекордов Гиннеса, а в 2005 году Международным географическим Кембриджским центром был удостоен звания «Международный профессионал 2005 года»... И это только малая толика из всех его достижений...

Чтобы рассказать обо всём, что пережил и через что прошёл в своей жизни Николай Иванович Чергинец, нужно написать целую книгу, а формат очерка не может вместить даже сотой доли всего, что можно рассказать об этом неординарном человеке...

Сегодня генерал-лейтенант внутренней службы Николай Иванович Чергинец – не только председатель Союза писателей Беларуси, он – член Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь 1-го, 2-го и 3-го созывов, да ещё находит при этом время для обще-

*Николай Чергинец в кругу семьи: супруга Надежда Ивановна, дочь Ольга (справа).
В центре – внучка Лиза, слева – сын Игорь.
Стоят слева направо: невестка Ольга, внуки Денис, Иван и Александр*

ственной и научной деятельности. В его личной библиотеке более 20-ти собственных художественных книг и столько же научных, ведь не зря он в своё время защитил кандидатскую диссертацию, получив учёное звание кандидата юридических наук.

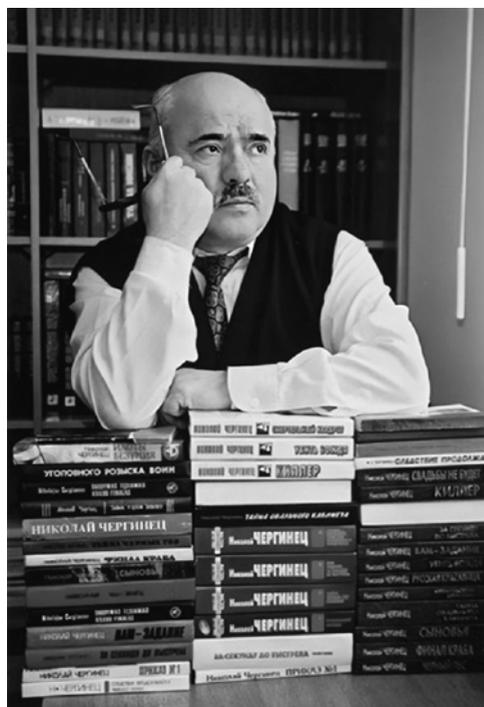
Однако я считаю, что самым главным из всего, что происходило с ним в жизни, является то, что он, занимая многочисленные ответственные посты, никогда не переставал писать. Прообразами его произведений часто были реальные герои и события, с которыми он сталкивался во время своей службы в УГРО. И всё, что было написано им, у читателей вызывало и вызывает неподдельный интерес. Его не надо было «раскручивать», как нынешних авторов, – он сделал себя сам

своим талантом и широтой мышления. На многие свои произведения он сам написал сценарии для экранизации, а его книга «За секунду до выстрела» вошла в школьную программу.

Книги – это, если можно так сказать, «шаг в вечность»... Ведь жизнь героев, о которых так просто и так талантливо рассказывает в своих произведениях Николай Чергинец, останется навсегда... Так что Николай Иванович Чергинец уже сегодня, живя в добром здравии и в ладу с собой, сделал свой «шаг в вечность», навсегда вписав своё имя в книгу под названием «История»...

В заключение добавлю только одно. Из всего, что я услышала от Николая Ивановича, я поняла, что самые яркие его воспоминания – воспоминания о войне. Они сегодня вытеснили из его памяти всё, что происходило с ним после... И в каждом из них чувствуется непередаваемая словами боль за поруганную Беларусь, за своих земляков, каждый третий из которых остался лежать в земле...

Для меня же беседа с Николаем Ивановичем Чергинцом останется одним из знаменательных событий в моей жизни. И не только потому, что от него я узнала многое о своих земляках, о пережитом ими и о том, чем они живут сегодня, а ещё и потому, что общение с такими людьми, как он, даёт мощнейший эмоциональный заряд и учит уменью жить, не забывая при этом о тех, кому ты обязан этой жизнью... Ведь память – это и есть та невидимая нить, связывающая между собой всех нас...

Декабрь 2017 года

ПУСКЕПАЛИС Сергей Витауто (15.04.1966 — 20.09.2022)

Советский и российский актёр и режиссёр театра и кино, политический деятель. Художественный руководитель Российского государственного академического театра драмы имени Ф. Волкова с августа 2019 года по 20 сентября 2022 года. Заслуженный артист РФ. С февраля 2021 года до конца жизни – член Центрального совета партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду».

«БЕЗ РАБОТЫ МЕНЯ НЕТ...»

Когда создавалась книга, Сергея среди нас уже не было... Но я не стала менять в тексте ни одного слова, оставив всё так, как было в день нашей с ним встречи...

ПОСВЯЩЕНИЕ

*В одно мгновенье всё смешалось:
Шум, скрежет, лязг и... тишина.
Немая, чёрная усталость
С той тишиной вдруг снизошла...
И всё, что прежде было важным,
Вмиг превратилось в пустоту...
И тысячам сердец отважным
Не одолеть ту тишину...*

В переполненном зале, где проходил юбилей Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны, было шумно: произносились поздравительные речи, звучали музыка, песни, не совсем тихие разговоры гостей. И тут ведущий, остановив музыку и попросив минутку внимания у присутствующих, предоставил слово бывшему преподавателю.

давателю училища ветерану Великой Отечественной войны Санько Михаилу Степановичу.

За время, пока ветеран медленно продвигался к микрофону, бережно поддерживаемый с двух сторон молодыми офицерами, в зале становилось всё тише и тише. А когда он заговорил, вокруг воцарилась полная тишина. Он говорил еле слышно, произнося принятые в таких случаях слова поздравления. И вдруг, замолчав на полуслове, неожиданно для всех начал читать стихотворение Константина Симонова «Жди меня». Все, кто находился в зале, не сговариваясь, один за одним встали...

И в это время я увидела, как через весь зал, пробираясь между плотно стоящими столами и стульями, к нему шёл Сергей Пускепалис, который также присутствовал на этом торжестве. Подойдя к ветерану вплотную, он молча опустил перед ним на колено...

В это время все, кто присутствовал в зале, напряжённо следили за каждым движением ветерана, вслушиваясь в каждое его слово. А когда тот вдруг запинаясь, хором помогали ему, а затем просто стали читать вместе с ним... А Сергей Витауто всё это время стоял, преклонив перед ветераном колено, и по его щекам одна за одной медленно стекали слёзы...

Слёзы текли и у меня... Стараясь незаметно промокнуть их салфеткой, оглянулась на тех, кто стоял рядом со мной. Многие из них также незаметно смахивали слезу. А это были, в основном, офицеры и генералы... Вот это и называется «момент Истины»...

Именно после этой, поразившей меня до глубины души сцены появилось непреодолимое желание написать о Сергее Витауто Пускепалисе.

И уже потом, получив согласие Сергея на написание о нём небольшой литературной зарисовки для своей книги и приехав для встречи с ним в Ярославль, я, сидя в его рабочем кабинете за чашечкой ароматного чая, спросила: «Чем был вызван тот его порыв?». Он помолчал некоторое время, словно подыскивая слова, но вместо ответа рассказал мне один случай из своей жизни:

– Как-то будучи у себя дома, в Железноводске, я возвращался со встречи с друзьями домой. Было уже довольно поздно. И вдруг вижу на обочине, почти на самом асфальте, лежит человек. Я его объехал, затем остановился, вышел из машины и подошёл к нему, предположив, что ему стало

плохо. Это был пожилой мужчина. И, как я понял из его слов, он ходил в горы за шиповником, устал и просто лёг отдохнуть... Я ещё тогда подумал: «В его-то возрасте, да в горы за шиповником...» И, честно говоря, был очень удивлён. А узнав, что ему до своей деревни ещё идти и идти, усадил его к себе в машину, загрузил его корзины с шиповником, и мы поехали... Старик оказался очень разговорчивым. Из его рассказа я узнал, что он прошёл всю войну, был не один раз ранен, но остался жив и сегодня радуется тому, что может ещё быть полезным своим детям и внукам... Я отвёз тогда старика домой и сказал ему, что через недельку-вторую, как только освобожусь, обязательно приеду к нему в гости... И через пару недель я действительно, накупив продуктов, приехал к нему в гости... Но опоздал... Старика на днях схоронили...

Сергей рассказывал, а я слушала и внимательно наблюдала за ним. И в какой-то момент в его глазах промелькнула такая тоска, что я всей кожей ощутила, насколько ему было больно и обидно, что он не бросил тогда все свои дела и не поехал к старику раньше...

Казалось бы, совершенно рядовой случай, мимо которого многие бы просто прошли мимо, для Сергея стал уроком на всю жизнь. И именно с того момента он ещё бережнее стал относиться к старикам, а особенно к ветеранам, кто на своих плечах принёс победу, понимая, что их осталось не так много...

Обычно перед встречей со своим будущим литературным героем стараюсь как можно больше узнать о нём. Но здесь столкнулась с тем, что Сергей оказался довольно закрытым человеком в плане интервью и иных журналистских вещей. А ещё узнала, что он, при всей своей кажущейся открытости, очень осторожно относится к новым знакомствам, словно боясь впустить в свой, ведомый только ему, мир того, кто может этот мир нарушить.

И здесь я с ним полностью согласна, ведь, как сказал один философ, «каждому человеку, которому ты даришь своё доверие, ты даёшь в руки меч, которым он может тебя или защитить, или уничтожить»...

...Начала я свою небольшую зарисовку о знаменитом актёре, режиссёре, художественном руководителе Ярославского театра драмы им. Волкова Сергее Витауто Пускепалисе с описания этого случая потому, так

На репетиции. Ярославский театр драмы имени Волкова, 2018 год

как именно такие жизненные моменты наиболее глубоко раскрывают внутренний мир человека. И я безмерно благодарна «Его Величеству Случаю» за то, что оказалась в тот день, на том замечательном юбилее, и стала свидетельницей того, что увидела...

...Итак, приехав очередной раз в Ярославль и ожидая встречи с Сергеем Витауто, я долго бродила по театральным коридорам в сопровождении его помощницы Екатерины и внимательно слушала её рассказ. Она рассказывала о театре с таким восторгом, что к тому времени, когда началась наша беседа с Сергеем Витауто, я уже понимала, почему для своей режиссёрской деятельности он выбрал именно этот театр. И не ошиблась, так как наша с ним беседа началась именно с рассказа о нём:

– Я выбрал Ярославль не просто так. Я не скажу, что в Москве хуже или лучше, но иначе – это точно. И я по-своему люблю Москву, где у меня осталось множество друзей. Но Ярославль – теперь мой город. И он – не просто город, а город театра. А наш Волковский театр – ярославский

Парнас, как принято у нас говорить, первый русский профессиональный театр. Не просто первый, а уникальнейший театр! Фёдор Григорьевич Волков, его основатель, сродни европейским титанам Возрождения. Это – личность! Он был и актёром, и режиссёром, и сценаристом, а ещё художником, резчиком по дереву, поэтом, сочинителем, музыкантом да много ещё кем... Вот какой человек основал этот прекрасный театр. И я счастлив, что имею возможность служить в нём, а тем более возглавлять этот театр! Представьте, он создан в 1750 году и сейчас уже 272-й театральный сезон! И моя жизнь теперь тесно связана с этим театром...

Российский государственный академический театр драмы имени Фёдора Волкова, руководителем которого является Сергей Пускепалис и о котором он с таким восторгом говорит, – это сегодняшний день его жизни. Но, как он сказал: «Чтобы чего-то достичь, сначала надо иметь счастье родиться, то есть прийти в этот мир».

Сергей Пускепалис с родителями, Чукотка, 1970 год

Если говорить о месте появления Сергея на свет, то это город Курск. Правда его босоное детство прошло на Чукотке, а школу он окончил уже в Железноводске.

Такая обширная биография его проживания объясняется очень просто – его отец Витаутас Пускепалис был геологом. И к тому времени, когда их семья переехала в Железноводск, Сергей побывал уже во многих местах. Но именно в Железноводске он впервые ощутил желание стать тем, кто он есть сегодня. И там же, к слову сказать, он встретил свою будущую жену Елену. А Железноводск, куда бы потом ни забрасывала его судьба, так и остался его родным городом...

Однако не будем забегать вперёд и вернёмся к его повествованию:

– После окончания восьмого класса я поступил в Саратовское театральное училище на курс Юрия Киселёва. И почти сразу же после училища был призван в армию. Об армии, что называется «чем дальше, тем лучше», помнится только хорошее, хотя, надо понимать, было всякое...

На съёмках фильма «Крёстный», г. Санкт-Петербург, 2015 год

Армия – это целых три года жизни. Мне довелось служить на Северном флоте на корабле, который осуществлял прикрытие. Мы были таксистами – возили морскую пехоту. Тридцать седьмая десантная дивизия... Но всю свою службу я мечтал, чтобы меня забрали в какой-нибудь театр... Не случилось... Отслужил, как все, по полной все три года так называемым «секретчиком», а службу закончил старшиной первой статьи...

Для тех, кто далёк от армии, поясню, что в секретную службу берут не всех – это для солдат срочной службы своего рода «элита». И то, что Сергей попал служить именно в это подразделение, говорит о многом...

А ещё мне, как жене офицера, было приятно слышать, с какой гордостью Сергей вспоминал о своей службе в армии. Ведь это, как первый шаг в большую жизнь, полную сложностей и испытаний, которую он не только прошёл и выдержал, но ещё и по-доброму, с юмором вспоминает о том времени.

И уже потом, намного позже, когда Сергей пришёл в кино, а это случилось ближе к сорока годам, ему довелось сыграть огромное количество актёрских работ, среди которых было немало ролей военных. И я думаю, что та армейская закалка, полученная им во время срочной службы в армии, сыграла в этом не последнюю роль.

Об одной из таких замечательных работ – роли военного врача в фильме «Крёстный» – он рассказывал с особой теплотой:

– Фильм «Крёстный» был снят по реальным событиям. Прототипом моего героя является военврач Алексей Ильин, который сегодня заведует перинатальным центром в Санкт-Петербурге. И мне, благодаря этой роли, довелось оказаться в Македонии, пообщаться с теми, кто был свидетелем той страшной Сербской войны, и понять, практически ощутить кожей и всем нутром тот, совершенно неизвестный мне мир. А самое главное – увидеть подтверждение того, что я старался донести через свою роль до своего зрителя... И, как пример, такой случай: это было на съёмках в Битоле. У нас не было сил переодеться после съёмок, и мы, а нас было человек семь, вместе с десантниками как были в форме миротворцев, так и пошли в гостиницу. Надо было видеть глаза местных жителей, которых мы встречали по пути. В их глазах была такая радость, словно они говорили: «Наши в городе». И вот тогда я ощутил на себе то огром-

ное уважение, которое они питают к русским военным. И это дорогого стоит... И такое же ощущение было, когда мы снимали последние кадры перед взлётом вертолётa и ехали на бронетранспортёрах к аэродрому. Тогда местные жители по всему пути нашего следования выходили из домов и радостно махали нам руками... И именно там, в Македонии, увидев и ощутив всё это на себе, я впервые в полной мере осознал, какой груз ответственности лежит на русском воинстве...

Судя по тому, насколько правдиво, до мурашек по коже, Сергей Витауто смог передать те чувства, тот накал страстей происходящих событий, понимаешь, что он не играл, а проживал эту роль. И это не только в «Крёстном», так в каждой его как актёрской, так и режиссёрской работе.

Сам он так говорит об этом:

– Если говорить о моей жизни, то вся она отражена в моих ролях и моих постановках, поэтому я не могу сказать ничего нового – я живу этим, и без этого меня просто нет... Сказать, что я для создания тех или иных ролей делаю что-то специально, не могу... У меня остался свой армейский опыт да ещё очень большой круг общения, среди которых люди разных профессий, в том числе ребята, связанные с военным делом. Это и действующие офицеры, и отставники, и военные врачи, и военные журналисты. И, по-видимому, общаясь с ними, я пропитываюсь их духом, поэтому, играя военного, просто живу этой ролью... А вообще, в каждой актёрской работе просто задаю себе вопрос: «Как бы я поступил в такой ситуации?» И как для себя решаю, так и поступаю... Но ведь не надо забывать, что в кино актёр подчинён воле режиссёра. И я могу только в свою роль вкладывать свои чувства, эмоции. А вот они, эти чувства и эмоции, появляются порой по наитию... Если говорить о какой-то системе, то её нет... Это как алгебра гармонии... То, что ты вкладываешь в роль, создавая тот или иной образ, – это то, чему никогда нельзя научиться... Это где-то внутри каждого из нас... И поэтому каждый фильм, каждый спектакль – это как маленький кусочек твоей жизни, который ты проживаешь только в чужом образе. А этот, созданный тобой образ в свою очередь влияет на тебя, иногда полностью меняя твоё отношение к тем или иным вещам...

Рассказывая о своих многочисленных работах, Сергей с особой теплотой отзывался о коллегах. Например, в фильме Тиграна Кеосаяна «Бес-

смертные», вышедшем в малый прокат как раз перед 23 февраля, актёрский коллектив, который участвовал в съёмках, по его словам, был просто потрясающим. А совместная работа с такими замечательными актёрами, как Юрий Стоянов, Фёдор Добронравов, Роман Мадянов, для него была огромным везением и счастьем.

Вспоминал он и о съёмках фильма «Жизнь и судьба», где играл капитана Грекова, прототипа лейтенанта Афанасьева, которые проходили в Ярославле на кирпичном заводе. И слушая его воспоминания об очередной своей роли, я видела, как Сергей, рассказывая о ней, снова погружался в тот фильм, о котором шла речь:

– За время работы в таких фильмах, как «Жизнь и судьба», я начинаю по-иному относиться к жизни... Представьте, вот мы после съёмок нескольких эпизодов идём все грязные, усталые... Но мы возвращаемся в комфортные условия, где есть душ, тёплая постель, вкусная еда. И ты понимаешь, что те, кто воевал, они ведь сутками ходили такие же грязные и уставшие, но у них не было возможности ни отдохнуть, ни поспать, а чаще всего и поесть... Вот тогда происходит переоценка всех ценностей... Но надо понимать, что переоценка ценностей происходит и в жизни, когда ты сталкиваешься с теми или иными трудностями... Я помню, как в «смутные» 90-е мы жили в Саратове и выживали, как могли... В общем, как и все... У нас уже к тому времени родился сын... Лена работала, правда не по специальности, но работала. А я тогда работал в Театре юного зрителя и, чтобы как-то продержаться на плаву, держал ларёк. В этом ларьке мы продавали книги и леденцы. Вот на прибыль от этих леденцов я поставил свой первый спектакль «Рождество в доме Купьелло» Эдуардо Де Филиппо. И это тоже испытание, после которого ты на жизнь смотришь уже совершенно иными глазами, также, как после очередной сложной роли...

За время нашей беседы с Сергеем у меня сложилось такое впечатление, что я знаю этого человека очень давно, настолько его рассуждения были близки мне по духу. И я думаю, что такое ощущение появляется не у меня одной и не только после беседы с ним. Ведь каждый зритель, знакомясь с теми экранными героями, образы и характеры которых так реально передаёт Сергей Пускепалис, начинает переживать и проживать

эти судьбы вместе с ним. И это восприятие настолько реально, что характеры экранных героев и самого актёра сливаются для зрителя в одно целое. Именно такое воздействие актёра на зрителя через своего экранного героя и есть уровень актёрского мастерства.

Однако Сергей, несмотря на столь явное зрительское признание его киноработ, своё предназначение всё же видит в режиссёрской работе, и не в кино, а именно в театре. И я не могла не задать ему вопрос: «Почему он занялся именно театральной режиссурой?»:

– В режиссуру я пошёл, уловив однажды, что мне больше нравится видеть успех других, чем свой актёрский, от которого чаще всего испытываю неловкость. У меня после каждой актёрской работы всегда такое ощущение, словно я взял у моих зрителей их доброе ко мне отношение, как бы займы, и всё время пытаюсь это отработать... А вот ощущение того, что ты можешь дать возможность актёрам проявить свой талант, – это намного ценнее... Во всяком случае, для меня... И чтобы воплотить это в жизнь, я поступил на режиссёрский курс к Петру Наумовичу Фоменко. Мы тогда перебрались с женой в Москву. И было это в 1998 году... Конечно, было не просто... Жили в общежитии, не было работы... Но мы, чтобы выжить, нашли для себя выход... Я познакомился с ребятами, и мы вместе с ними организовывали разного рода шоу для определённого круга людей, которые могли позволить себе оплату такого шоу. Тогда для нас было самое главное, что это хорошо оплачивалось... И я совершенно не стыжусь того, что делал, так как именно вот та работа помогла нам не просто выжить в Москве, она дала мне возможность закончить обучение, да ещё и заработать неплохие деньги...

И тут я с ним полностью согласна, ведь не будь тех «подработок», которыми тогда в Москве не грешили заниматься ни профессура, ни генералитет, сколького мы были бы сегодня лишены...

Я слушала Сергея и понимала, что он к своим режиссёрским работам относится так же трепетно, как и к своим работам в кино, не позволяя в работе ни на йоту фальши ни себе, ни своим актёрам. При этом, говоря об актёрах своего театра, у него даже менялась интонация в голосе. Он говорил о них очень тепло, словно о своих детях, несмотря на то, что многие из них старше его по возрасту. А ещё мне очень по-

правилась его режиссёрская позиция, о которой он мне откровенно поведал:

– Показателем хорошо поставленного спектакля для меня является гармоничная работа актёрского коллектива. И если спектакль получился, то ты, как режиссёр, уже можешь позволить себе заниматься другими делами, а спектакль будет идти и без тебя. А если спектакль не получился, то любой твой отъезд может вызвать его провал. И поэтому ни у режиссёра, ни среди актёров не должно быть кто лучше, кто хуже, должна быть единая команда и единая цель... К огромному счастью, чему я безмерно рад, у меня напрочь отсутствует чувство зависти. Правда кроме одного раза... Это было давно, когда я впервые увидел постановку Петра Наумовича Фоменко «Абсолютно счастливая деревня». Я тогда вышел из зала просто ошарашенный и понял, что я так никогда не сделаю... Хотя это было совершенно просто, но – гениально... И сегодня, ставлю ли спектакль, создаю ли роль в кино, всегда и от всей души радуюсь успехам своих коллег абсолютно без задней мысли, порой мысленно сравнивая свою работу с работой своего учителя... И если вдруг вижу, что фильм или спектакль, или актёрская роль получились, то я искренне говорю им об этом. Но если не получается, я, конечно, переживаю за своих коллег, но не позволяю им демонстрировать свои неуспехи и беспощаден в вопросах оценки. Никогда не похваляю, если это действительно плохо. Хорошо это или нет, не знаю... Зато – честно...

Также беспощадно Сергей относится и к оценке своего творче-

*На фестивале «Герой и время» с женой
Еленой, г. Железноводск, 2019 год*

Сергей Пускепалис с сыном Глебом

ства, особенно если это касается театральной постановки. Ведь, по его мнению, только в кино не должно быть соавторов. Там главным всегда должен быть режиссёр, а остальные – только помощники. А вот в театре – нет. Он считает, что в театре каждый актёр должен стать соавтором режиссёра. Каждый: актёр, осветитель, реквизитор – все. И все, как один, должны понимать, что режиссёрский замысел – это общее удовольствие, даже от встречи друг с другом на репетиции. И когда такая атмосфера внутри есть, тогда спектаклю быть...

Ещё я узнала, что Сергей Витауто, долго нося в себе переживания от негативных высказываний, которые иногда нет-нет да появлялись на сетевых просторах, в какой-то момент просто перестал реагировать на них. И в этом я с ним полностью солидарна. Как говаривал преподобный Амвросий Оптинский: «Что тебе за дело, что про тебя говорят? Если слушать чужие речи, придётся взвалить осла на плечи».

Однако я поняла и иное: это касается только совершенно посторонних людей. Ко всему, что говорят ему его близкие или те, чьё мнение для него важно, он относится очень бережно. И, конечно же, особое место занимает мнение жены Елены и сына Глеба, который, как и отец, избрал актёрскую профессию, а ещё подарил ему двух прекрасных внуков.

К сожалению, время нашей беседы незаметно подошло к концу. И хотя я ещё хотела о многом спросить и многое узнать об этом совершенно неординарном и, как оказалось, столь близком мне по духу человеком, но Сергей Витауто спешил на репетицию. Однако не могу не поделиться со своим читателем словами, которые он сказал мне буквально перед тем, как закрыть за собой дверь:

– Самое главное – надо уметь радоваться! Радоваться тому, что тебе просто повезло родиться и прийти в этот, пусть и не совершенный, но по-своему прекрасный мир. Надо уметь видеть хорошее. И не важно, в какой сфере деятельности тебе довелось работать, важно получать моральное удовлетворение от того, что ты делаешь. Иметь вкус к жизни... Не обижаться на жизнь, не укорять её, никого не винить, а просто жить и делать то, что ты умеешь, только делать с полной отдачей... И всегда помнить, что жизнь – это великий мир, в котором нам всегда приходится делать выбор, как поступить в той или иной ситуации, ведь от этого выбора может зависеть вся твоя будущая жизнь. И вот здесь главное – не ошибиться...

И если его слова отнести к нему самому, то, видя, как к нему относятся его коллеги, друзья и зрители, по его актёрским ролям и тем режиссёрским работам, которые мне довелось увидеть, могу сказать с уверенностью: Сергей Пускепалис сделал правильный выбор. Ведь все его жизненная энергия, доброта и открытость, заложенные в каждой его актёрской и режиссёрской работе, несут в себе не только колоссальную положительную энергетику, но и исподволь помогают «разбудить» лучшие качества у зрителя. И это, на мой взгляд, самое важное, что должно нести в себе искусство...

Март 2022 года

Протоиерей Димитрий ВАСИЛЕНКОВ
(в миру Дмитрий Владимирович Василенков)

Родился 24 мая 1971 года в городе Санкт-Петербурге. Главный военный священник духовенства, окормляющего военнослужащих МО РФ и иных силовых структур в зоне проведения СВО. Помощник начальника Михайловской военной артиллерийской академии по работе с верующими военнослужащими, сотрудник отдела Санкт-Петербургской епархии по взаимодействию с Вооружёнными Силами. Среди многочисленных наград имеет два ордена Мужества и орден Дружбы.

СО СЛОВОМ ХРИСТОВЫМ ВО БЛАГО ОТЕЧЕСТВА

*У кого-то от боли немеет душа,
Кто-то всех обвиняет в своей неудаче,
А иной, боль свою отпустив, не спеша
Миру дарит любовь, доброту в боль не пряча...*

Своённым священником протоиереем Димитрием Василенковым мы впервые встретились на Международном военно-техническом форуме «Армия-2022», когда на круглом столе обсуждались вопросы, касаемые военного духовенства.

Батюшка приехал на это мероприятие прямо из аэропорта и был одет в специальную, цвета военной формы – «песчанки», рясу. Помня этот цвет со времён службы мужа на Юге, сразу поняла, откуда он прибыл.

Чуть позже, уже переодетым в привычную для священников чёрную рясу, увидела его среди выступающих. Он говорил совершенно потрясающие вещи, кажущиеся для неосведомлённого человека простыми. Однако для тех, кто сидел в зале, это были очень важные и необходимые постулаты, которые должен знать каждый военный священник, да и любой участник военных действий.

г. Грозный, 2005 год

И именно тогда, слушая выступления отца Димитрия, решила для себя, что обязательно должна рассказать о нём своему читателю.

Прошло несколько месяцев, прежде чем мы смогли встретиться с Батюшкой. К сожалению эта встреча была связана с трагическим событием – гибелью военного священника протоиерея Михаила Васильева.

В день, когда мы встретились, отец Димитрий как раз возвращался из Храма Христа Спасителя, где Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершал отпевание отца Михаила.

И, как само собой разумеющееся, наш разговор начался именно с воспоминаний, связанных с отцом Михаилом:

– Да, Бог всегда забирает к себе лучших. А наш отец Михаил и был таковым. В своём пастырском служении он не щадил себя и нас учил

этому. Он имел на это полное право, так как одним из первых стал военным священником, пройдя даже своего рода унижения от тех офицеров, которые не хотели понимать нужность и необходимость присутствия военного священника в армии. Но он не отступил, наоборот, привлекал к этому делу других священников... Мы многому у него научились...

Слушая рассказ отца Димитрия об отце Михаиле Васильеве, которого я знала ещё с середины 90-х годов, порадовалась тому, с какой духовной любовью и почтением Батюшка рассказывал о нём. Однако, как ни горько и больно мне было, постепенно перевела воспоминание своего собеседника в иное русло...

– Родился я 24 мая 1971 года в городе Санкт-Петербурге, правда тогда это был ещё Ленинград, – постепенно перейдя на рассказ о себе, продолжил отец Димитрий. – Даже не в самом Ленинграде, а в бывшем Красном селе, которое уже до моего появления на свет присоединили к городу. Мой отец был офицером и служил в автомобильных частях. Мама, как и многие жёны офицеров, работала в разных местах, а последнее время – в военной части, где служил отец.

Кто близко знаком с буднями офицерской службы, тот прекрасно представляет, что это ещё и постоянные переезды со всеми вытекающими. А для ребёнка, как итог, бесконечная череда смены школ, где нужно было каждый раз вживаться в новый коллектив, постоянно что-то кому-то доказывая. Все эти трудности в полной мере испытал на себе Дима Василенков.

– Школу я уже заканчивал в Ленинграде, – продолжил он свои воспоминания, – и в том же, 1988 году поступил в Ленинградское высшее военно-политическое училище им. Ю.В. Андропова, которое вскоре было расформировано. Это было как раз начало развала Союза, как его называют, время 90-х. И вот тогда, видя всю эту вакханалию, происходящую вокруг меня, ещё не всё понимающего и не всё осознающего, я разочаровался во многом, во что раньше свято верил, и оставил училище.

Действительно, 90-е годы – это страшное время. Разочарование, неверие, а порой и безысходность преследовали в то время многих,

если не каждого. Отцу Димитрию, тогда ещё совсем юному парню, помогла вера, которая постепенно заменила в его сердце все те истины, в которые прежде беспрекословно верил. И он, дослужив остаток времени до положенных двух лет в армии, ещё некоторое время поработал в разных местах, словно испытывая себя на прочность, начал свой путь к храму...

– Я очень люблю свой город с его многочисленными храмами и святынями. И даже болотный воздух, который так часто ругают приезжие, для меня самый чистый и самый лучший. Когда я куда-то надолго уезжаю, безмерно скучаю по этому сырому, пропитанному болотным запахом, воздуху. И именно здесь, в родном городе, я нашёл свой храм...

Много общаясь со священнослужителями, не раз убеждалась в том, что ничего не бывает просто так. Путь отца Димитрия стал тому ещё одним подтверждением. Ведь и назвали его родители в честь царевича Дмитрия Углицкого не просто так – в том было высшее предназначение или, как говорят мои собеседники, «Промысл Божий».

– Жизнь любого из нас складывается не просто так, – продолжил отец Димитрий. – И моя жизнь не исключение. Мои родные, узнав, что я ушёл в Церковь, все как один сказали, что это произошло по молитвам моих близких и моего прадедушки, глубоко воцерковлённого человека.

Надо сказать, что тогда Дмитрий ещё не думал о том, чтобы стать священником. Ему просто нравилась сама храмовая атмосфера и всё, что с этим связано. Сначала он работал сторожем при Красносельском Свято-Троицком храме, помогая в разных послушаниях священнослужителям, затем долгое время пономарил.

Но случилось всё так, как случилось... И уже в 2003 году его рукополагают во диакона. А 4 апреля 2004 года – во священника. Интересное совпадение чисел – 04.04.2004. Наверное и это не просто так...

Затем он поступает в семинарию. Однако и его поступление в семинарию было не совсем обычным. Вот как он об этом рассказывает:

– В семинарию я пошёл поступать, можно сказать, с другом за компанию. Он очень мечтал поступить, а я ещё сомневался. Но так полу-

чилось, что я поступил, а он – нет. Именно тогда я ощутил, что не всё в нашей власти и что наша судьба решается свыше. А наше «хочу» – «не хочу», «буду» – «не буду» уже не имеет никакого значения...

Прослужив год простым священником в своём, ставшем за долгие годы родным, Красносельском Свято-Троицком храме, отец Димитрий начал своё новое служение в качестве военного священника. Случилось это так:

– Настоятелем нашего храма был протоиерей Александр Ганьжин, ныне архимандрит Алексей Ганьжин. Его тогда назначили руководителем военного синодального отдела Санкт-Петербургской епархии. И он взял меня к себе. Так началось моё служение в качестве военного священника, правда тогда ещё неофициально.

Как раз в то время, о котором шла речь выше, его отправляют на Северный Кавказ, где ему довелось окормлять не только «свои отряды», но и всех, кто обращался к нему за помощью.

– Бывало всякое, – продолжил свои воспоминания отец Димитрий. – Хорошо помню один бой. Это было, по-моему, в 2008 году. Я как раз попал в зону боевых действий во время грузино-осетинского конфликта. А через год меня с группой бойцов отправляют в Чечню. По пути в отряд мы попали в засаду, и мне впервые пришлось лично принять участие в бою. Тот бой показал, что я делаю именно то, что обязательно должен был делать... Я молился за ребят, они молились вместе со мной... Сам же бой помог мне увидеть истинный подвиг и силу духа наших солдат и офицеров... Многие из нас получили там ранения, в том числе и я. Но после этого боя были разобраны все иконки и кре-

В зоне СВО, апрель 2022 года

Слева направо: иерей Константин Киосев, протоиерей Димитрий Василенков, иерей Евгений Циклаури, г. Кронштадт, 2022 год

стики, которые я брал с собой, а 8 человек приняли решение о крещении... Это и есть сила Божиего благословения на то дело, которое мы делаем.

Да, времена были нелёгкие. Братство военных священников только проходило своё становление, и вопросов, которые необходимо было решать, было более чем достаточно. Но отец Димитрий никогда не жаловался, а молча выполнял свой пастырский долг военного священника. Подтверждением тому стал орден Мужества, которым он был награждён за участие в том бою, о котором рассказывал, как о будничной работе. Хотя из рассказа его соратников мне удалось узнать, что в том бою отец Димитрий не только укреплял моральный дух бойцов, а организовал и обеспечил связь подразделения с командованием, тем самым уберёг многих из них от неминуемой гибели.

После того, как отец Димитрий «возложил на себя» такой груз, охватив большую часть военнослужащих, его по праву стали считать внештатным сотрудником военного синодального отдела. А через некоторое время его вместе с ныне покойным отцом Михаилом Васильевым по указанию Патриарха Московского и всея Руси Кирилла отправляют в округ Юг, чтобы реализовать проект по возрождению военного духовенства.

– Получив официальный статус, который давал возможность в решении тех или иных проблем, мне стало немного легче, хотя работы прибавилось, – продолжил свои воспоминания Батюшка.

После реализации проекта по возрождению военного духовенства в округе Юг отец Димитрий возвращается в Санкт-Петербург. И уже здесь, работая в синодальном отделе по работе с верующими военнослужащими, он дополнительно получает назначение на должность начальника отдела по взаимодействию духовенства с казачеством Санкт-Петербургской епархии.

Уже не первый раз сталкиваюсь с тем, что священнослужители, в каком бы сане они ни находились, всегда очень скудно рассказывают о себе. Не стал исключением и отец Димитрий. И мне пришлось побеседовать с теми, кто хорошо знает Батюшку.

Из этих бесед я узнала, что отец Димитрий неоднократно (более 40 раз) бывал в различных «горячих точках». Там же, после проводимых им бесед, личного примера проявления мужества и духовной силы приняли таинство Крещения более 800 бойцов. Затем было участие в Крымских событиях, в Сирии, на Донбассе – везде, где были необходимы помощь и поддержка военного священника.

Пройдя долгий и нелёгкий путь в своём служении, протоиерей Димитрий получает ещё одно официальное назначение – помощником начальника Михайловской военной артиллерийской академии по работе с верующими военнослужащими. Хотя уже долгое время до этого назначения он работал там нештатным военным священником. И был это 2018 год.

– Любое военное заведение – это место воспитания будущего слуги Отечества. И сила духа – это одна из важнейших составляющих вос-

питания. Лично мне очень важно понять каждого из них. Не важно, курсант ли это, офицер или простой солдат. Важно найти слова, чтобы помочь каждому. А для этого нужно достучаться, если можно так сказать, до сознания, найти ту единственную ниточку, с помощью которой я смог бы привести его к вере. Ведь именно вера сможет помочь выжить в невероятно сложных условиях войны... А ещё важнее – научить каждого из них оставаться человеком независимо ни от каких жизненных обстоятельств и ни от каких, даже самых сложных ситуаций.

И надо сказать, что это не просто слова. Несмотря на свою занятость, он находит время для лекций, которые проводит в академии регулярно, при этом выполняя обязанности настоятеля академического храма. Курсанты, слушатели, офицеры, а иногда и их жёны приходят в храм не только на службу, но и на исповедь, которая порой превращается в часовые беседы. И это очень важно, ведь у каждого бывают ситуации, когда просто необходимо с кем-то поговорить. А когда это не просто кто-то, а умудрённый опытом священнослужитель, имеющий право выслушать и, что порой немаловажно, сохранить всё в тайне, это ценнее во сто крат.

Сказать про отца Димитрия «умудрённый опытом» – этого мало, так как это нечто большее, что дано не каждому. Ведь не зря он представлен и награждён двумя орденами Мужества и орденом Дружбы.

– К ордену Дружбы был представлен за Крым, – отвечая на мой вопрос: «За что?», продолжил свой рассказ отец Димитрий. – Хотя я просто делал, что должен был делать: поддерживал бойцов, очень много и плотно общался с местным населением, собирали всем миром гуманитарную помощь для нуждающихся. Наверное, делал именно то, что необходимо было делать в той ситуации тех непростых событий, которые происходили в Крыму.

Второй орден Мужества протоиерей Димитрий Василенков получил совсем недавно.

К этому ордену, как сказал сам отец Димитрий, «самому неожиданному», он был представлен за события, которые произошли во время его пребывания в Сирии.

Это произошло в момент открытия православной церкви в честь Святой Софии в Скальбии 27 июля 2022 года. Церемония открытия церкви подходила к концу, как вдруг храм, у которого находилось огромное количество людей, атаковал беспилотник-«камикадзе».

Вот как об этом рассказывает сам Батюшка:

– Праздник открытия был в самом разгаре. Мы с отцом Константином Киосевым раздавали иконки местным жителям, общались с ними. Там были даже мамы с детками. Мы прошли крестным ходом, хоры спели песни. А в момент, когда уже началось выступление местных руководителей и религиозных деятелей, нас атаковал беспилотник. Он взорвался буквально в пятнадцати метрах от того места, где находились люди. И чудо Божие, что нас от взрыва закрыл памятник сирийскому солдату. Потому что, если бы не этот памятник, жертв было в десятки раз больше... Когда произошёл взрыв, началась страшная паника. Все куда-то бежали, ожидая повторения атаки. А мы с отцом Константином с Божией помощью стали отводить женщин, детей и оттаскивать раненых в безопасное место. Раненым тут же оказывали первую медицинскую помощь. Нас этому обучают. В общем, делали то, что должны были делать... И когда нас с отцом Константином представили к ордену Мужества, я даже был немного удивлён...

Его рассказ меня совершенно потряс, настолько просто и буднично он говорил о своём, не побоюсь этого слова, подвиге. Ведь благодаря мужеству и силе воли этих двух батюшек в живых остались 15 мирных жителей, которым они вовремя оказали первую медицинскую помощь. Я считаю, что награды достойно спасение и одной жизни, а тут – 15...

Церемония награждения состоялась в Кронштадте, в Морском Никольском соборе. Ордена Мужества были вручены протоиерею Дмитрию Василенкову и иерею Константину Киосеву (помощнику командира отдельной бригады морской пехоты по работе с верующими).

Вместе с ними медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени получил ещё один военный священник – помощник начальника Военного института Военной академии МТО имени А.В. Хрулёва по работе с верующими военнослужащими, сотрудник отдела

Санкт-Петербургской епархии по взаимодействию с Вооружёнными Силами иерей Евгений Циклаури. Заслуженную награду отец Евгений получил за исполнение своего пастырского долга в ходе специальной военной операции.

Такая высокая оценка руководства страны за смелые и решительные действия священнослужителей и есть показатель необходимости присутствия в армейских подразделениях военного священника. Ведь в любой сложной ситуации, в которой нет-нет да оказываются военнослужащие, когда невозможно найти нужные слова, достаточно просто дать возможность человеку излить душу. А душа – это и есть, как сказал один из моих собеседников, «зона ответственности священника».

Возвращаясь к повествованию о герое моего очерка, могу только добавить, что то, о чём я успела поведать своему читателю, только часть из огромного количества дел, которые возложены на отца Димитрия и которые он сам возложил на себя.

Кроме обязанностей, которые Батюшка выполняет в Михайловской военной артиллерийской академии и в своём «гражданском», как он говорит, приходе, отец Димитрий пишет замечательные книги. Среди них – книга «Путь Архистратига о возникновении военных традиций на Руси» и книга-пособие «На войне».

Не могу не рассказать о книге «На войне», выпущенной в 2021 году.

Эта книга, без преувеличения, сегодня является своеобразным пособием для тех, кто находится в зоне боевых действий, и не только для военных священников, для которых она изначально предназначалась. Ведь всё, о чём идёт речь в этой книге, – это то, через что довелось пройти и с чем столкнуться на войне самому отцу Димитрию. А проанализировав все допущенные им ошибки и ошибки тех, кто был рядом, он написал это пособие. Написал, чтобы помочь выжить тем, кому ещё предстоит через всё это пройти...

Отец Димитрий – самый активный участник в деле воплощения в жизнь идеи по строительству в Санкт-Петербурге храмового комплекса в честь воинов, выполняющих свой воинский долг сегодня, с увековечиванием памяти погибших. Первый из двух запланированных храмов уже строится. Это храм Августовской иконы Божией Матери.

– Эта икона не простая, – рассказывает Батюшка. – Августовская икона Пресвятой Богородицы была чудесным образом явлена в 1914 году воинам из войск Западного военного округа, которая помогла им одержать победу. А это Галицкий и Красносельский полки, то есть наши полки. И эта икона имеет к Санкт-Петербургу и воинству непосредственное отношение. Мы хотим, чтобы духовное воспитание было продолжено. Для этого планируется построить здесь православную школу, центр воспитания молодёжи, чтобы помочь ребятам окрепнуть в морально-духовном плане. А ещё мечтаем открыть центр психологической и духовной помощи для тех, кто вернётся из мест военных действий. Ведь военные действия когда-нибудь закончатся, а люди, прошедшие через горнило войны, – это люди, у которых уже совершенно иная психика, а у многих она просто сломлена...

Слушая отца Димитрия и его неоспоримые доводы, невозможно не согласиться, что многое нужно менять и многое навёрстывать как в

Мобилизованные бойцы после крещения получили в подарок от протоиерея Димитрия Василенкова книгу «На войне», 2022 год

С офицерами и курсантами Михайловской военной артиллерийской академии, г. Санкт-Петербург, 2019 год

воспитании молодёжи, так и в самом государстве. Согласна и с тем, что, несмотря ни на что, мы обязательно всё преодолеем. Подтверждение этому – жизнь моего собеседника, которая сама по себе уже является своего рода подвигом...

Подходя к концу своего повествования о протоиерее Димитрии Василенкове, не могу не рассказать о его «надёжном тыле» – супруге, матушке Дарье Сергеевне и его детках, коих у него четверо. Самая старшая и единственная дочь – Ксения – в этом году заканчивает школу. Затем идёт сын Николай в своём сложном подростковом возрасте и два младшеньких сына – Спиридон и Александр, которые только начали свою школьную жизнь.

Как жена офицера, прекрасно понимаю, что всё: и дом, и воспитание детей, и решение всех бытовых проблем лежит на матушке. К счастью, это понимает и сам отец Димитрий, очень сожалея, что не имеет

времени, чтобы помогать матушке, и что порой многое упускает в воспитании своих детей. Но таков его путь...

Да, путь, который выбрал протоиерей Димитрий Василенков, не из лёгких. Вообще, путь настоящего священника – это путь, который под силу не каждому. А если говорить о военном священнике, то он – тяжелее вдвойне. Военный священник должен быть и священником, и воином одновременно. А его оружие – вера и молитва – должно вселять в бойцов мужество, силу духа и веру в то, что они воюют за правое дело.

Как подтверждение моих мыслей – слова самого отца Димитрия, которыми я и завершу своё небольшое повествование о нём:

– Мы живём в простое время. И всё, что происходит сегодня на Украине и в мире в целом, влияет на всех нас, даже если нам кажется, что мы не имеем к этому никакого отношения. Нет, имеем. И жизнь каждого из нас можно сегодня разделить на «до» и «после». Также рассказывают ветераны о Великой Отечественной войне, говоря о своей жизни, как о двух периодах – «до войны» и «после войны». Жизнь уже разделена и как раньше не будет... И нам надо учиться жить в этих новых реалиях, где каждый из нас обязан выполнять свой долг перед своим народом и перед своей страной, как бы высокопарно это ни звучало. Ну, а мы, военные священники, будем делать, что должно... Как говаривал наш великий полководец Александр Суворов: «Неверующее войско учить, что ржавое железо точить». А будет вера, будет и сила духа у наших воинов, за которых мы несём духовную ответственность. И тогда Божия помощь станет сильнее, и мы обязательно преодолеем все трудности, которые выпали на нашу многострадальную страну...

Ноябрь 2022 года

ПОПОВ Анатолий Васильевич

Родился 29 июня 1950 года в селе Подгорное Воронежской области. Почётный член Российской академии художеств, член Московского Союза художников, член Союза художников России, член Международной конфедерации Союзов художников, член Творческого союза художников «Провинция».

ОТ ЧИСТОГО ИСТОКА

*«Художник – это маг, большое сердце.
Он извлекает красоту,
отыскивает свежесть во всём,
рыщет, подчиняет себе стихию».*

Марк Шагал

Дорога, по которой лежал мой путь в город Одинцово, была похожа на сотни дорог средней полосы России, по которым мне пришлось проехать за последние годы. Даже лес, который стройными рядами, как кружевной каймой, окаймлял её, почти ничем от них не отличался. Иными были только подмосковные селения, вдоль которых пролегал мой путь.

В отличие от провинциальных сёл средней полосы, где преобладают старинные постройки, здесь в большинстве своём возвышаются, пугая своим величием, разнообразные по стилю и строению огромные каменные дома. Эти каменные дома – дачи жителей Москвы, как спрут, раскинувшие свои щупальцы по всему ближнему и дальнему Подмосковию. Много и новых посёлков, которые состоят из небольших высоток.

Так, проехав через десятки таких селений и посёлков, я, наконец, достигла конечной точки своего путешествия.

Несмотря на то, что зима укрыла город Одинцово толстым слоем снега, выглядел он весьма уютным. Даже новые многоэтажные дома гармонично вписались в стиль этого старинного подмосковного городка.

А что город старинный, о том нам говорит его история. Она гласит, что своё название он получил от прозвища боярина великого князя Дмитрия Донского – Андрея Ивановича Одинца, жившего во второй половине XIV века и принадлежащего к старинному боярскому роду. Будучи тогда ещё селением, Одинцово постоянно передавалось из рук в руки. Им владели и родичи знаменитого рода бояр Вельяминовых-Воронцовых, и знаменитый род Ягужинских, и даже одно время селение было причислено к дворцовым землям.

В Одинцово проживало много знаменитых людей. Так, например, в начале 90-х годов XIX столетия на своей даче здесь проживал Валерий Брюсов, чуть позже – известный художник И.И. Дубасов (автор Герба СССР) и многие другие.

Город Одинцово и сегодня чтит свою историю и традиции, заложенные годами. Самое же главное его достоинство – он до сих пор славен именами талантливых людей, с одним из которых меня и свела судьба. А случилось это так...

...В ту пору я готовила к изданию книгу «По тонким нитям судеб. Батюшки» и никак не могла решить, чем и как иллюстрировать это издание. И вот, будучи в краеведческом музее города Одинцово, я увидела выставку полотен проживающего здесь художника Анатолия Васильевича Попова.

Это было, что называется, «попадание в точку», настолько меня поразили и впечатлили как сюжетная линия его картин, так и само их исполнение. Я взяла у сотрудников музея его телефон и позвонила...

Мне ответил молодой и бодрый голос и, услышав мою просьбу о желании творческого сотрудничества, к моему удивлению, ничего не спрашивая и не уточняя, тут же пригласил к себе в гости...

... Дверь открыла невысокая, с приятными чертами лица женщина – жена Анатолия Васильевича, Татьяна Александровна. Её негромкий, с бархатистыми оттенками голос и открытая улыбка окутали меня та-

Анатолий Васильевич Попов с супругой Татьяной Александровной

кой теплотой и негой, что я сразу поняла: здесь мне рады. Через минуту появился и сам Анатолий Васильевич, приветствуя меня своим громким звучным голосом.

Они оказались такими разными, но настолько милой и гармоничной парой, что меня не покидало ощущение, что я приехала к своим давним близким друзьям. И это ощущение за всё время пребывания у них в гостях не покидало меня ни на минуту.

Так состоялось не только наше первое знакомство, так начался наш с Анатолием Васильевичем долгий творческий тандем.

Конечно же, создавая свою книгу из серии «По тонким нитям судеб» о наших современниках, я не могу не рассказать своему читателю об этом прекрасном русском художнике. И моя очередная поездка в Одинцово связана именно с этим событием...

Оказавшись в квартире и насладившись домашними блинами с горячим чаем из душистых трав, заботливо приготовленных Татьяной

Александровной, я уютно устроилась на предложенном мне кресле и приготовилась слушать...

– Моя родина – село Подгорное Новохопёрского района. Это недалеко от Воронежа, – начал свой рассказ Анатолий Васильевич. – Мои воспоминания из детства – это необычайного цвета луга, красоту которых я стараюсь передавать через свои полотна. Это мои друзья, с которыми я бегал на речку и ходил в ночное пасти лошадей. Это наши утки, которые строим, как солдаты, ходили за мной. А ещё мои обязанности «книгоноса», когда я разносил книги из библиотеки по деревням. Помню, тогда я читал всё без разбора. Читал сначала только для того, чтобы рассказать тем, кто выбирал книги, их содержание. Ну, а потом так втянулся в чтение, что это стало моим любимым занятием... А ещё я любил рисовать. Я рисовал всё, что видел. Лошадей, кур, зайцев, природу. Но тогда рисовал, как говорится, только для себя...

1950 год – год рождения Анатолия Васильевича – время, когда ещё не утихли отголоски войны, и всё, что происходило вокруг, напоминало о ней. Их семья не была исключением. Отец, Василий Данилович, будучи всю войну в коннице Довлатова и пройдя от Москвы до Берлина, много рассказывал о тех страшных событиях своему сыну.

Из его рассказов маленький Толя узнал о войне очень многое...

Например, историю о том, как его отец с небольшим конным отрядом отбил у немцев обоз с продовольствием, тем самым спасая от голода не одну сотню людей. Узнал и о бесчинствах, которые творили немцы на захваченных территориях, и о том, как отец в один день получил сразу две награды – за освобождение Берлина и Праги, и многое другое, что вместила в себя память маленького мальчика...

Из воспоминаний Анатолия Васильевича о детстве меня больше всего поразил один случай, о котором я не могу не рассказать своему читателю...

В тот год в колхозе, в котором председательствовал Василий Данилович, был высокий урожай. Это было нелёгкое для всех время, и наряду со многими проблемами была проблема обеспечения продуктами. Хороший урожай для того времени было величайшим событием, и его нужно было сохранить до единого зёрнышка. Однако в колхозе

тогда мест для просушки и хранения зерна было совсем немного, а стройматериалов для постройки новых катастрофически не хватало. И тогда отец принимает решение отдать под строительство зернотока свой дом. Мама, Мария Афанасьевна, поплакала, попрочитала, но, понимая сложившуюся ситуацию, спорить с отцом не стала и в течение дня с детьми и скудными пожитками перебралась жить к соседке. А отец, разобрав дом, построил зерноток, тем самым сохранив весь собранный урожай, за что также был удостоен высокой награды.

Нам, живущим сегодня, такой поступок кажется совершенно неральным. Но тогда люди, пройдя через все ужасы войны и зная цену каждой крошке хлеба, больше думали о других, нежели о себе. И это то, чего так не хватает нам сегодня...

Так, слушая рассказ Анатолия Васильевича, я погружалась в свои мысли, представляя себя среди тех деревенских ребят, когда они, уже достаточно повзрослевшие, собирались послушать музыкальные переливы молодого гармониста Анатолия Попова.

– Это было прекрасное время... – вспоминает Анатолий Васильевич. – Беззаботная юность... У нас в деревне было такое место, которое местные ребята называли «пяточок» или «крыльцо Сусаниных». И туда шли многие сельские ребята. Шли не в клуб, а шли на «пяточок», к Толе-гармонисту... Я играл различные мелодии, в том числе и какие-то придуманные мной. Кто-то подпевал, кто-то танцевал...

Об этом времени у Анатолия Васильевича есть такие строчки:

*В сельском клубе музыка играет,
Пацаны, как воробьи, снуют.
В «деревушку» всех гармошка созывает
Танцевать под музыку мою.
На заветном «пяточке» собрались,
Чтобы повстречать судьбу свою.
Под мою гармонь они влюблялись
И женились под мелодию мою...*

Мальчишки того времени были намного самостоятельней сегодняшних ребят. За них не надо было делать выбор родителям – они всё решали сами. Так и Анатолий после босоного детства и юношеского взросления, которое было тесно связано с его родной Подгоренской школой, где он впервые взял в руки гармонь и карандаш, взвесив все «за» и «против», принимает решение поступать в Белгородское культурно-просветительское училище на музыкальный факультет.

Именно там, обучившись игре на различных инструментах и радуя своей виртуозной игрой знакомых и друзей, Анатолий начинает работу над своими первыми картинами. И именно тогда пришло ощущение радости от того, что он делает. И это новое невероятное ощущение настолько вошло в него, что захлестнуло его с головой...

Так начались его первые шаги в огромный, неведомый ему, тогдашнему юноше, мир художников. И было совсем не важно, что вместо холста были «оторванные от семьи льняные простыни». Главное, что это доставляло ему величайшее удовольствие и вызывало гордость у родителей, которые «радовались умению сына так талантливо рисовать».

Далее были различные учебные заведения, в которых проходило его становление и как человека, и как художника. Но те, первые свои шаги он запомнил на всю жизнь:

– Да, именно в училище я понял, что живопись – это то, чем я бы хотел заниматься по жизни... Да и мой дядя, который тогда преподавал в этом училище, всё время говорил, чтобы я продолжил обучение живописи, но не просто живописи, а стал художником-оформителем. Он объяснял это так: «Написанием картин сильно не заработаешь, а вот, оформляя различные объекты, будешь получать реальные деньги». Так я поступил в Московский университет культуры, после окончания которого получил официальный диплом художника-декоратора. И действительно, эта специальность со временем помогла мне зарабатывать на жизнь...

Однако, прежде чем продолжить рассказ о становлении Анатолия Попова как художника, хочу поведать читателю о двух, по его словам, «знаменательных событиях», произошедших в его жизни. Первое –

это служба в военно-морском флоте, о которой он рассказывал просто с придыханием. Второе – встреча с его будущей женой Татьяной, ставшей ему Музой и верной спутницей на всю жизнь...

Сам он так рассказывает об этом:

– Время службы на флоте – это незабываемое время... Несмотря на то, что по сложившимся обстоятельствам не пошёл учиться военному делу дальше, до сих пор ощущаю себя моряком... И именно благодаря морской форме я познакомился со своей будущей женой... А случилось это во время предоставленного мне для поступления в военное училище внеочередного десятидневного отпуска... Я решил, что ничего не случится, если на пару дней заскочу к своему дяде в Белгород... Вот там впервые и встретил свою Музу... Она прошла мимо меня такая строгая, но до того красивая, что у меня аж голова закружилась... Когда она скрылась из вида, мне казалось, что шлейф её красоты так и остался в пустом коридоре и в моём сердце... Так я встретил свою судьбу...

Через какое-то время Анатолий, перед которым встал выбор между профессией морского офицера и женитьбой на Татьяне, выбирает второе, о чём, по его словам, ни разу не пожалел.

После службы в военно-морском флоте он уже со своей супругой Татьяной устраиваются на работу в Рыльскую среднюю школу. Он – на должность учителя черчения и рисования, она – учителем русского языка и литературы.

Шёл 1971 год...

Анатолий Васильевич, работая сначала учителем рисования, потом учителем военного дела, а затем художником-оформителем в городе Рыльске, настолько широко проявил свои организаторские способности, что через некоторое время был избран первым заместителем главы района.

– Мы прожили в Рыльске около 20 лет, – вспоминает Анатолий Васильевич. – Замечательное было время. Там я работал учителем сначала рисования, затем – военной подготовки. Интересный факт. Я же офицером так и не стал, но местный военком, узнав о всех моих военных мытарствах, отправил меня в кадровую дивизию, на курсы офи-

церского состава. Так я стал офицером... А со временем «дослужился» и до капитана... В то время я очень много писал, и были уже мои первые выставки. Сначала они были местного масштаба, затем уже по разным городам: Ижевск, Курск... Позже мои работы стали хорошо продаваться и даже уезжали за границу... А потом меня пригласили в Курск на должность директора департамента культуры. Мы с женой и дочкой продали квартиру и переехали в Курск. Это было уже начало 90-х годов.

В то время губернатором Курской области был назначен бывший военный лётчик, генерал-майор Александр Руцкой. Именно он, увидев и оценив организаторские способности и порядочность в делах Анатолия Васильевича, пригласил его на должность своего заместителя.

Со временем у Анатолия Васильевича и Александра Владимировича Руцкого стали общими не только заботы, связанные с их ответственными постами, но и с семейными делами. Александр Владимирович, женившись на их единственной дочери Ирине, стал их законным зятем. Однако, по словам Анатолия Васильевича, «на работе это никак не сказывалось».

К слову сказать, он никогда не пользовался своими добрыми отношениями как с высокопоставленными, так и со знаменитыми людьми, среди которых были такие известные люди, как Андрей Дементьев, Патриарх Московский и всея Руси Алексей и даже нынешний Президент России Владимир Путин.

Впрочем, это просто жизненный путь, на котором встречи и общение с достойными людьми приносят свою лепту в дальнейшее становление любого человека. А если говорить об Анатолии Васильевиче, то он сам сегодня уже – Имя. И как у любого талантливое человека, его талант не ограничивается написанием картин.

Анатолий Васильевич пишет замечательные стихи, которыми дополняет свои полотна, стараясь донести то, что он чувствует и что его переполняет не только через свои картины, но и через стихи. Он занимается преподавательской и общественной работой. Одним из его знаменитых проектов является выставочный проект «Судьбы связующая нить», благодаря которому многие малые и большие города России

узнали о судьбах русских художников-передвижников. Анатолий Васильевич проводит лекции по живописи, занимаясь с учениками как в своей домашней мастерской, так и в детской художественной студии при краеведческом музее. Кстати, эту студию он сам же и создал. Для неё он даже придумал свой символ – маленький утёнок, объясняя это тем, что «из любого гадкого утёнка обязательно вырастет прекрасный лебедь».

...Начиная писать об Анатолии Васильевиче Попове, я заглянула в историю его рода. Оказалось, что его прапрадедом был художник-живописец Александр Павлович Попов (Московский), потомок благородного рода Савенковых. И хотя так сложились обстоятельства, что вторая фамилия исчезла из их родовой фамилии, из истории их семьи этот факт вычеркнуть невозможно.

Анатолий Васильевич относится бережно не только к истории своего рода, он также бережно относится к страницам истории своей малой родины. Об этом говорят не только его работы, но и его дела.

Например, Анатолий Васильевич отыскал могилу известного художника Льва Каменева. Вот как он об этом рассказывает:

– Ещё живя в Рыльске и изучая историю своего рода, я узнал, что там родился Лев Львович Каменев, друг моего прапрадеда. Они оба были учениками самого Саврасова... Я восхищался работами Каменева и никак не мог тогда понять, почему столь именитый художник забыт до такой степени, что даже никто не знает, где его могила. Я долгое время провёл в поисках места его захоронения... В конце концов вышел на его последнее место жительства – город Звенигород. И уже там продолжил свои поиски... Мне помогали многие, а особенно археолог Алексей Алексеев и Галина Стоенко – директор Звенигородского музея... Местом, где покоились останки Льва Каменева, оказалось заброшенное церковное кладбище, расположенное недалеко от подворья Храма Николая Чудотворца, близ Саввинской слободы... Я привёз горсть земли из его родного Рыльска... А у изголовья его могилы мы поставили простой деревянный крест... Произошло это событие 6 июня 2014 года...

Так Анатолий Васильевич вернул из забвения ещё одно имя...

Картина А.В. Попова «От чистого истока»

А если говорить о его имени, то имя Анатолия Васильевича Попова известно далеко за пределами России. Его картины украшают как частные коллекции, так и музеи в Болгарии, Польше, Норвегии, США, на Кубе, да много ещё где...

Зураб Церетели, с коим Анатолий Васильевич давно и тесно дружит, очень высоко ценит его творчество, особо отмечая «точность и детализацию его полотен». Сам же он так говорит об этом:

– Прежде чем приступить к очередной картине, я досконально изучаю всё, что собираюсь нанести на холст. Если это корабль, значит я изучаю его до самой маленькой детали... Если это историческое событие, я обязательно изучаю всё, что с этим событием связано. Ну, а если это мои родные Новохопёрские луга, я стараюсь положить на холст каждый цветок, каждую травинку... И так во всём...

Работы Анатолия Васильевича во многом символичны. Например, он – единственный художник, изобразивший Наполеона падающим с серого коня. Именно с серого, как гласит история, а не с белого, как его привыкли изображать многие художники. Так же символичны и его картины, посвящённые событиям войны, истории России, а также её духовной жизни. Среди них такие известные картины, как «Старец», «Журавли», «Слияние рек Хопёр и Савала» и другие.

А если говорить о признании, коего многие люди искусства лишены при жизни, то Анатолию Васильевичу в этом плане, можно сказать, повезло. Его труд отмечен множеством благодарностей и наград, среди которых такие знаковые награды, как орден святого Александра Невского «За труды и Отечество» и орден преподобного Сергия Радонежского. И это совершенно заслуженно, ведь на какой бы должности он ни был, какой бы высокий пост ни занимал, написание картин было и есть для него самым важным в жизни: как воздух, вода и всё то, без чего она (жизнь) не имеет смысла...

Идя «по тонкой нити судьбы» Анатолия Васильевича, я увидела многое: и его бережное отношение к своей жене, и его безмерную любовь к дочке и внукам, и уважительное отношение к своему зятю. А если говорить о его творчестве, то, на мой взгляд, его полотна помогают нам увидеть и понять не только красоту и величие природы его родного края, но и забытые страницы истории. Их, эти страницы, он «пропускает через себя», как хороший писатель сюжет, который хочет изложить на бумаге. И от этого каждая его картина становится словно живой. Настолько живой, что, глядя на неё, хочется попасть туда, внутрь – то повалиться в душистой траве, вдохнув её ароматы, то ощутить себя в гуще исторических событий или просто очутиться на берегу моря... Но таковой она является только для тех, кто может увидеть и почувствовать тот огромный прекрасный мир, который этот замечательный художник дарит нам через свои полотна...

Январь 2022 года

Герой России гвардии капитан ГОЛОВИН Владислав Николаевич

Родился 20 мая 1997 года в городе Кирове. Старший преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Рязанского гвардейского высшего воздушно-десантного ордена Суворова дважды Краснознамённого командного училища имени генерала армии В.Ф. Маргелова.

ПРОСТО ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ...

*«Героями не рождаются,
героями становятся».*

А.В. Суворов

Город Рязань, куда меня привело очередное путешествие по нашей необъятной России, встретил меня ярким тёплым солнышком. Оно и понятно – первый день лета. Деревья ещё не устали от жары и не потеряли своего сочно-зелёного цвета, да и высаженные по всему городу летние цветы радовали глаз.

Однако приехала я сюда не просто полюбоваться красотами этого старинного российского города. Мне хотелось осуществить свою давнюю мечту – посетить Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище имени генерала армии В.Ф. Маргелова и пообщаться с преподавателями и курсантами этого прославленного военного вуза. А ещё, узнав, что сюда прибыл для дальнейшего прохождения службы офицер из зоны СВО, и не просто офицер, а Герой России, рассказать о нём своему читателю.

Рязанское училище ВДВ – одно из первых, где появилась аллея героев-выпускников. А их, как живых, так и погибших среди десантников, которым первыми довелось участвовать в различных военных

конфликтах, немало, а если в цифрах – 173 Героя. Из них – 53 Героя Советского Союза, 120 Героев России, и цифра продолжает расти...

Этот список, которым исписаны все стены в главном зале училища – зале воинской славы, пополнился именем ещё одного Героя – гвардии капитана Головина Владислава Николаевича. О нём и будет моё повествование.

Родился Владислав в городе Кирове. А как известно, город Киров, ранее город Вятка, считается одним из старейших российских городов. В советское время он был закрытым оборонным городом, о котором никогда и нигде не упоминалось. Но время рождения нашего героя приходится уже на конец XX века, когда город уже стал «открытым». Но долгое время его «закрытости» всё же сказывалось.

Так, родившись, казалось бы, совсем недалеко от Москвы, Владислав жил жизнью глубокого провинциального города. Ему, рано оставшемуся без отца и не имевшему ни братьев, ни сестёр, с детства пришлось самому решать свои проблемы. И это, несмотря на то, что мама и бабушка с бабушкой, которые занимались его воспитанием, оберегали его, как могли.

– Я всегда считал себя самостоятельным и никогда никому не позволял обижать ни себя, ни моих близких, – вспоминая своё детство, начал свой рассказ Владислав. – Мой дедушка всегда мне говорил: «Ты же мужчина!» И я как-то для себя определил, что и ответственность на мне особая.

Дело в том, что дедушка у Владислава был офицером. Он служил в войсках ПВО и, уволившись в запас в звании подполковника, преподавал ОБЖ в педучилище. Бабушка, исколесив с ним большую часть тогдашнего Советского Союза и пожив в разных военных гарнизонах, да и сам дедушка много рассказывали своему внуку о жизни как в военных городках, так и о буднях офицерской службы.

– Из дедушкиных и бабушкиных рассказов я усвоил одно: быть офицером не только почётно, но и сложно, – продолжил Владислав свои воспоминания. – Не скажу, что прямо с детства мечтал стать офицером, нет. Это пришло намного позже, когда по телевидению

транслировался сериал «Кадеты». И вот тогда я решил, что обязательно буду военным. Я даже несколько раз пытался поступить в суворовское училище, но, к сожалению, не срослось... Но из всего: и того, что услышал от своих родных, и того, что увидел в сериале, усвоил одну истину – чтобы чего-то добиться, надо быть сильным как морально, так и физически. И я начал заниматься спортом. Занимался плаванием, ходил в кружок ветеранов по стрельбе, в различные секции, в том числе и в секцию единоборств. Позже выступал за школу, а то и за район в разных видах спорта и даже участвовал в юношеских военных играх... Вообще, считаю, что всему этому должен учиться каждый мальчишка, если он хочет стать настоящим мужчиной. А ещё, научиться получать и переносить травмы, чтобы потом не плакать над каждой царапиной...

Именно тогда Владислав получил свои первые травмы, как он выражается: «пережил свою первую кровь». Да и «тихоней», как сказал один из его друзей, с которым мне довелось пообщаться, он никогда

На занятиях с курсантами, г. Рязань, 2022 год

Курсантские годы

не был. Завоёвывая авторитет, как принято между мальчишками, ему приходилось драться и со своими сверстниками, и с мальчишками постарше. Но самое главное – он всегда защищал слабых. Об этом говорят и его друзья, и его мама, Ирина Владимировна, которая преподавала математику в той же школе, где учился её сын:

– Владислав вообще рос очень правильным мальчиком – целеустремлённым и самостоятельным... Так получилось, что я преподавала математику в его параллели, но никогда не выделяла его среди других учеников. К счастью, и он, и его друзья понимали это. А ещё у него всегда было огромное чувство справедливости... Был такой случай, когда у него произошёл конфликт с учительницей биологии, и он целую четверть не ходил к ней на уроки. Мне же никто не сказал об этом. Хотя я и старалась не вмешиваться в его школьные дела, но здесь был иной случай... И только потом, спустя время, ребята мне

рассказали, что она его очень сильно при всех обидела... Вот такой у него характер...

Вот как об этом говорит он сам:

– Не терплю, когда человека обижают ни за что... А заступиться за своих друзей, за девушку, даже получив при этом хорошую трёпку, намного правильнее, чем молча наблюдать со стороны... Наверное оттуда, из детства, и пошло, что всё, что тебе дорого, твоё родное и близкое должно быть под твоею защитой. Этому меня учила и учит мама, да и дедушка с бабушкой учили, пока были живы.

Как говаривал когда-то мой преподаватель математической логики: «Детство – это такая субстанция, которая рассасывается совершенно незаметно». Так и у Владислава – детство закончилось, и пришло время выбора дальнейшего пути.

В провинциальных городах, в хорошем смысле этого слова, городские военкоматы работали тогда ещё «по старинке», то есть выбирали среди молодёжи крепких, физически развитых парней и направляли их в военные вузы. Многие из них мечтали об элитных десантных войсках. Владислав же не сразу решил идти в десантное училище, пробовал свои силы, поступая в другие военные вузы. Когда ему предложили Рязанское военное училище, он объяснил своё решение так: «Родина решила, а я и не спорил». По его словам, сейчас он об этом нисколько не жалеет.

Владислав по всему подходил для службы в десантных войсках: высокий, спортивный, замечательно владеющий оружием, а самое главное, как потом сказал один из его преподавателей в училище, – «парень с характером».

Может именно этот его характер и помог ему выжить там, в зоне специальной военной операции. И не только выжить самому, но и вынести с поля боя десятки бойцов, тем самым сохранив жизни таких же юных, как и он сам, ребят.

Но до этого была учёба в Рязанском гвардейском высшем воздушно-десантном командном училище имени генерала армии В.Ф. Маргелова.

Владислав и во время учёбы в училище остался верен своим принципам, а его характер только закалялся и крепчал. Он продолжал за-

ниматься спортом, при этом освоив новые виды. С удовольствием занимался фехтованием, бегом с препятствиями и, конечно же, своим любимым видом спорта – стрельбой. И как итог – спортивный разряд кандидата в мастера спорта по офицерскому многоборью.

Один из его бывших преподавателей, отзываясь о нём, сказал: «Ему было интересно всё, и он всегда задавал много вопросов, чем порой даже раздражал». Владислав же, в свою очередь, с благодарностью говорил о всех своих преподавателях:

– Знаете, если говорить о моих преподавателях, то каждый из них старался нам дать и знания по своей дисциплине, и практические советы. Особенно ценны были практические советы командиров, которые воевали. И я брал от каждого что-то своё. И многое из того, чему меня здесь учили, помогло мне выжить там, в зоне специальной военной операции. И вообще, я считаю, что тот, кто решил посвятить себя служению Отечеству, обязательно должен слушать и слышать своих преподавателей. Это нужно для того, чтобы потом, в сложную минуту вспомнить об этом и поступить так, чтобы выжить самому и помочь выжить тем, кто рядом... В бою бывают такие минуты, что ты не понимаешь, что происходит вокруг, но потом берёшь себя в руки и этого же требуешь от своих подчинённых. Потому что паника и растерянность в бою – это верная смерть...

Слушая своего собеседника, я даже на время забыла, что предо мной сидит 26-летний юноша, который, по большому счёту, ещё ничего не видел в этой жизни. Однако, несмотря на это, в его словах и поведении не было ничего юношеского. Это были рассуждения совершенно зрелого мужчины, который понял в этой жизни нечто такое, что дано понять не каждому...

Но до того, как Владислав стал тем, кто гвардии капитан Головин есть сегодня, были годы, проведённые в стенах военного училища, где было и ребячество, и шалости. Но и эти годы пролетели незаметно.

После окончания училища Владислав получил назначение к месту службы на Черноморский флот на должность командира десантно-штурмового взвода морских пехотинцев.

За время своей недолгой службы он успел поучаствовать в составе миротворческого контингента России в зоне боевых действий армя-

но-азербайджанского военного конфликта и быть среди тех, кто принял на себя первый удар в зоне специальной военной операции.

Конечно же, он рассказал лишь малую толику из того, что пришлось ему пережить там, в зоне СВО. А на мой вопрос: «Что самое сложное в бою?» – ответил:

– Самое лёгкое в бою – сразу погибнуть. Потому что всё, что будет происходить потом, тебя уже не коснётся... А самое сложное – не просто выполнить поставленную задачу, но и сохранить жизнь своих бойцов и свою. А для этого надо вовремя подготовиться психологически самому и подготовить своих подчинённых, чтобы не было паники. Ведь страшно всем, и мне в том числе. Не боятся только дураки. Но надо суметь пересилить этот страх, иначе – смерть... Понимать весь ужас войны начинаешь только тогда, когда начинаешь терять близких тебе людей... Когда были первые убитые, как-то это проходило мимо

Слева направо: Т.М. Юдин, В.Н. Головин, Н.Н. Дробышевская, А.В. Дробышевский, г. Рязань, 2022 год

тебя, но как только среди них оказались твои друзья... Вот тогда ты чётко начинаешь всё понимать...

Владислав вовремя понял всё, что происходило вокруг. Здесь емугодились все его навыки: и меткого стрелка, и разведчика, и командира, и даже то, через что ему довелось пройти в Нагорном Карабахе.

Во время очередного боя он получил контузию. Однако, несмотря на это, продолжал выносить с поля боя раненых солдат. А потом, немного придя в себя, отказался от госпитализации и снова встал в строй.

Я по понятным причинам не могу озвучить всё то, за что тогда ещё старший лейтенант Головин Владислав Указом Президента РФ от 20 сентября 2022 года получил Героя России. Скажу только одно: после гибели офицеров батальона он взял на себя командование батальоном, проявив смелость и невероятную выдержку. Он восстановил управление подразделениями, сумел сплотить и настроить бойцов на выполнение поставленных высшим командованием задач. А затем, лично возглавив разведывательную группу, передал данные, которые дали возможность нашим подразделениям на территории Луганской и Донецкой Народных Республик получить успешный исход боевых действий.

Но в том, крайнем, разведывающем ребята попали на минное поле... К счастью, получив различной степени ранения, все остались живы. Владислав лишился правой ноги...

Время после ранения и месяцы, проведённые в госпиталях, он вспоминал с неохотой. Но об этом и не нужно рассказывать, всё понятно и так. Были и минуты слабости, когда ничего больше не хотелось, даже жить, были и срывы... Но Владиславу повезло – когда его перевели в Москву, рядом с ним была его жена Анна. И она, кстати, бывшая его одноклассница, не просто была всегда рядом, она помогала и во всём поддерживала его. И это помогло Владиславу преодолеть все тяготы, выпавшие на его долю. А самое главное – не потерять веру в человеческую порядочность и любовь, которые помогают вынести и пережить многое, даже самые сложные жизненные моменты.

И сейчас, получив новое назначение, гвардии капитан Головин продолжает верить в то, что всё, через что ему пришлось пройти, – не

зря. Он сдал на права, купил себе автомобиль, осуществив свою первую мечту. Теперь он мечтает о своём доме с огромным садом, где бы он мог со своей женой Анной растить детей, воспитывая их такими же, каким воспитали его.

А когда я спросила: «Что для Вас значит быть Героем?» – Владислав, по-мальчишески задорно, не задумываясь, улыбнулся и сказал: «Просто жить по совести и делать то, что от тебя требуется на выбранном тобою пути...»

Будучи женой офицера, всю свою сознательную жизнь провела среди военных. Много повидала и ощутила, что называется «на своей шкуре», была очевидцем всех военных конфликтов конца XX и начала XXI столетия. Но, глядя на своего собеседника и слушая его рассказ, поняла одно – те события, что происходят сегодня в зоне СВО и участником которых он стал, несравнимы ни с чем: ни по масштабам, ни даже по цене, которую мы платим за эту неравную борьбу.

Ведь наши мальчишки, не по годам став взрослыми мужчинами, сегодня защищают не только наше Отечество – они защищают мир, духовность и само наше существование, как нации. И Владислав – один из тех, кто не посрамил своих родных и свою страну, а выполнив свой долг, заслуженно стал Героем России.

Я верю, что и сегодня Герой России гвардии капитан Головин Владислав Николаевич, получив новое назначение на должность старшего преподавателя кафедры военно-политической работы в войсках (силах) в своём родном Рязанском гвардейском высшем воздушно-десантном командном училище имени генерала армии В.Ф. Маргелова, сумеет воспитать у своих подопечных силу воли и преданность своей Родине. И пусть он только начинает деятельность военного педагога, но я уверена, что и в своей новой деятельности он будет верен своему долгу и также, как и в зоне СВО, верой и правдой продолжит служить своему Отечеству. И как бы для многих высокопарно это ни звучало, но это именно так!

Июнь 2023 года

ХАНОК Эдуард Семёнович

Родился 18 апреля 1940 года. Советский, белорусский, российский музыкант и композитор. Заслуженный деятель культуры Белорусской ССР. Народный артист Беларуси.

СИМФОНИЯ ЖИЗНИ ЭДУАРДА ХАНКА

С Эдуардом Семёновичем Ханком мы познакомились на Международном пленуме писателей Союзного государства, проходившем в Беларуси, в городе Могилёве. Это случилось не во время самого пленума, а потом, когда началась его неофициальная часть.

Эдуард Семёнович, что называется, «зажѐг» так, что все, кто находился в зале, были в полном восторге. Он исполнял свои песни с таким задором, которому мог бы позавидовать любой из молодых современных исполнителей.

И, конечно, я не могла упустить возможности поближе узнать о своём знаменитом земляке. Так как на пленуме нам не удалось тесно пообщаться, мы договорились с ним о встрече в городе Минске, где он проживает сегодня.

И вот, наконец, вырвавшись из московской суеты, я приехала в столицу Беларуси.

Я очень давно не была в Минске и, проезжая по его обновлённым улицам, была поражена красотой и царившей в нём чистотой. И даже осеннее разноцветие листьев, лежащих повсюду, не нарушало чистоты города, а, наоборот, придавало ему невероятный, почти сказочный вид...

Мне так хотелось просто побродить по городу, прогуляться по паркам, прислушиваясь к тихому шелесту листьев под ногами. Однако, к сожалению, времени на это у меня не было – меня ждала встреча с Эдуардом Ханком...

На мой звонок он ответил сразу. Узнал. Было приятно. Встречу назначил в баре Белорусской государственной филармонии, куда я и направилась.

Войдя в филармонию, где через некоторое время должен был начаться концерт, боялась, что меня просто не пропустят, ведь билета на концерт у меня не было. Однако, объяснив цель своего визита администратору, была приятно удивлена, когда она любезно провела меня в бар, который представлял собой не то, что бар в московском понимании, скорее я бы его назвала маленьким, уютным домашним кафе. В баре было тихо и пусто и только еле уловимый звук саксофона нарушал эту тишину. Я устроилась на мягком уютном диванчике за одним из небольших столиков и, заказав чашечку кофе, стала ждать, перебирая в памяти все его песни. Вспомнились и те из них, которые мы слушали на школьных дискотеках, и те, которые мы, жёны офицеров-десантников, живя далеко от родных мест, пели по вечерам, коротая время в ожидании мужей со службы...

И тут я увидела Эдуарда Семёновича, направляющегося к моему столу. К этому времени в баре было уже достаточно посетителей, коротающих время перед началом концерта. И ему, чтобы добраться до меня, приходилось время от времени останавливаться, с кем-то просто поздороваться, а кому-то оставить свой автограф, из чего нетрудно было понять, насколько его здесь любят...

– У каждого есть своё «время взлёта» и своё «время падения». Просто это надо уметь вовремя понять для того, чтобы вовремя уйти... И это очень важно, так как после этой «точки невозврата» будет только хуже... Можно потерять не только себя, но и уважение окружающих к себе...

С этих слов и началась наша беседа с народным артистом Беларуси, знаменитым композитором Эдуардом Семёновичем Ханком, песни которого и сегодня восхищают своей душевностью и чистотой, многие из которых даже сами исполнители порой называют «народными»...

Встречаясь с известными людьми, по своему обыкновению я не люблю рассказывать их биографии, ведь о каждом из них так много сказано и так много написано. Но в этот раз я отошла от своего правила и решила всё же поведать читателю, пусть и не все подробности из многогранной жизни Эдуарда Ханка, но многие из них...

– Все мы родом из детства, – улыбнувшись, начал он свой рассказ, – и я не исключение. Правда, из детства я мало что помню... А что можно помнить? Я родился за год до начала войны. Перед войной моего отца направили в Кустанайскую область Казахстана парторгом в один из местных зерносовхозов... Там я и родился... Но помню себя лишь с того момента, когда мы уже жили в Бресте, куда отца перевели после войны.

С Брестом у Эдуарда Семёновича связано очень много воспоминаний – это и первые аккорды, которые он наигрывал на аккордеоне, подаренном отцом, и первые ноты, написанные на клочке бумаги, и первая любовь, и знакомство со своей будущей женой... Но не будем забегать вперёд...

Не успел Элик (полное имя Эльвир, которое он носил до совершеннолетия), как его ласково называла мама, привыкнуть к новой школе, как отец получил новое назначение на должность заместителя начальника одного из золотых приисков, расположенного на Колыме. Квартиру в Бресте им оставили, и они каждый год приезжали в отпуск домой.

– Это был то ли 50-й, то ли 51-й год... На Колыме мы прожили всего несколько лет, однако у меня о том времени остались очень яркие воспоминания... – продолжил он свой рассказ. – И это не только необычная для меня природа – сопки с дурманящим запахом багульника, по которым мы лазали с друзьями, необычный вкус морошки... Там, к сожалению, я получил свою первую психологическую травму...

Эльвир, как и многие мальчишки того времени, был влюблён в футбол и всё своё свободное время проводил, гоня с ребятами мяч во дворе, и мечтал посвятить этому всю свою жизнь.

– У нас на прииске своей школы не было, и мы с братом Владиленом жили в интернате райцентра Усть-Омчуг. Я был заядлым футболистом. И так случилось, что как раз тогда создавали футбольную команду, и я в неё попал. И самое главное – для каждого члена команды закупили

новую форму. Тогда я впервые увидел настоящую футбольную форму и успел даже её примерить: бутсы, трусы, гетры, щитки – всё, как у настоящих футболистов. Я был на седьмом небе от счастья... Но счастье было недолгим... Утром приехали родители и забрали нас с братом из интерната... Отец получил назначение на другой прииск, и там была своя школа... Но для меня это была такая трагедия... Самое главное, шанса стать футболистом мне больше ни разу не выпало.

Так, волей случая мечта, которой долгое время жил Эльвир и исполнение которой было так близко, так и осталась просто мечтой.

Но жизнь, как всегда, после каждого испытания даёт человеку «глоток свежего воздуха». Таким «глотком» для него стала его первая любовь. И звали её Лёля. И неважно, что потом, через годы, став уже довольно известным композитором, случайно встретив её, мало того что не узнал, но «испугался той пожилой женщины, в которую превратилась хрупкая Лёля», и даже пожалел, что образ той девочки она, нынешняя, «напрочь стёрла из памяти».

– А ещё, помню, были моменты, когда есть было нечего... Что значит нечего? Просто все продукты были привозные, кроме крабов в банках, да чёрной и красной икры. И когда завоза долго не было, оставалась та самая икра и крабы... Икру можно было есть ложками, но не хотелось... Не то что сегодня...

Живя на Колыме, как я уже говорила выше, они каждый год ездили домой в отпуск. А вот время, когда они возвращались обратно в Брест, он вспоминает и сегодня:

– Возвращались мы в Брест в то время, когда умер Сталин... Сначала мы до материка ехали на пароходе, ну, а затем почти 10 суток на поезде... Была очень тяжёлая атмосфера, а из репродуктора почти всю дорогу звучала траурная музыка...

Вернувшись обратно и сменив имя Эльвир на Эдуарда, ещё до выпускных экзаменов он поступает в Брестское музыкальное училище. И, будучи студентом, уже играет на аккордеоне партию фагота в оркестре, а во время Фестиваля молодёжи даже выезжает в Минск, выступая в составе оркестра на различных площадках фестиваля. Там же Эдуард впервые увидел «усатый автобус» (троллейбус), который просто поразил его воображение.

Ему настолько понравился Минск, что сразу же после окончания Брестского музыкального училища он поступает в Минское музыкальное училище в класс композитора Евгения Глебова. И был это 1958 год.

Как у каждого студента, в его жизни были свои забавные истории, рассказывая о которых Эдуард Семёнович смеялся так задорно, что казалось, что передо мной сидит не солидный композитор, а задорный юноша, которым он был тогда...

– Я жил на квартире у одного музыканта... Звали его Игорь. Он, в отличие от меня, которому с утра до ночи надо было «грызть азы науки», часто гулял с друзьями до полуночи, а иногда приходил уже под утро. А у меня был уже отработан рефлекс... Когда его бабушка утром приоткрывала мою дверь, я вскакивал, выбегал на улицу, делал там зарядку, обливаясь в конце холодной водой... Так вот, этот мой друг, придя под утро, ради шутки приоткрывал дверь... Я вскакивал, делал зарядку, обливался холодной водой и только потом понимал, что ещё только 3 часа ночи...

Студенческую жизнь дополнило ещё одно судьбоносное событие – это встреча с его будущей женой Евлалией, после которой они вскоре и поженились. Это был 1962 год. И практически сразу же после свадьбы Эдуард поехал поступать в Московскую государственную консерваторию имени П.И. Чайковского. Вот как он об этом рассказывает:

– Получилось так, что на 7 человек было ровно 7 мест... И так как не было конкурса, меня освободили от сдачи иностранного языка, который мы 2 последних года не изучали по причине отсутствия педагога. А потом оказалось, что мест не 7, а 6, и этих баллов, которые я должен был получить за иностранный язык, мне как раз не хватило для поступления... А я-то уже всем раструбил, что поступил в Московскую консерваторию... Это был, конечно, очень сильный удар по моему самолюбию и ещё одна сильнейшая психотравма...

Эдуард Ханок забрал документы и отдал их в Белорусскую государственную консерваторию, куда его, согласно существующим тогда правилам, приняли без экзаменов.

Всё бы хорошо, но обида осталась. И неизвестно, к чему бы это привело, если бы в декабре ему не пришло извещение о том, что «он зачислен в Московскую консерваторию в класс народного артиста СССР, компо-

Эдуард Ханок с женой, 1962 год

зителя Дмитрия Борисовича Кабалецкого». Причина была проста: некоторых студентов призвали в армию и несколько мест освободилось. Это и есть «Его Величество Случай», который не обошёл стороной Эдуарда Ханка и стал началом его большой музыкальной карьеры.

Из его воспоминаний:

– Я учился вместе с Алексеем Рыбниковым, а позже к нам присоединился Максим Дунаевский... Тогда мы были все на равных, хотя у каждого потом была своя судьба и своя дорога... На третьем курсе со мной произошла история... Ничего, казалось бы, такого, но у меня не получался конец симфонии, которую я тогда писал... И тогда

Дмитрий Борисович мне сказал: «Запомни, какими бы хорошими или плохими ни были первая и вторая части симфонии, часто успех её решает финал...» И я это запомнил, а со временем перевёл на жизнь... Здесь всё так же – как бы тебя ни любили в детстве, ни баловали в юности, ни уважали в зрелости, если тебе старость не удалась, – всё, лично для тебя вся жизнь «смажется»... И пусть окружающие будут жить твоими прошлыми заслугами и ценить тебя будут за них... Но у тебя внутри будет пустота...

Интересная мысль. Следуя его теории, можно многое объяснить, даже то, почему многие знаменитые люди заканчивают свою жизнь не очень хорошо. Опять-таки, по теории Эдуарда Семёновича, они, привыкнув быть всегда «на плаву, на пьедестале почёта», с возрастом теряют себя и часто находят утешение в стакане... Прискорбно, но это так...

Учась в консерватории, Эдуарду помощи ждать было неоткуда. Отец и мать к тому времени уже были пенсионерами и помогать сыну было

не из чего. Его рацион, как и у многих тогдашних студентов, был таков: утром – знаменитая по тем временам «калорийная» булочка и кофе с молоком, днём – обед в студенческой столовой, ну а вечером – та же «калорийка» и кофе, что и утром. Так длилось до тех пор, пока он не устроился музыкантом в ансамбль одного из престижных московских ресторанов «Будапешт». Вот тогда-то он «зажил по-королевски».

Но тогда же случилось и другое событие, изменившее уже отлаженную и далеко не бедную жизнь студента Эдуарда Ханка. Дело в том, что, собираясь уходить из консерватории, его педагог Дмитрий Борисович Кабалевский передал Эдуарда, Максима Дунаевского и других студентов своему ученику Александру Ивановичу Пирумову. Но Эдуард в это время уже переходил к песенному жанру и не захотел менять педагога, поэтому, не дожидаясь окончания консерватории, он берёт академический отпуск и едет к своей жене, которая всё это время жила и работала в Кривом Роге.

В Кривом Роге он устроился работать преподавателем в пединститут на музыкально-педагогический факультет. На работу ему приходилось ездить минут по 40 в каждую сторону, и это на экспрессе. И было счастье, когда получалось занять место у передней двери, рядом с водителем, и всю дорогу наслаждаться пробегающими за окном пейзажами.

Именно в одно такое прекрасное зимнее утро и родилась песня «У леса на опушке...» (на стихи Сергея Острового). Был это 1969 год.

И вот с этой песней он стал ездить в Москву, предлагая её разным исполнителям.

– Я начал мотаться в Москву чуть ли не каждый месяц, правда ездил по чужому студенческому. Я-то уже диплом получил, но денег-то на полный билет ещё не заработал, вот и приходилось пользоваться чужим студенческим... Однако никто так ни разу меня в этом и не заподозрил, настолько велико было наше сходство с тем парнем, чей студенческий я использовал... Так вот, я ездил в Москву и всегда представлял свою «Зиму», напевая каждый раз «Потолок ледяной, дверь скрипучая...». И однажды, на моё счастье, её услышал Эдуард Хиль. Песня ему очень понравилась, но он брался её исполнить, если я сделаю к ней аранжиров-

ку. Тогда я не был спецом в области аранжировок, но так хотелось, чтобы песня пошла, и я рискнул...

И вот Эдуард Хиль с аранжировкой Эдуарда Ханка исполнил песню «Зима» в знаменитой на то время программе «С добрым утром». Но, как часто бывает, первая попытка оказалась безуспешной. Однако уже в конце 1970 года, в канун Нового года из Ленинграда (ныне Санкт-Петербург) транслировался концерт, в котором прозвучала эта песня в исполнении того же Эдуарда Хиля, только в новой, классической аранжировке. И вот тогда «она взлетела», и уже весь 1971 год «Потолок ледяной, дверь скрипучая...» несло из всех радиоточек страны. Так появился первый хит Эдуарда Ханка.

– Вот тогда я почувствовал себя звездой, – с улыбкой произнёс он. – Ещё бы, благодаря этой песне я получил 2-этажную 4-комнатную квартиру в Днепропетровске!

Как раз в это время готовился первый телевизионный фестиваль «Песня-71», попасть на который тогда значило получить сразу всё: и признание, и популярность, и, что немаловажно, заработок. На этот фестиваль песни, кроме тогдашних мэтров, повезло попасть только трём молодым композиторам: Олегу Иванову с песней «Товарищ» на стихи Алексея Прокофьева, Владимиру Ивасюку со своей песней «Червона рута» и Эдуарду Ханку с песней «Зима» на стихи Сергея Острового.

И с этого времени признанный мэтром Эдуард Ханок стал желанным гостем на всех музыкальных тусовках, на одной из которых он познакомился с Аллой Пугачёвой.

– В начале 1972 года на Центральном телевидении снимали передачу об авторе стихов для песни «Потолок ледяной...», поэте Сергее Островом, где я познакомился с никому ещё тогда неизвестной, только начинающей свою песенную карьеру, Аллой Пугачёвой. Я её запомнил ещё и потому, что в перерывах между съёмками она куда-то всё время исчезала... Как потом выяснилось, она ездила кормить дочку...

Новый, 1972 год Эдуард Ханок встречал у Эдуарда Хиля, в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), где также была певица Мария Пахоменко. Они познакомились, и он предложил ей свою песню «Разговоры» на стихи Геннадия Серебрякова, которую она затем великолепно исполнила.

Но не всё было так безоблачно и просто. Было и по-иному... Однажды уже готовая к эфиру «Песни года-72» песня «Разговоры» в исполнении Марии Пахоменко была снята перед самой трансляцией. Опять «Его Величество Случай». Вот как он об этом рассказывает:

– Уже раскрученная к концу года песня «Разговоры» была включена в телевизионный фестиваль «Песня-72»... И вот я уже приехал в Москву... Но... За несколько часов до съёмки передачи мне дали «отбой»... Мария Пахоменко была прекрасной певицей и всегда чётко понимала, как и что она должна делать. А тогдашний руководитель Гостелерадио Сергей Лапин начал её «воспитывать» при всех... И она не очень корректно ответила ему, «всемогущему» Лапину, и её вычеркнули из программы...

Понятно, насколько было обидно Эдуарду Семёновичу, но, как я всегда говорю: «Плохой опыт делает для нас больше, чем любая, даже самая лучшая похвала». В данном случае это сработало так же. И Эдуард Ханок пишет музыку сразу к двум песням: «Верба» («Біля млыны-калына...») на стихи Юрия Рыбчинского и «Давай поговорим» («А я говорю, весна, говорю...») на стихи Ильи Резника.

Надо сказать, что и «Верба» в исполнении популярного в то время ансамбля «Самоцветы», и «Давай поговорим» в исполнении Юрия Богатикова мало того, что обошли все дискотеки, песня «Давай поговорим» даже вошла в финал телефестиваля «Песня-74».

Позже, пользуясь знакомством с Аллой Пугачёвой, которая уже к этому времени «гремела» со своей песней «Арлекино», он со своим коллегой Марком Минковым «напросились» к ней в гости, и каждый из них принёс по одной своей песне. Марк принёс песню «Не отрекаются любя» на стихи Вероники Тушновой, ставшую хитом с первого же исполнения. А «Песню первоклассника» на стихи Игоря Шаферана, которую принёс Эдуард Ханок, она также исполнила, но только спустя два года.

– Как позже стало известно, ей понравились обе песни, но мою песню она отложила на потом. А это был как раз 1978 год, когда её дочь Кристина пошла в первый класс. И после этого я в этом же году был ею приглашён на гастроли, где показал ей ещё одну песню... Таким образом, вместо одной песни в 1976-м в 1978 году я получил сразу две. «Песня первоклассника» вошла в «Песню-78», а «Песня про журавлика» («Я хочю

увидеть море, ты возьми меня с собой...»), которую мы написали с Ильёй Резником, хотя она и не вошла в «Песню года», зато звучала на всех её концертах!

Ещё одна интересная история. Связана она со знаменитой песней «Малиновка» на стихи Анатолия Поперечного, которая также была написана ещё в 1976 году.

Эдуард Семёнович очень хотел, чтобы эту песню спел Яак Йоала, считая, что это именно его песня. Но тот отказался её петь. Но, как говорится, «нет худа без добра».

Песню «Малиновка» Эдуард Ханок разрешил исполнять ансамблю ресторана брестской гостиницы «Беларусь». И однажды в этой гостинице остановились ребята из ансамбля «Верасы» и, услышав её, взяли в свой репертуар. И именно с этой песней они попали в финал телевизионного фестиваля «Песня-80», после чего ещё долгие годы песня «Малиновки слышав голосок...» была на пике популярности, став для «Верасов» одной из «визитных карточек».

– После этого стопроцентного попадания я написал для «Верасов» песню «Я у бабушки живу...» на стихи Игоря Шаферана, попавшую на «Песню-81». А чуть позже была написана песня «Белый снег» («Завіруха») на стихи Геннадия Буравкина. И снова стопроцентное попадание... И «Белый снег» попал на «Песню-82»... Да, и ещё одно приятное событие – в том же году я получил звание Заслуженного деятеля искусств Республики Беларусь...

Даже сегодня, слушая его песни, понимаешь, что любая из них – хит. И, конечно, о создании каждой можно рассказывать бесконечно, но это уже будет совсем иной формат...

Вот как о создании одной из своих песен рассказывает мой собеседник:

– В 1983 году мне предложили переехать в Минск. Пока дом, в котором мы позже получили квартиру, строился, мы жили в небольшой квартирке, которую получили взамен брестской... И в это же время случилось ужасное событие... У нашей соседки погибает ребёнок... Я был так угнетён этой трагедией, что вечером, сидя за роялем, написал свою самую грустную песню «Вы шуміце, шуміце, надо мною бярозы...» на стихи Нила Гилевича...

К сожалению, во времена тогдашней «противоалкогольной кампании» Михаила Горбачёва эта песня приобрела совсем иную репутацию... Она стала так называемой в народе «Песней гультая», то есть бездельника, а потому и не имела никаких шансов попасть в финал телефестиваля «Песня года». И так совпало, что она же, эта песня, и поставила точку в его музыкальной карьере...

И хотя после этого он ещё написал и «Счастливым случаем» на стихи Ларисы Рубальской, став лауреатом фестиваля «Песня года-88», и «Самурай» на её же стихи, и песню «Прекрасная дама» для своей дочери Светланы, которую та с успехом исполняла, а также успешно реализовал «залежавшуюся с 1969 года песню на стихи Леонида Татаренко в исполнении Александра Солодухи «Здравствуй, чужая милая», но отправная точка была уже определена.

– В 1996 году, получив звание Народного артиста Республики Беларусь, я решил оставить свою музыкальную деятельность и начал заниматься наукой, чем и занимаюсь по сей день всё свободное время, и считаю, что это и есть моё истинное призвание!

Его рассказ подходил к концу... Но у меня оставались ещё два вопроса, на которые мне очень хотелось получить ответ. Первый – история появления на свет песни «Служить России суждено тебе и мне», а второй – место семьи в его жизни. По поводу песни он сказал, что именно этой песней хочет поставить точку в своей музыкальной деятельности:

– Во-первых, эта песня с 2008 года каждый год звучит на Красной площади 9 мая на параде в честь Дня Великой Победы, а летом 2016 года Министр обороны РФ Сергей Шойгу объявил её гимном ЮНАРМИИ... Но для меня самое главное то, что, когда я напеваю всего лишь один куплет этой песни, залы в России в большинстве случаев встают! А попросил написать такого рода песню Илью Резника Президент России Владимир Путин, который посещал военнослужащих в Чечне накануне 23 февраля... Это было где-то начало 2000-х (точно год не помню). Там же был тогдашний Министр обороны маршал Сергеев... И, возвращаясь на праздничный концерт в Москву, министр взял в свой самолёт выступавших там поэтов, среди которых был Илья Резник... Я мог бы тоже полететь на этом самолёте, но остался в Москве для репетиции своей песни

«Самурай», которую мне разрешили спеть на вышеозначенном правительственном концерте... Самое обидное, что на том концерте я так и не выступил... В театре Российской Армии, где проходил концерт, прорвало трубу, а в зале Президент... Концерт быстро свернули... Зато чуть позже, когда после возвращения с того полёта Резник написал стихи, он поручил мне написать для них музыку. Так появилась, пожалуй, наиглавнейшая моя песня «Служить России», благодаря которой я получил российское гражданство... Вручая его, в посольстве пошутили, что оно «почётное» и с тех пор по чётным я – гражданин России, а по нечётным – Белой Руси!

– А семья... – чуть помолчав, продолжил он. – У меня лучшая в мире жена Евлалия Ивановна; трое детей – две дочки, одна из которых – Светлана – живёт в Израиле, а вторая – Руслана – рядом с нами; и сын Алексей, который живёт в России, в Подмосковье, а ещё пять внуков. Так что семья у меня большая...

*Эдуард Ханок и Лариса Рубальская,
г. Витебск, 1996 год*

Сегодня Эдуард Ханок уже не пишет музыку – он полностью посвятил себя науке. Он разработал новое направление в мировой науке – «Теорию творческих волн». По этой теме им написано уже три книги и на выходе четвертая. И хотя книги в большей степени научные, однако его приняли в члены Союза писателей Беларуси.

О своих научных исследованиях Эдуард Семёнович говорит следующее:

– Основа моей науки – это «Закон творческих волн». И это, на мой взгляд, главный Закон всей творческой жизни на земле, а «Творческие волны» – основа научной теории «Волнограммы»,

которая есть абсолютный аналог медицинским – рентгену или кардиограмме. Только в отличие от них «Волнограмма» показывает творческое состояние не только человека-творца, но и состояние государства...

После долгой беседы с Эдуардом Семёновичем Ханком я поняла о нём многое... И то, почему, в отличие от многих талантливых людей, потерявшихся в 90-х годах от своей не востребованности, он остался «на плаву». И то, что его и сегодня с удовольствием приглашают на различные мероприятия, где вместе с ним поют полюбившиеся всем песни, и так же, как десятки лет назад, он «зажигает» ими целые залы... И даже то, что у него хватает сил и мужества отстаивать свои права на свою же музыку...

Слушая его рассказ о своей жизни и о событиях, связанных с ней, многие из которых для нас, живущих сегодня, стали уже историей, просто не укладывалось в сознании, что ему скоро исполнится 80 лет... Передо мной сидел молодой, обаятельный мужчина, умеющий и к месту пошутить, и поддержать любую тему разговора, а то и рассказать «солёный» анекдот...

По поводу его исследований, которыми он сегодня занимается, я верю, что пусть не сегодня и не завтра, но когда-нибудь его работы будут оценены. А созданная им «Теория творческих волн» станет востребованной в широком понимании этого слова. Сам же он по этому поводу говорит следующее:

– Про Эйнштейна писали, что он не только обосновал «Теорию относительности», но и неплохо играл на скрипке... Может и обо мне когда-нибудь напишут, что я не только обосновал «Теорию творческих волн», но и писал неплохие песни... Я считаю, что моя жизнь и моя старость у меня удались. Но это не значит, что я ставлю финальную точку, нет, я просто говорю: «То ли ещё будет...»

Июнь 2020 года

Герой России генерал-майор ИСАХАНИЯН Геворк Анушаванович

Родился 27 мая 1960 года в г. Тетри-Цкаро (Грузинская ССР). Был командиром 234-го гвардейского парашютно-десантного Черноморского ордена Кутузова 3-й степени имени Александра Невского полка 76-й гвардейской воздушно-десантной Черниговской Краснознамённой дивизии. Заместитель начальника штаба «ЮНАРМИИ» города Москвы.

И ВЕЧНЫЙ БОЙ...

Говорят, писать о людях, которых ты хорошо знаешь, легче, чем о тех, с кем ты встречаешься только для написания очерка. Однако, написав уже не один десяток очерков о своих друзьях и знакомых, могу с уверенностью сказать, что это отнюдь не так. Ведь мы, общаясь из года в год и видя своих близких при разных обстоятельствах, каждый раз находим для себя в них что-то новое. Но когда ты начинаешь беседовать с каждым из них по отдельности, то чаще всего приходит ощущение, что ты о них ничего не знаешь...

Так случилось и в случае с офицером Воздушно-десантных войск, Героем Российской Федерации генерал-майором Исаханяном Геворком Анушавановичем.

Зная его и его семью уже не один десяток лет, мне казалось, что я знаю о нём всё. Но когда я слушала его воспоминания, у меня было такое ощущение, что я о нём вообще ничего не знала. Но обо всём по порядку...

Родился Геворк Исаханян в городе Тетри-Цкаро тогда ещё Грузинской ССР 27 мая 1960 года. Его отец Анушаван Исакович работал в заготовительной конторе, а мама, Виола Вачагановна, продавцом в местном магазине. Семья была большой и дружной. Геворк – самый старший из детей, затем сестра Жанна, сестра Аида и младший брат Артур. И так

г. Тетри-Цкаро (Грузинская ССР),
1977 год

как Геворк был самым старшим, то и в детстве, и уже в более зрелом возрасте, да и сейчас он нёс и несёт на своих плечах ответственность за всех своих близких.

– Я всегда себя представлял военным, – начал свой рассказ Геворк Анушаванович. – Как большая часть моих сверстников, мечтал о небе. Очень хотел стать лётчиком, можно сказать просто бредил авиацией. Может это, конечно, было юношеское, но мне казалось, что ощущение свободы, полёта, испытания себя на прочность, такое напряжение, в хорошем смысле слова, может дать только авиация... У меня в то время дома была огромная лич-

ная библиотечка мемуарной литературы о лётчиках, где были книги и о полярниках, и о военных лётчиках. Но особое место в моей библиотеке занимали книги о лётчиках Великой Отечественной войны. Тогда с книгами была напряжёнка. Достать хорошую, да ещё и нужную литературу было практически невозможно. Я же собирал свою библиотеку всеми возможными на то время способами: какие-то книги покупал, какие-то мне дарили, какими-то книгами обменивался с друзьями, а что-то выписывал через почту. Была тогда такая услуга: «Книга – почтой». А ещё я был записан во все библиотеки и читал просто взапой.

Но случай изменил не только будущее Геворка, связанное с мечтами о небе...

Тогда к концу обучения в школе всех мальчишек ставили на учёт в военном комиссариате. Каждый из них, ещё учась в школе, проходил военную медицинскую комиссию. А тех, кто собирался поступать в военные училища, проверяли особенно тщательно.

Вот как он об этом рассказывает:

– Когда мы проходили так называемую углубленную медицинскую комиссию, у нас председателем комиссии был врач, служивший в лётных частях. А у меня с детства была небольшая травма головы, и он, увидев мой шрам на голове, стал спрашивать, что да как. Я ему всё рассказал. А он тогда меня так жёстко присёк, сказав, что я смогу летать, но недолго, а потом, когда я втянусь в лётное дело и не смогу без него жить, у меня наступит момент невозможности летать из-за сильного перенапряжения, так как эта травма обязательно даст о себе знать. И то, что я не смогу летать, станет для меня трагедией... Он говорил это так убедительно, что я почему-то сразу ему поверил. Расстроился, конечно, очень сильно... Но желание стать офицером никуда не ушло, и я выбрал Рязанское училище, так как десантники из всех видов войск всё же казались мне ближе к небу.

Так сложилось, что Геворк дружил с ребятами, чьи отцы были офицерами. И он вместе с ними часто пропадал в части: то в спортгородке, то в спортзале военной части, то наблюдая за марширующими по плацу солдатами, а то и просто прогуливаясь по воинской части. И это непосредственное общение с офицерами и солдатами укрепило его желание стать военным. А ещё ему вместе с друзьями довелось в течение года посещать занятия борца-десантника, одного из мастеров спорта, который как раз готовился к международным соревнованиям. А дополнительные занятия с мальчишками придавали ему уверенность в своих силах. На своих занятиях, кроме спортивных тренировок, он, будучи сам десантником, не только обучал ребят, но и попутно рассказывал им о десантных войсках и о своём родном Рязанском десантном училище, выпускником которого был.

Так волей случая Геворк получил не только хорошую спортивную подготовку, но и по-юношески восторженное отношение к десантным войскам. Однако снова вмешался «Его Величество Случай»...

– В то время, – вспоминает Геворк Анушаванович, – когда мы занимались борьбой, как раз шли фильмы «В зоне особого внимания» и «Ответный ход». И после этих фильмов я уже точно знал, что буду только десантником... Это был конец 70-х годов... Но так случилось, что я отпра-

Командующий ВДВ генерал армии Д.С. Сухоруков поздравляет выпускника воздушно-десантного училища лейтенанта Геворка Исаханяна, г. Рязань, 1981 год

вил документы в военкомат, а про меня попросту забыли... Всем ребятам, кто подал заявление в военные училища, пришёл вызов, и они уже поехали поступать. А мне – ничего... Я ждал-ждал, а потом мы с отцом поехали в Тбилиси, в военкомат, куда были отправлены мои документы... И оказалось, что документы вернулись из училища и их попросту бросили на одну из полок и забыли о них... И надо отдать должное военному – он, прочитав заключение, где было написано, что я не прохожу по росту, поставил меня к стене и измерил меня простой офицерской линейкой. А затем, видя моё удручённое состояние, написал письмо на имя начальника училища, чтобы меня допустили к сдаче экзаменов... в виде

исключения... И я поехал поступать... В тот год, как сейчас помню, конкурс в училище был 26 человек на место... Но я поступил и стал курсантом Рязанского гвардейского высшего воздушно-десантного командного училища. Так сбылась моя мечта стать офицером-десантником.

Когда курсант Геворк Исаханян был уже на втором курсе, как раз начались события на границе Китая с Вьетнамом, и многие из курсантов написали рапорта с просьбой отправить их в зону военных событий. И их можно было понять: юношеское горение сердец и желание быть полезным тогда были заложены идеологией и полученным каждым из них воспитанием. Но командиры, понимая всю сложность ситуации, что называется, «охлаждали пыл» своих подопечных.

– А в декабре того же года начались афганские события, – продолжил Геворк Анушаванович свой рассказ. – У меня командиром взвода был Попов Юрий Викторович, командиром роты был Попцов Вячеслав Иванович, а командиром первой роты был Лебедь Александр Иванович. Да, такие знаковые люди... И вот они тогда первыми уехали в Афганистан... И тогда же стали приходиться первые так называемые «грузы 200»... Я очень хорошо помню то ощущение опасности и понимание того, что наши командиры ушли на войну и что они могут не вернуться с той войны. И это сделало нас значительно взрослее... Мы словно в одночасье из беспечных юношей превратились во взрослых мужчин, и впервые пришлось понимание, что на войне не столько важно иметь крепкие бицепсы, сколько светлую голову и умение принять не только верное, но и быстрое решение. И самое главное, что это поняли и наши преподаватели. И именно с этого времени у нас началась настоящая профессиональная подготовка...

Да, у каждого своё время взросления. Кто-то до зрелых лет по ощущениям остаётся мальчишкой, а кто-то и в восемнадцать чувствует себя зрелым мужчиной. Так случилось и с Геворком.

Зная его не один год, я не могла понять, почему он всегда казался мне старше офицеров, с которыми проходил военную службу, хотя все они были практически одного возраста. И только сейчас, слушая его воспоминания, я поняла, что просто ему очень рано пришлось повзрослеть...

– Помню 80-й год, – продолжил он свои воспоминания, – когда нас, курсантов, привлекли к тушению пожаров... Горели торфяники в Подмо-

сковье. А это был год олимпиады... Пожар тогда был невероятной сложности... Мы практически один на один сражались с огнём... Выгорало местами так, что тяжёлая техника проваливалась почти под самую крышу... И для нас это было одно из первых сложных испытаний...

Испытания... Тогда ещё курсант Исаханян даже не предполагал, какие ещё испытания уготованы ему судьбой. А «Его Величество Случай» так часто «вмешивался» в его жизнь, что эти испытания «сыпались» на него, как из рога изобилия.

Так, например, после окончания училища он должен был для дальнейшего прохождения службы направиться в Псковскую десантную дивизию. Но случилось так, что во время выпускных экзаменов на его военную подготовку обратил внимание начальник штаба 337-го полка 104-й гвардейской воздушно-десантной дивизии Закавказского военного округа (ЗАКВО), который был в то время членом экзаменационной комиссии. И он же лично внёс изменения в приказ по распределению, забрав лейтенанта Исаханяна в свой полк, размещавшийся в городе Кировабаде (ныне Гянджа).

– Я попал служить в отдельную разведроту полка. Пришёл, как и все, взводным, но уже ровно через год меня поставили заместителем командира роты... Это случилось после достаточно сложного пожара в казармах, в которых размещалась наша разведрота... Кстати, во время этого пожара я чудом остался жив... Судьба... Так вот, после этого пожара мы сделали капитальный ремонт, и по подведению итогов мой взвод по всем показателям занял первое место в полку. И именно это событие через время решило мою судьбу...

Для тех читателей, кто мало знаком с армейской жизнью, поясню, что служба в отдельной разведывательной роте – это не просто почётно, туда отбирали лучших из лучших. И служба эта была одной из самых сложных в войсках.

Геворк уже тогда, будучи молодым лейтенантом, стал заместителем командира отдельной разведроты. А кроме этого получил назначение на должность командира учебного взвода, в обязанности которого входило обучение молодых бойцов из личного состава дивизии в отдельном учебном центре.

Из его воспоминаний:

– После того, как мы завершили подготовку молодого пополнения, меня вызывает к себе начальник штаба полка. Я уже обрадовался. Думал всё, очередная должность... А он мне и говорит: «Ну, что, лейтенант, поедешь на Целину?». Я от неожиданности даже опешил, но я же человек военный и приказы обсуждать не привык, хотя червячок разочарования точил...

Шёл 1983 год...

В Будённовском районе, куда прибыл лейтенант Исаханян вместе с батальоном полка, откомандированным на уборку хлеба, условий для проживания такого количества людей не было предусмотрено. И первое, с чего начали они свою работу, – это обустройство по месту прибытия. И там ему приходилось проявить офицерскую смекалку и в том, чтобы горючее сэкономить, и чтобы солдат накормить и обеспечить, да и во многом другом, что требовали сложившиеся обстоятельства.

– Была такая ситуация, что при первой же проверке ГСМ, – вспоминает Геворк Анушаванович, – у меня оказалась недостача топлива, и с меня удержали оклад... А я не могу понять, в чём дело? Оказалось, из-за сноса карбюраторов, каждый солдатик из водителей что-то там подкручивал на свой глазок и из-за этого расход топлива увеличивался в разы... И чтобы больше такого не повторилось, мы решили, что будем загружать в машину вместо одного положенного – два бункера, а это вместо 2 тонн 200 соответственно 4 тонны 400. Дело в том, что борта у машин были наращены и обиты тентом, чтобы зерно не просыпалось, и мы благополучно перевозили за раз две ходки. И таким образом у нас получалась ещё и экономия горючего... Когда машины вернулись в полк, они выглядели как новенькие. И немудрено, ведь часть экономии, которую мы получали, мы пускали: что-то на обмен запчастей, что-то на окраску. Так и получилось, что вернули машины в лучшем состоянии, чем получали перед отъездом.

По прибытии в полк лейтенант Геворк Исаханян получает назначение на должность командира разведроты полка, а на подведении итогов Указом Президиума Верховного Совета СССР ему за Целину вручают орден «Знак Почёта».

Для информации: в Советском Союзе это была седьмая по значимости государственная награда.

А уже ровно через год старший лейтенант Геворк Исаханян получает новое назначение – на отдельную разведывательную роту дивизии. Но надо сказать, что до него командир довёл эту роту до такого состояния, что её практически расформировали. И Геворк, что называется, «засучив рукава», днюя и ночуя в подразделении, начал восстанавливать её почти с нуля. Он занимался всем: и подбором офицеров для роты, и обмундированием, и питанием для личного состава. А его забота о своих подчинённых – это отдельный разговор.

Под его непосредственным руководством было отремонтировано и введено в эксплуатацию несколько заброшенных, совершенно негодных для проживания квартир, в которых он сделал общежитие для холостых офицеров. А для семейных, правдами и неправдами, «выбил» квартиру для каждого. А ещё он изыскивал возможности, чтобы обеспечить своих офицеров овощами, фруктами и иной провизией.

Вот такой он во всём. Он любил повторять, что всё должно быть в ажуре и все должны быть довольны, тогда и по службе всё будет хорошо.

И благодаря именно его настойчивости и упорству отдельная разведроты, в которой, кстати, замполитом служил мой муж, тогда ещё лейтенант Александр Дробышевский, на первой же итоговой проверке заняла первое место среди разведрот воздушно-десантных войск.

Так началось моё знакомство с Геворком Исаханяном...

В то же время Геворка в возрасте 26 лет родители решают женить. К тому времени все его подчинённые уже были женаты и имели детей, и его родителям очень хотелось видеть и своего сына в кругу дружной семьи. И вот, пройдя «смотрины» среди девушек его родного Тетри-Цкаро, мама выбирает ему невесту – так было принято в армянских семьях. Геворк, не привыкший перечить родителям, согласился беспрекословно. Так в нашей дружной «разведротовской», как нас тогда называли, семье появилась Жанна.

Женитьба не очень изменила его отношение к службе. Он так же, как и прежде, «дневал и ночевал» в роте, а вскоре, и был это 1986 год, после отпуска, в который его неожиданно отправили, он узнаёт, что его доку-

менты уже находятся в Москве для перевода на должность командира батальона и на получение внеочередного звания «капитан».

Жизнь часто преподносит сюрпризы. Если говорить о жизни Геворка Анушавановича, то она вся состоит из таких «сюрпризов». Но таков он есть. Как он любит повторять: «И вечный бой, покой нам только снится...». Так получилось и в этот раз.

Как только он принял должность командира батальона, почти сразу же пришёл приказ для отправки в Афганистан. Это был август 1987 года...

— Когда самолёт приземлился в Кабуле и как только открылась рампа самолёта Ил-86, на нас пахнула такая жара... — вспоминает он. — Воздух был настолько горячим, что перехватывало дыхание... Ощущение было, словно пахнуло из раскалённой домны... Природа же ничем не отличалась от природы Кировабада, где я служил, — те же лунные горы, тот же песок, редкая растительность... Но было иное ощущение — ощущение некой нарастающей тревоги... Когда нас усадили на БМП, а вокруг нас разместились вооружённые бойцы, тревога только усилилась...

Афганистан... Геворк Анушаванович был немногословен, рассказывая о том, что там с ним происходило. Однако, зная от офицеров, которые с ним служили, в какие перипетии он попадал, могу с уверенностью сказать, что было всякое... Не вдаваясь в подробности военных операций, которыми он руководил, скажу одно, что два ордена Красной Звезды, которые он получил за Афганистан, говорят сами за себя. Однако о времени вывода войск из Афганистана Геворк Анушаванович помнит, словно это было вчера:

Афганистан, 1988 год

– Мы вышли из Афгана 13 февраля 1989 года, но до этого был такой момент... Где-то в октябре-месяце должна была произойти замена личного состава и офицеров, кто уже отслужил свой срок... Они должны были уехать в Союз, а на замену к нам приехать другие. А это было более 140 человек. А с другой стороны – вот-вот должен был завершиться второй этап вывода войск из Афганистана... Только тогда никто ни в нашем руководстве, ни вышестоящие командиры, никто не знал, когда это будет. И вот перед самой отправкой собирает всех нас комдив и предлагает всем: и бойцам, и офицерам, кто желает, остаться, чтобы «не организовывать замену и не подвергать риску необстрелянных бойцов»... На самом деле каждый понимал, что это может быть неделя, месяц, а может и два, три, а то и больше... Но надо отдать должное, что из моего батальона уехал только один человек, да и со всего полка почти также... Остальные остались... Вот насколько высоки были моральная ответственность и сила духа бойцов и офицеров...

После возвращения из Афганистана майор Геворк Исаханян попадает служить в Белоруссию (ныне Беларусь), в Баравуху. Новое место, новая территория. И снова всё заново: и обустройство, и получение обмундирования, техники, оружия, да и многое другое, что надо было освоить на новом месте. А ещё непривычная, до звона в ушах тишина, без разрывов снарядов и стрельбы... Ко всему этому надо было привыкнуть...

– Был такой случай... К тому времени мы пробыли в Баравухе месяца полтора, не больше, – после недолгого молчания продолжил Геворк свои воспоминания. – И вдруг мы узнаём, что в день рождения Гитлера национальные формирования молодых людей собираются в Полоцке и Новополоцке провести шествия, направленные против власти... Ну, а мы же только что с войны вернулись, и нам вообще было непонятно, как можно здесь, в мирное время, быть чем-то недовольными да ещё выступать под фашистским лозунгом против власти... А это был уже 89 год... Уже шло полное разложение общества... Но для нас это было такое потрясение... И мы готовы были их просто уничтожить... Но по всей видимости они, узнав, что их уже ждут, да не просто военные, а десантники, вернувшиеся с войны, они так и не доехали до места сбора... В Минске и других бело-

русских городах выступления были, но в Полоцке и Новополоцке было тихо...

Так, повествуя читателю о жизненном пути своих героев, понимаешь, насколько их жизнь связана с различными историческими событиями и не только нашей страны. Так и рассказ о жизни Геворка Анушавановича затрагивает множество исторических событий, в которых он был непосредственным участником.

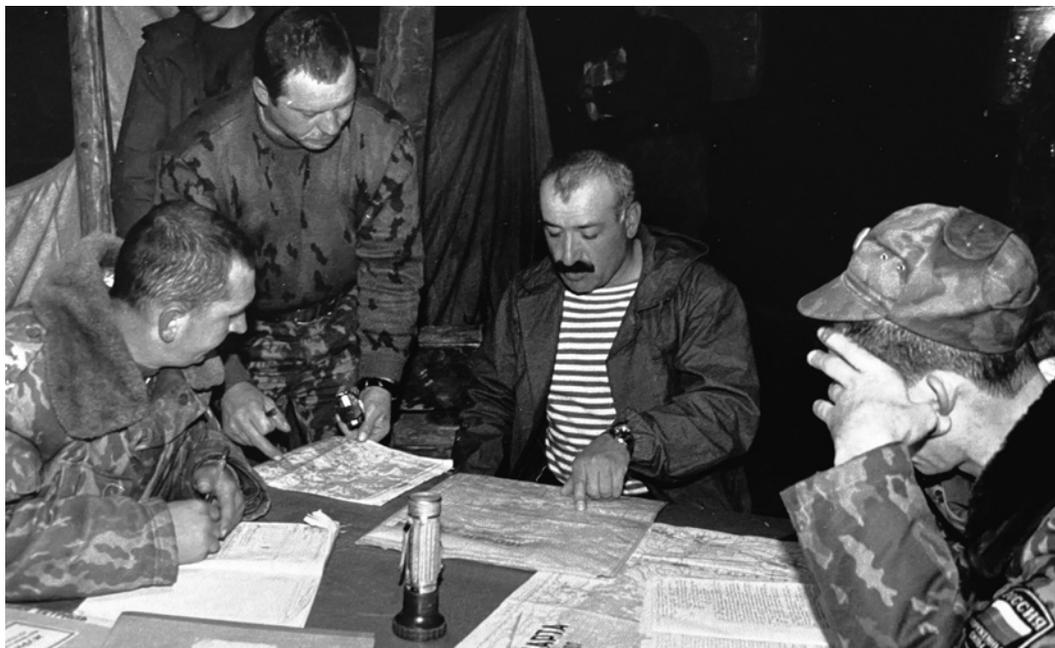
После Беларуси майор Геворк Исаханян сначала получает назначение в Кострому, где комдивом у него был знаменитый генерал Александр Лебедь, затем в Тулу, а затем – учёба в Московской военной академии...

В это же время у Геворка рождается долгожданный ребёнок – дочь Виола, а чуть больше, чем через год, ещё один – дочь Анна. Появились новые заботы, хлопоты, однако служба всё также оставалась для него важнее всего, хотя свою семью он любил не меньше.

– Время учёбы в академии было не простое, и не только в плане учёбы. Само время было сложное – 90-е годы... Родились девочки, надо было обеспечивать семью... И я, как и все тогда офицеры академий, подрабатывал по ночам где только мог: и вагоны разгружал, и в охране работал... Сейчас даже страшно вспомнить, что мы только тогда ни делали, чтобы как-то выжить... А перед самым выпуском в академию приехал мой командир полка, с которым мы служили в Афгане, Александр Васильевич Попов. А он был в то время начальником штаба Псковской воздушно-десантной дивизии. И он забрал меня служить в Псков на должность начальника штаба 104-го парашютно-десантного полка. Так я попал в Черёху...

И снова – служба: изнуряющая, изматывающая, отнимающая все силы. Но для Геворка не было иного смысла в жизни. Это и была его жизнь. И поэтому в его лексиконе никогда не было слова «не могу», а только: «Есть! Разрешите выполнять?!». Так перед учениями, до которых оставались считанные дни, за трое суток он разработал и подготовил план боевой готовности полка.

Кто понимает, о чём идёт речь, знает, каков объём этой работы и по знаниям, и по масштабу.

Чечня, Гудермес, 1999 год

Но в армии по-другому не бывает. Если ты настоящий офицер, то любой приказ выполняется беспрекословно. Но есть и иная сторона – никогда никому ничего не надо объяснять о себе – всё становится понятно через некоторое время совместной службы. Так случилось тогда и с подполковником Геворком Исаханяном. После выполнения за такой короткий срок этого грандиозного по масштабам задания его авторитет как офицера был завоёван окончательно и бесповоротно, и именно за эти трое бессонных суток...

– Помню, – продолжил Геворк Анушаванович свои воспоминания, – в сентябре-месяце 1994 года к нам в полк приехала французская парашютно-десантная рота. Это был первый опыт обмена навыками наших и иностранных военных. Мы вместе прыгали с парашютом, проходили учения. Ну, а потом и наша рота ездил к ним по обмену опытом. Было интересно... Но 94-й год был ещё и годом начала известных событий на Северном Кавказе...

Чеченский вооружённый конфликт... И снова потери, и снова слёзы вдов... Одним словом – война, какими бы словами её потом ни называли...

Из воспоминаний:

– Тогда, в самом начале чеченских событий, в городке была настолько тяжёлая обстановка, что сейчас даже страшно вспомнить... Разговоры, слухи... И всё это так угнетало... И все ждали, что будет дальше... А уже в начале 1995 года и я попадаю в Чечню по замене, на должность начальника штаба полка.

Те годы, проведённые в зоне чеченского вооружённого конфликта, Геворк Анушаванович вспоминал неохотно. Но когда он начал вспоминать известные всем события в Первомайском, я услышала в его рассказе нотки сожаления, что им «не дали возможности провести операцию по освобождению, к которой они были полностью готовы».

После возвращения из Чечни наступили обычные будни офицерской службы, но проходили они уже в иных условиях. Однако, исходя из опыта боевых действий, Геворк сделал для себя выводы по подготовке личного состава...

– Летом 1996 года мне поставили задачу поехать в 98-ю воздушно-десантную дивизию, размещавшуюся в городе Иваново, – вспоминает Геворк Анушаванович. – Приехал я в Иваново пока один, без семьи... И там сразу же приступил к комплектованию и подготовке личного состава для отправки в Югославию, а ехал туда начальником штаба бригады. В Югославии также были разные ситуации... Но самое тяжёлое, опасное и самое ответственное – это когда тебе не говорят до конца, как ты должен действовать в тех или иных обстоятельствах. С одной стороны – строгие правила миротворческого контингента, а с другой – реальные события, которые далеки от прописанных правил... Поэтому приходилось принимать порой неординарные решения... Но надо учитывать, что мы были ограничены в действиях именно миротворческим соглашением... На стороне боснийцев тогда находились войска, в которых были и французы, и немцы, и англичане, и литовцы... А на стороне сербов – мы... Но надо отдать должное, когда при одном из столкновений меня пытались устранить (физически), то спас меня английский офицер... Вот такие казусы бывают на войне...

С семьёй. Слева направо: дочь Анна, жена Жанна, Геворк Анушаванович, дочь Виолетта, г. Москва, 2012 год

К счастью опыт Геворка Анушавановича, полученный за период двух войн, и его умение мыслить стратегически, что отмечали многие из тех, с кем мне довелось побеседовать, помогли принимать ему единственно верное решение в любой сложившейся ситуации. И, судя по его воспоминаниям и воспоминаниям его сослуживцев, это понимали даже те, кто стоял по ту сторону...

После Югославии было ещё не одно место службы. Это и Абхазия (Гудаута), где он также выполнял миротворческие задачи, и драматические события в Дагестане, потом снова Чечня да ещё много чего...

Обо всех его заслугах говорят его награды, самая главная среди которых – звание Героя Российской Федерации. Хотя, на мой взгляд, это звание было дано ему намного позже, чем он этого заслуживал...

* * *

Рассказывая о судьбе генерал-майора Геворка Анушавановича Исаханяна, я не могу не рассказать о его семье. Ведь жена офицера – это особая, я бы даже сказала «каста» жён. И надо сказать честно, что многие из тех, кто становился женой офицера, просто не выдерживали той нагрузки и ответственности, которые ложились на их плечи. Но Жанна выдержала всё: и постоянные командировки мужа, и его, в некотором смысле, жёсткое отношение и строгое воспитание дочерей, и долгие дни, вечера и ночи вечного ожидания... Когда я задала ей вопрос: «Сколько по времени из всей службы мужа он был рядом с семьёй?», она сказала, что из первых 20 лет его службы вместе они были года три...

Однако, пройдя через все, выпавшие на её долю, испытания, сегодня, идя рука об руку со своим мужем, Жанна чувствует себя совершенно счастливой, впрочем, как и сам Геворк...

Но если говорить о его неуёмном характере, то он и сегодня не стоит в стороне. Сейчас генерал-майор Геворк Исаханян, занимая должность заместителя начальника штаба «ЮНАРМИИ» города Москвы, не сидит на месте, а колесит по всей России, передавая свой бесценный опыт молодым, понимая, что будущее теперь находится в их руках...

Идя «по тонкой нити» судьбы Героя России Геворка Исаханяна, я поняла, что за внешней строгостью и суровым отношением к своим подчинённым скрывается по-отечески заботливый человек, для которого жизнь и здоровье каждого, за кого он несёт ответственность, важнее всего. Это видно и из его повседневной службы, и из его службы во время военных конфликтов. По мнению многих офицеров даже трагедии, которая случилась с 6-й ротой, если бы офицер Геворк Исаханян был в то время там, можно было бы избежать. Так думает и сам Геворк Анушаванович.

Подходя к концу своего небольшого повествования, которое вместило в себя лишь маленькую толику жизненного пути Геворка Анушавановича, добавлю только одно: именно на таких настоящих боевых офицерах держится наша армия, и благодаря именно таким офицерам, как генерал-майор Геворк Исаханян, нашу армию уважают даже наши противники...

Май 2021 года

АЛМАЗОВ Александр Валерьевич

Родился 20 марта 1987 года в городе Москве. Заслуженный художник Российской Федерации, писатель, публицист, общественный деятель.

ИСТОРИЯ МАЗКАМИ КИСТИ

«Такова сила искусства: лицо, ничем не замечательное само по себе, получает через искусство общее значение, для всех равно интересное, и на человека, который при жизни не обращал на себя внимания, смотрят века, по милости художника, давшего ему свою кистию новую жизнь!»

В.Г. Белинский

Посещая выставки художников и глядя на их полотна, всегда стараюсь представить эпоху того времени, которое изображено на этих полотнах. Представляя всё в деталях и дополняя увиденное тем, что уже знала об этом времени, ещё больше узнаю о нём. И именно эти детали, в точности прописанные кистью художников, делают исторические факты более насыщенными и узнаваемыми. Это и называется «История мазками кисти».

Одним из таких художников, на мой взгляд, является Заслуженный художник Российской Федерации Александр Валерьевич Алмазов.

Впервые я встретила с Александром на одном из мероприятий, проходящем в Шолоховском зале Союза писателей России. Он тогда представлял несколько своих картин, на которых были изображены российские писатели. Это были портреты Валерия Ганичева, Алек-

сандра Проханова, Владимира Крупина и многих других известных писателей. А потом, долгое время наблюдая за ним и за его работой, узнала, что такую же портретную галерею он создаёт, работая над портретами известных людей иных профессий. И так как я также много пишу очерков о людях разных профессий, то мне стало интересно, почему он решил писать портреты наших современников и что им движет.

И вот, после нескольких неудавшихся попыток, мы, наконец, встретились.

Когда я встречала Александра на проходной нашего Редакционно-издательского центра и увидела его в простых джинсах и лёгком чёрном пальто, подумала: «Боже, совсем мальчишка...». И действительно, его невысокая худощавого телосложения фигура и по-детски открытый взгляд делали его намного моложе своего возраста. Да и возраст-то, действительно, юношеский – неполных тридцать шесть. Но когда он, наслаждаясь чашечкой горячего чая, начал рассказ о себе, я была поражена, сколь много он уже успел сделать. И слушая его, подумала: «Как же мы похожи...» Это не в смысле внешнего сходства и несмотря на то, что он практически ровесник моих детей. Схожи тем, что он, как и я, начиная работу над картиной, сначала знакомится с биографией своего героя, затем долгое время наблюдает за ним в реальной жизни, встречается с ним, пытаюсь как можно глубже проникнуть в его внутренний мир, и только потом приступает к работе. И это совершенно правильный и единственно верный подход к созданию своих произведений. А живопись – это чрезвычайно серьёзное и ответственное дело, и ошибка художника может нанести непоправимый вред. Напомню читателю один исторический факт: когда замечательный художник Макс Либерман начал писать портрет одного известного врача, тот, сославшись на свою занятость, согласился позировать ему не более двух раз. При этом так объяснил своё решение: «Мне ведь хватает одного раза, чтобы осмотреть и поставить диагноз больному». На что художник ему ответил: «Вашу ошибку скроет земля, а неудачная картина будет висеть долго, утверждая, что я плохой художник».

Писать портреты не только сложно, но и ответственно. Как говаривал знаменитый художник Джон Сарджент: «Каждый раз, когда я пишу портрет, я теряю друга». И я рада, что Александр не боится никаких условностей, а просто делает то, что умеет лучше всего, тем самым внося свою лепту в сохранение истории своей страны. И именно поэтому сегодня он – мой собеседник.

– Родился я в Москве, – начал свой рассказ Александр. – Моя мама – учительница русского языка и литературы, а папа – инженер. У меня есть младший брат Григорий, с которым мы сегодня вместе создаём свою портретную галерею. У нас очень дружная семья, и в любом деле мы поддерживаем друг друга... А если говорить о творчестве, то свою первую картину я написал в пять лет. И пусть она была не вполне совершенной, но это уже была картина. И потом, учась в школе, я много писал. У нас дома хранится несколько толстых альбомов моих детских работ...

Александр рассказывал о своём детстве, а я представляла себе маленького мальчика, который, сидя за мольбертом, совершенно не обращал внимание ни на детские голоса, весело звучащие за окном, ни на незлобивое ворчание мамы, пытающейся оторвать его от любимого занятия. Ничего из всего, что происходило вокруг и не касалось его картины, он не замечал, настолько глубоко погружался в неё.

Несмотря на свою увлечённость, у него было много друзей. Однако, как часто бывает у тех, кто уже с детства сделал свой жизненный выбор, большую часть времени он всё же проводил не с ними, а за своим любимым занятием. Результатом его упорной работы стала первая выставка его картин, которая состоялась ещё в школе. И было в ту пору Александру неполных шестнадцать лет.

После своей первой выставки, которая имела успех и даже получила немало положительных отзывов, Александр получил возможность общения со многими известными людьми. В их числе были и писатели, среди которых такие известные имена, как Василий Белов, Валентин Распутин, Валерий Ганичев. Вот как он об этом рассказывает:

– Я очень любил общаться с писателями, ведь изначально, даже уже учась в Российской академии художеств, всё ещё мечтал стать пи-

сателем. Я тогда много чего написал и многое из написанного до сих пор ждёт своей очереди в рукописях. Но одну книгу я всё же издал. Эта книга называется «Павел Третьяков и его галерея». Как и в жизни, моя писательская работа связана с живописью... Но так получилось, что я настолько увлёкся живописью, что писательское дело отошло на второй план. Но, к счастью, не ушло насовсем. А моё такое трепетное отношение к писательству дало толчок к созданию портретной галереи писателей.

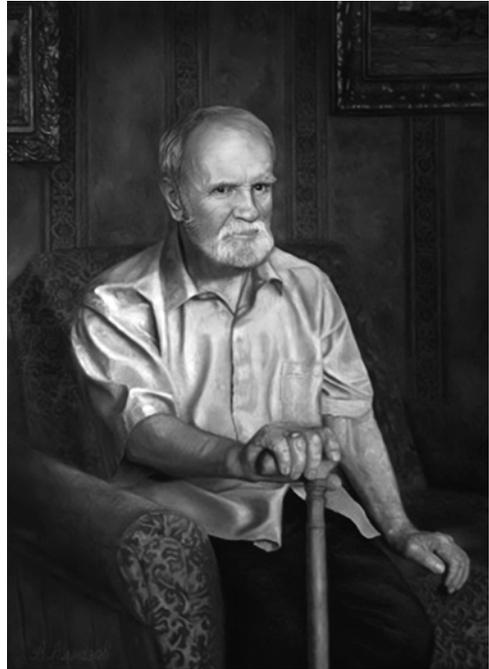
Надо сказать, что прежде чем к Александру пришло желание писать портреты, он, поучившись живописи в России, захотел узнать секреты флорентийской живописи и уехал учиться во Флоренцию...

Я очень люблю флорентийскую живопись, школу которой прошли такие известные всему миру художники, как Донателло Микеланджело, Боттичелли, Мазолино и другие известные живописцы. Например, Орест Кипренский, российский художник, прошедший эту школу, создал известный портрет Александра Сергеевича Пушкина, который стал эталоном образа русского поэта. Я, конечно, не искусствовед, но даже я заметила, что в живописи Александра Алмазова прослеживаются яркие приметы флорентийской школы, и не только в портретной. А в портретной живописи он использует и принятый во флорентийской живописи живой фон, соответствующий образу героя, и портрет с изображением до талии, и, конечно же, великолепное сочетание красок. Используя знания, полученные во Флоренции, и свой талант живописца, в нашу эпоху цифры он, как и великие художники тех эпох, создаёт на своих полотнах живые образы. И это то, что сегодня, просто ради самой живописи, не делает никто.

– Пройдя замечательную флорентийскую школу живописи, я погружился в написание портретов, – продолжил свой рассказ Александр. – А самым первым, кого я написал, стал Василий Иванович Белов. Познакомился я с ним в одну из своих поездок на Вологодчину. Там родился мой отец, и я часто бывал там... Мы часто встречались с Василием Ивановичем и настолько с ним сроднились, что, даже когда его не стало, я ещё долго ездил к его сестре в гости... Так

получилось, что я писал его дважды. Первый его портрет был написан в его родной деревне, а второй – у него на квартире.

Встреча двух замечательных людей – уже состоявшегося писателя и молодого художника – стала знаковой для Александра. И потом, когда Василия Белова не стало, Александр, уже будучи членом Союза писателей России, создал при Союзе писателей специальную комиссию «По увековечиванию памяти писателя Василия Белова». Он много ездил по Вологодчине со своими картинами, центром экспозиции которой был портрет Василия Белова, рассказывая о его творчестве. В этих творческих поездках участвовали писатели, поэты, музыканты и общественные деятели, что делала вечера более насыщенными и, как сказал Александр, «живыми».

Портрет Василия Ивановича Белова

Но самым интересным проектом созданной им комиссии было изготовление коробки под вологодские конфеты. Коробку по проекту Александра и Григория Алмазовых изготовили в виде книги с изображением портрета Василия Белова. При открытии каждой коробки любовью сладкоежка мог прочесть строки из книг великого писателя. Конфеты получили название: «Чаепитие с Беловым».

Первая продукция с таким названием была презентована главой Департамента культуры Вологодской области в Москве на ВДНХ. После этого проект приобрёл популярность не только среди жителей Вологодчины, но и среди москвичей и гостей столицы. А руководители конфетной Вологодской фабрики сделали эту коробку конфет одним из своих брендов.

Сам Александр так объясняет идею создания проекта:

– Меня всегда немного удручает, что на прилавках наших магазинов названия конфет и другой продукции популяризируют всё иностранное. И именно это толкнуло меня создать конфеты с таким названием. Белов – это часть истории нашей страны, в частности, Вологодчины. И я считаю, чтобы сохранить эту историю, нужно использовать любые возможности. Так появилась идея создания вологодских конфет: «Чаепитие с Беловым», которые и сегодня пользуются огромной популярностью как у местных жителей, так и у их гостей... Часто бывая в этом регионе, вижу, что сельские жители хранят коробки из-под конфет именно потому, что там портрет их земляка... И ещё мы совместно с фабрикой проводили вечера под таким же названием: «Чаепитие с Беловым». На эти вечера приезжали писатели и деятели культуры. И мы, сидя у самовара, за чашкой чая с конфетами разговаривали не только о творчестве Белова, но и о творчестве современных писателей. Эти вечера на Вологодчине получили такую популярность, что стали проводиться на постоянной основе. И, насколько мне известно, проводятся и сегодня.

Кстати сказать, этот проект Александр сделал для региона абсолютно безвозмездно...

Не могу не рассказать читателю ещё один интересный эпизод из его жизни – о поездке на родину Василия Белова, в деревню Тимониха Вологодской области. Это было в 2012 году, в год 80-летнего юбилея писателя. Александр так вспоминает об этой поездке:

– Я на тот момент завершил второй его портрет, который писал в квартире, и решил привезти его на Вологодчину. И как раз получил приглашение на его юбилейный вечер. Это было незабываемо... Помню, хотя была осень, но там уже подморозило и лежал снег. Все приглашённые писатели ехали в автобусе, а я со своими картинами ехал за ними на своей машине. Дорога была ужасной. Нас бросало из стороны в сторону, и в конце концов в одной из деревушек под названием Азла, а это не доезжая километров 30–40 до Тимонихи, автобус встал. И я на своей машине делал несколько ходок, чтобы перевезти всех до места назначения. Потом ко мне присоединил-

Братья Алмазовы на очередной выставке

ся глава района. И мы на двух машинах перевезли всех. И когда мы туда приехали, местные жители встречали нас необыкновенно. На столах, которые для нас накрыли сельчане, было полное изобилие: грибы, пирожки, пироги, разные соленья, горячий борщ, каша с грибами и ещё много всяких деревенских вкусностей... Встреча прошла замечательно. А обратно мы добирались таким же путём. Но никто потом не жалел об этой поездке. А когда за писателями вместо сломанного автобуса прислали в Азлу двухъярусный светящийся разноцветными огнями автобус, местные жители высыпали на улицу, настолько необычно, по всей видимости, было для них такое зрелище...

Много интересного рассказал мой собеседник как о своей общественной, так и творческой жизни. Было необычайно интересно слушать его серьёзные и курьёзные истории из жизни. Забавно и то, что на многих выставках посетители и гости, кто не знал его лично и видя

впервые, всегда удивлялись его возрасту. И это понятно, так как, глядя на его картины и их количество, невозможно представить, что их написал столь молодой художник.

К сожалению, не имея личной мастерской, братья Алмазовы вынуждены хранить свои полотна, коих уже не менее сотни, в разных местах. Конечно же, организаторы выставок иногда помогают им, выделяя транспорт. Но чаще всего им приходится самим искать машину, ездить по всем адресам, чтобы собрать картины для выставки. А после проведения выставки всё происходит в обратном порядке. А выставок у них проходит немало, и эти выставки очень отличаются от обычных выставок картин. На каждую Александр лично приглашает тех, кто изображён на полотнах. Они с удовольствием приезжают, выступают, рассказывают о себе, о своём творчестве, таким образом делая выставку ещё более живой и познавательной.

Есть у него ещё одна интересная особенность, что, безусловно, отличает его от своих коллег. Он очень бережно относится к историям, услышанным от героев своих полотен. И думаю, в скором времени мы увидим не только его замечательные картины, но и сможем прочесть книги о жизнеописании его картинных героев.

Сам Александр так говорит об этом:

– Я посвящаю свои картины уникальным, выдающимся, а также простым, но не совсем обычным в моём понимании людям. Начинал я с отдельных портретов писателей. Пишу я только живую. Правда была пара случаев, когда пришлось писать по фотографии. Например, портрет Николая Рубцова... Потом портретов становилось всё больше. К писателям присоединялись портреты известных критиков, литературоведов и других знаменитых и уникальных людей. Например, я написал портрет священника, путешественника и писателя Фёдора Конюхова. А он – уникальнейшая личность... Отец Илий, портрет которого, с его благословения, я также пишу, назвал его святым... А этот великий старец не о каждом такое скажет... Мы после этого даже организовали встречу отца Илия с Фёдором Конюховым. И Батюшка сам приехал к Конюхову в мастерскую... Это была историческая встреча двух великих людей, свидетелем которой мне посчастливилось быть...

Участники круглого стола Московского фестиваля китайских национальных видов спорта и искусств «Кубок Конфуция» (третий слева – А. Алмазов)

А ещё, работая над каждым портретом, я очень внимательно выслушиваю каждого своего героя и обязательно записываю всё для себя. Благо времени на общение всегда предостаточно... А потом я вдруг понял, что надо объединить все картины в одну серию портретов. Ведь всех моих героев объединяет одно – переживание за будущее своей страны, нравственные и духовные критерии и высокий уровень патриотизма, как бы пафосно это ни звучало...

Из воспоминаний Александра я узнала одну интересную историю, связанную с Фёдором Конюховым.

Это было в 2018 году. Фёдор Конюхов в тот год был в составе делегации, которая везла из Иерусалима благодатный огонь. И, как положено, по прилёту он со всеми членами делегации должен был отвезти благодатный огонь в Храм Христа Спасителя. Встречал его и Александр с друзьями и отцом Романом Майсурадзе, настоятелем

Александр Михайлов, Александр Алмазов и Фёдор Конюхов

храма Пресвятой Богородицы в Булатниково. А Фёдор Филиппович был прихожанином этого храма и дружил с отцом Романом, который ещё по совместительству и замечательный писатель. И вот он, взяв частицу благодатного огня, вместо Храма Христа Спасителя поехал на Пасхальную службу в храм с отцом Романом. И получилось, что в тот год благодатный огонь первым попал в храм Пресвятой Богородицы в Булатниково.

Слушая различные истории из его жизни, тем самым узнавая Александра совсем с иной стороны, поняла самое главное – он, в отличие от многих

своих сверстников, всей душой болеет за свою страну. К сожалению, сегодня большая часть из них не знает своих современников: ни в области литературы, ни в области спорта, ни в области духовно-просветительской деятельности. А этот замечательный художник вместе со своим братом Григорием, день за днём создавая свои полотна, старается через них донести информацию о людях, которые являются частью истории нашей страны.

А ещё он много времени посвящает общественной работе, налаживая контакты как между людьми, так и между регионами и странами. Например, замечательный проект по взаимодействию двух стран – России и Китая.

Из рассказа Александра:

– У меня много разных проектов как реализованных, так и запланированных. Сейчас я, например, пытаюсь воплотить в жизнь свой проект по написанию портрета Председателя КНР Си Цзиньпина... А если говорить о картинах в общем, то могу сказать о них одно: все они – живые... Почти каждую из них я через время дорабатываю. А портреты – это вообще особая история. Узнавая поближе своих героев и открывая

для себя некоторые моменты, я часто что-то меняю в картине. Например, Владимир Костров очень много курит, и мне даже приходилось по его просьбе привозить ему сигареты. Это было с моей стороны не очень хорошо, ведь курить ему было запрещено врачами. Но я не мог ему отказать... Так вот, сейчас я решил дорисовать на полотне с его портретом пепельницу... А Василию Дворцову вместо бюста Некрасова, который был изображён на фоне картины, я дописал бюст Ивана Грозного, так как он и по духу, и по образу оказался ему ближе... Так вот мои картины и живут, иногда меняясь, иногда преображаясь...

В одной из статей, вышедшей после очередной его выставки, прочла следующие слова: «Александр Алмазов – уникальный живописец, умеющий через выражение глаз, через жесты, выражение лица передать глубокий внутренний мир того человека, портрет которого он создаёт». И с этим я полностью согласна. Добавлю только, что он, создавая портреты выдающихся современников: писателей, деятелей культуры и спорта, священнослужителей, военнослужащих и иных профессий, находится только в начале своего пути. И я верю, что своим самобытным талантом, упорством и желанием сделать как можно больше для своей страны Александр Алмазов не только создаст поистине уникальную галерею портретов своих современников, тем самым внося огромный вклад в сохранение её истории, но сделает ещё многое для дальнейшего её процветания.

Не зря говорят, что искусство – сотрудничество Бога и художника, ведь мир меняется и многое безвозвратно уходит в прошлое. Да, всё изменится и многое уйдёт в прошлое, но созданные Александром полотна останутся. Как говорится: «Всё проходит и только искусство – вечно...»

Май 2022 года

**БЕЛГОРОДСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ**
Год создания – 1964-й.

ПИСАТЕЛИ ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЫ

*«Грянул год, пришёл черёд,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за всё на свете...»*

А.Т. Твардовский

Более года идёт сражение. И идёт оно не просто за Россию, как государство, сражение идёт за духовность, культуру, семейные ценности и за наше будущее. Идёт специальная военная операция, а попросту идёт война, самая настоящая война, где не только все воюют против нас, но и на всех, живущих в России, объявлена охота. И это истина, чтобы мы ни говорили и какими бы словами ни называли то, что сегодня происходит в мире.

Война, как и тогда в Великую Отечественную, вошла сегодня в каждый дом. И даже если кто-то ещё думает, что она от него далеко и лично его это не коснётся, глубоко заблуждается...

Больше всех это понимают жители приграничной полосы. К сожалению, обо всех и обо всём, что там происходит, и свидетельницей

Бережной Сергей Александрович родился 28.09.1955 года, прозаик, публицист, член секретариата Союза писателей России, лауреат многих премий, имеет немало наград, среди которых высшая награда тележурналистики «За мужество и честность» – за фронтовые телерепортажи. По основному образованию – юрист

чего мне довелось стать, в небольшом повествовании рассказать невозможно, но то, что я успела узнать о некоторых своих коллегам – писателях, живущих и работающих на Белгородчине, всё же поведаю своему читателю.

Первый раз я попала на Белгородчину как раз в день своего рождения, 24 февраля 2023 года. Поводом для моего приезда стал Первый межрегиональный музыкально-поэтический фестиваль «Русский дух неодолим», который как раз был приурочен к годовщине СВО на Украине. Мне выпала честь быть Председателем жюри этого фестиваля.

Если говорить о фестивале, то идея его проведения родилась под селением Кременная, в зоне боевых действий. Сергей Бережной рассказывает об этом по-писательски образно:

– Не до песен было, хотя и «музыкально»: рассыпалась барабанной дробью зенитная установка, органично вписывалось что-то крупнокалиберное – то ли «корд», то ли старина КПВТ, ударниками работала артиллерия. А тут «застряла в зубах», из нашего бивуачного репертуара ещё с пятнадцатого года, песня «Снайпер Новороссии». Мурлыкал себе под нос, поджидая возвращения разведгруппы из поиска, и неожиданно пронзило: а почему бы ей не зазвучать со сцены? И исполнитель готов – Миша Вайнгольц. А почему, собственно, одна? Может, организуем музыкально-поэтический фестиваль?

Вернувшись в Белгород, Сергей Бережной поделился своей идеей с Верой Кобзарь и Геннадием Алёхиным. Идею одобрили, а поддержка руководителя научной библиотеки и Председателя Общественной палаты Белгородской области Надежды Петровны Рожковой, которая помогла с предоставлением площадки под проведение фестиваля, окончательно решила вопрос...

Фестиваль не просто состоялся, он стал первым фестивалем авторских песен и стихов об СВО. Участники выкладывались по полной. Звучали искренние строки стихов и волнующие до глубины души песни, от которых порой наворачивались слёзы.

Алехин Геннадий Тимофеевич родился 14.06.1959 года в городе Харькове. Полковник запаса, участник боевых действий, имеет немало наград, в том числе 2 государственные: орден «За военные заслуги» и медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени. Является главным редактором научно-художественного альманаха «Родники». Публицист, журналист

*Кобзарь (Костенко) Вера Петровна
родилась 23.04.1958 года в Волгоград-
ской области, селе Красноталовка.
Поэт, Председатель Белгородского
регионального отделения Союза писа-
телей России, лауреат многих премий,
среди которых –
премия «Прохоровское поле»*

Те же эмоции вызвали два короткометражных документальных фильма, в которых перед началом фестиваля во всей наготе были показаны фронтовые будни одного из подразделений на линии фронта. Это был совместный проект Белгородского отделения Союза писателей России и киностудии «Огненный рубеж». Сценарий фильма написал белгородский писатель Сергей Бережной. Песня «Рокада» в исполнении Дара Шиляева придавала фильму совершенно невероятные ощущения.

Надо отметить, что оператор Виктор Меркулов и Сергей Халанский, который озвучивал тексты, ушли защищать свою страну в составе добровольческого отряда Второго армейского корпуса ЛНР.

Ещё один факт, о котором не могу не сказать, – это то, что в тот день в Белгороде, в связи с

участившимися обстрелами, были запрещены все массовые мероприятия. Но фестиваль не отменили, просто проходил он в подвальном помещении библиотеки. И это тоже немаловажный факт...

Василий Лебедев-Кумач в своём стихотворении «Только на фронте» писал:

*Кто сказал, что надо бросить
Песни на войне!
После боя сердце просит
Музыки вдвойне!*

И с этим не поспоришь, ведь стихи и песни, рождённые на фронте, самые высокие по накалу и самые яркие по восприятию. Так было в Великую Отечественную войну, так есть и сейчас.

Именно поэтому каждый писатель Белгородчины, несмотря на то, что они и так находятся в прифронтовой полосе, всё равно считает своим долгом посетить зону боевых действий.

Рассказывает Вера Кобзарь:

– Когда я бываю там и общаюсь с местными жителями, я кожей ощущаю их боль. И тогда ты понимаешь, как и что надо писать... Как-то в одном из сёл мы выступали перед собравшимися в старом сельском клубе жителями одного украинского села. Пришли все. Они сидели тихо-тихо и, слушая нас, плакали. Они просто не верили, что здесь, в нескольких километрах от боевых действий, перед ними выступают писатели и читают стихи, в том числе и об их судьбе. А самое главное – читают на русском языке... Честно говоря, даже не знаю, что стало с теми, кто пришёл на наш вечер встречи... Для них это был не просто риск, для них это было равносильно смерти... Но они пришли, сидели и слушали нас...

«...Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне...» – писала Юлия Друнина в одном из своих стихотворений, испытывая все тяготы той страшной войны на себе. Так вот, для писателей, которые хотят написать нечто стоящее о том, что происходит сегодня в зоне боевых действий, поездки на передовую просто необходимы.

Как педагог, я считаю, что стихи о войне, о подвиге, о любви к Родине – это одна из важнейших составляющих в воспитании будущего поколения. У В.А. Сухомлинского есть такие слова: «Слово, раскрывающее благородные идеи, навсегда откладывает в детском сердце крупинки человечности, из которых складывается личность». Так вот, описывая подвиги бойцов через проникновенные образы, мы помогаем нашим детям не только помнить и чтить свою историю, но и даём им возможность стать лучше, чище и добрее.

Ещё одно, не менее запоминающееся посещение Белгорода – это участие в литературно-патриотических чтениях «Прохоровское поле». В программе Прохоровских чтений было много интересных встреч и

мероприятий. А ещё – участники чтений смогли посетить не только все героические места, но и самые заповедные уголки Белгородчины. И, конечно же, не менее запоминающимся было общение с местными жителями.

Все дни, пока мы находились на Белгородчине, я наблюдала за поведением своих коллег, белгородских писателей, внимательно их слушала, а потом просто разговаривала с ними. Они рассказывали о своих делах, как о чём-то будничном.

Я слушала их и думала: «Даже не верится, что всего в 30 километрах, а иногда и прямо здесь, в городе, рвутся снаряды и гибнут люди...». Лично у меня, когда нам сообщили, что во время проведения одного из круглых столов был предотвращён прорыв через границу, холодок пробежал по спине...

Когда-то, в пору карабахского конфликта, мне довелось быть не только свидетельницей, но и находиться в эпицентре тех событий. И я прекрасно понимаю чувства своих коллег и с уважением отношусь к их хладнокровной выдержке, понимая, чего это им стоит...

Из рассказа жителя города Шебекино, писателя Александра Тарасова:

– Говорят, если что-то происходит постоянно, к этому можно привыкнуть. Но в отношении обстрелов, которые ведутся по Шебекинскому району днём и ночью, этого не скажешь. Единственное – притупляется страх. И только, когда заканчивается бомбёжка, и ты ошалело бегаешь по соседям, чтобы узнать о пострадавших, наступает момент страха и то не за себя, а за тех, кому в этот раз «прилетело»... Так и живём... А почему пишем об этом? Чтобы знали, что несёт эта война...

Александр написал немало книг и среди них уже есть книга о военных действиях в зоне СВО. Правда, говорить об этом он не очень любит, в отличие от многих тех, кто пиарится за этот счёт. К сожалению, есть и такие... Но среди писателей Белгородчины таких нет.

Да и вообще, здесь о себе не очень любят говорить, больше рассказывают о своих коллегах. Так, Александр Тарасов рассказывал больше о Сергее Бережном, Геннадии Алёхине и Вере Кобзарь. Хотя я знаю, что он вместе с ними сам ездит в зону СВО. А ещё он очень много дела-

ет для своих земляков-шебекинцев.

От него узнала, что они, а чаще всего Сергей Бережной, по два, а то и три раза в неделю ездят в зону боевых действий. Ездят по разным делам: то снять фильм о фронтовой жизни солдат (тогда эта поездка растягивается на долгие недели), то отвезти гуманитарную помощь, а то и помочь с эвакуацией местных жителей.

Из рассказа Александра Тарасова:

– Многих мы вывезли из прифронтовой полосы: и детей, и стариков, и женщин. Здесь же, в Белгороде, всех размещали при поддержке нашего губернатора... Некоторых отправляли в другие области... Расскажу один случай: как-то Серёжа Бережной с ребятами, будучи в очередной поездке в зону боевых действий, по-моему отвозили гуманитарку для жителей прифронтовой полосы и для бойцов, а на обратной дороге заглянули в детский дом. Ну, детский не детский, а дом, куда собирали до эвакуации всех детей, оставшихся за время боевых действий без родителей... Ребята зашли и увидели следующую картину: женщина, которая за ними присматривала, делила на десяток детей одну банку паштета. А они стояли перед ней в очереди, каждый ожидая свою порцию... Это до такой степени потрясло ребят, что они всё, что у них было из продуктов, тут же отдали детям. Себе оставили только воду, хотя впереди у них был долгий путь возвращения домой...

Александр Тарасов родился 02.03.1952 года в городе Шебекино Белгородской области. Поэт, прозаик, член Союза писателей России и Союза журналистов России, лауреат премии «Прохоровское поле»

*Слева направо: В.Д. Меркулов, В.В. Шкильнюк, С.А. Бережной,
В.К. Носов, М.А. Вайнгольц*

Слушая Александра, я подумала: «Как же можно не писать об этом? Это именно то, что должны знать все, в том числе и наши дети, чтобы потом, в своём будущем, не допустить того, что происходит сегодня...»

Геннадий Алёхин, рассказывая о своих коллегах, шутил:

– Бережного и Тарасова я иронично причисляю к категории литераторов 65+. Но они не обижаются на меня. А если говорить серьёзно – они могут дать фору и весьма значительную многим молодым. Они обладают неуёмной энергией, работоспособностью и самое главное – везде успевают. При этом они много пишут. Каждый из них ведёт свой дневник, куда они записывают и то, что увидели, и свои впечатления. Не сомневаюсь, что со временем из этих дневников будут написаны замечательные произведения.

От своих собеседников я узнала, что они включились в работу, начиная с первого дня СВО, с 24 февраля 2022 года.

В тот день на территории Белгородского государственного университета, в Центре патриотической подготовки, шла презентация книги

«Генерал» Геннадия Алёхина. В зале собралось много зрителей, среди которых, кроме писателей, студентов и местной интеллигенции, были ветераны боевых действий и представители местной власти. И, конечно же, узнав о начале СВО, все слушали выступление Президента России. И здесь же, собрав экстренное заседание правления Белгородского регионального отделения Союза писателей России, определили круг задач, которые должны решать писатели в сложившейся ситуации.

Из рассказа Геннадия Алёхина:

– Мы единогласно поддержали решение нашего Верховного о начале спецоперации и определили тот круг задач, который может решать наша писательская организация. Мы с Сергеем Бережным, имея опыт работы в зонах боевых действий, начали свою работу в качестве специальных корреспондентов прифронтового агентства «Анна-Ньюс». С просьбой поработать на Харьковском направлении к нам обратился сопредседатель Союза писателей России Сергей Иванович Котьяло. И мы с первых дней начали выезжать в зону боевых действий. Мы снимали небольшие репортажи, собирали достоверную информацию

Отправка гуманитарного груза, г. Белгород, 2022 год

о ходе боевых действий и передавали их на федеральные каналы. Это касается именно Харьковского направления, то есть линия Белгород – Харьков. Это как раз были те районы, где наступала наша армия. Затем мы разделили свои полномочия. Сергей добывал информацию, а я её обрабатывал, делал текстовку и отправлял в агентство. А они, в свою очередь, отправляли эту информацию на федеральные каналы.

Я хорошо помню те первые кадры на федеральных каналах из зоны боевых действий, но, честно говоря, не знала, что эти съёмки передавали белгородские писатели.

Дело в том, что полковник запаса Алёхин Геннадий Тимофеевич – один из немногих, кто стоял у истоков создания боевого информационного обеспечения. Зная, что он прошёл обе чеченские кампании и имеет колоссальный опыт военного журналиста, прекрасно понимаю, что лучше него в тот момент информационное освещение происходящих событий никто сделать и не смог бы. Он также взял на себя ответственность за прямую передачу информации как на телеканалы, различные информагентства, так и для различных СМИ. Это и комментарии, и кадры с места событий, и, что немаловажно, его личное мнение по поводу происходящего, на что до сих пор не решаются официальные представители информационных структур.

Тогда же, с первого дня спецоперации, писатели организовали волонтерскую и гуманитарную помощь. Вера Петровна Кобзарь, как Председатель регионального отделения писателей, взяла на себя руководство действиями писателей. Она организовывала пункты приёма гуманитарной помощи и сбора средств, которые потом шли на закупку всего необходимого для мирных жителей и бойцов, находящихся в зоне боевых действий. Затем, с помощью волонтеров, среди которых были и предприниматели, и участники боевых действий, например Бакало Евгений Николаевич, Носов Виктор Константинович, находили машины, формировали грузы и отправляли их в зону СВО. Среди сопровождающих, как я уже говорила, был Сергей Бережной и Александр Тарасов.

Помогали и молодые литераторы, и писатели, не состоящие в Союзе писателей, но состоящие в Союзе белгородских писателей. Да это и не

имело никакого значения. Люди объединились в едином порыве – помочь тем, кто попал в беду.

Имён писателей, которые непосредственно участвуют во всех делах, связанных с волонтерской деятельностью, десятки, и я просто не могу назвать всех, просто я не со всеми успела пообщаться. Но тех, о ком я успела узнать, всё же назову. Среди них: Евгений Харитонов, Максим Бессонов, Надежда Королькова, Ирина Корогодина, Наталья Дорованая и многие другие имена белгородских писателей.

Отдельно хочу сказать о поэте Наталье Дроздовой, главном редакторе журнала «Добродетель». Она не только была волонтером, но и пошла работать в военный госпиталь и наравне с младшим медицинским персоналом, а попросту – санитаркой ухаживала за ранеными бойцами. И, надо сказать, что она совершенно спокойно говорит об этом, хотя не у каждого хватит силы воли изо дня в день видеть то, что довелось увидеть ей за время работы в военном госпитале... И разве это не подвиг?

Чуть позже из молодых писателей стали формировать «писательский десант» для поездок в так называемые «зоны боевого соприкосновения». В составе «десанта» были и Сергей Бережной, и Вера Кобзарь, и Геннадий Алёхин, и другие белгородские писатели.

Соприкоснувшись воочию с этой страшной трагедией, все свои впечатления они описывали в стихах и публицистических материалах, которые выходили в журналах «Пересвет» и «Светоч». По документальным материалам написана и вышла в свет книга «Донбасская дуга», авторы которой, Сергей Бережной и Геннадий Алёхин, презентовали её в Москве, в Союзе писателей России. И уже готовится к изданию вторая часть этой книги.

А если говорить о стихах, то надо сказать, что стихи о событиях, происходящих сегодня на территории бывшей Украины, пишут многие. И это понятно, ведь мало кто может остаться равнодушным к гибели молодых ребят, ни в чём не повинных женщин, стариков, а самое страшное – детей. И вот этот шквал эмоций и выражается в стихах. Пишут не только профессионалы, но и простые люди, и даже дети. Но самые высокие по накалу, как я уже говорила, – стихи, написанные

Геннадий Алёхин на презентации книги «Донбасская дуга».
Слева – Сергей Бережной, стоят слева направо: Ольга Будина, Александр Сладков,
г. Москва, 2023 год

либо очевидцами, либо теми, кто хоть раз побывал в подобных ситуациях. Стихи белгородских поэтов отличаются именно этим.

Кроме написания стихов, публицистических материалов и обширной волонтерской работы у белгородских писателей есть свой канал на YouTube под названием «Белгородские хроники», где при участии актрисы Ольги Будиной, доктора юридических наук Елены Сафроновой и Геннадия Алёхина идёт рассказ о ситуации на фронте, культурных мероприятиях, связанных с СВО, волонтерской деятельности и о многом другом. На эту программу приглашаются актёры, писатели и другие гости, у которых есть, что показать или рассказать о своей работе в области культуры.

В заключение своего небольшого повествования о своих коллегах скажу, что, конечно же, я не могу в столь короткой литературной зарисовке рассказать обо всех их делах. Но одно сказать могу с уверенностью: они делали и делают то, что считают наиболее важным в сложившейся ситуации, и самое главное – они просто это делают, не крича об этом на каждом углу. И за это я отношусь к ним с огромным уважением, считая, что добрые дела должны делаться тихо. Или, как говорят, «добрые дела шума не любят».

Я преклоняю колени перед всеми белгородскими писателями за их силу воли, мужество и за то, что они, живя изо дня в день под обстрелами, не утратили желания писать. И не просто писать, а создавать в стихах образы, передающие все реалии войны. А писатели-публицисты стараются запечатлеть для истории моменты из хода событий в зоне СВО, чтобы те, кто через много лет соберётся написать художественные произведения по происходящим сегодня событиям, имели документальные материалы для их написания. И я верю, что такие произведения обязательно будут, но не сегодня... А сегодня – время эмоциональных всплесков, выливающих в сотни стихов и документальной публицистики. И того, и другого, в том числе благодаря белгородским писателям, достаточное количество – будет, из чего выбрать нашим потомкам...

Июнь 2023 года

САМОЛЁТОВ Алексей Эдуардович

Родился 10 сентября 1963 года. Российский тележурналист, актёр, сценарист и режиссёр, обозреватель телеканала «Звезда». Работал специальным корреспондентом программы «Вести» и «Вести-Москва», ведущим программы «Мир на грани» и др. Учредитель и директор Школы экстремальной журналистики.

НАШ «САМОЛЁТИК»

*«Его в 4 года на телевизор привели,
а забрать забыли...»*

Начиная описывать страницы жизненного пути известного тележурналиста Алексея Самолётова или, как ласково называет его наша дружная семья, «Самолётник», поняла, что описанием некоторых моментов из его жизни обойтись не получится, так как свой длинный и по времени, и по событиям рассказ он начал с истории своей семьи. И этот рассказ показал, насколько необыкновенным способом переплетены судьбы людей с историческими событиями, происходящими в нашей стране. И это в очередной раз подтвердило мои слова о том, что судьба каждого отдельно взятого человека – это маленький кирпичик, который участвует в строительстве большой истории нашей страны.

Алексей родился в Новосибирске. Он стал единственным из всего «новосибирского дома», в котором жили одни коренные москвичи, который вернулся домой, в Москву. И я не могу продолжить своё повествование, не раскрыв историю этого дома, которая тесно связана с историей семьи Алексея. Вот как он рассказывает об этом:

– Если говорить об истории нашей семьи, то надо сказать, что она во всех планах совершенно уникальна. Дед, Николай Николаевич Гусс – ак-

Алексей с бабушкой Н.Н. Морозовой, г. Новосибирск, 1964 год

тёр. Бабушка, Елена Николаевна – воспитатель детского сада. В 1941 году, когда дед со своим брянским театром был на гастролях в Москве, она пошла на спектакль, влюбилась в него, а потом, бросив всё, поехала к нему в Брянскую губернию... Сестра моей бабушки, Наталья Николаевна, уже потом, в конце войны и сразу после неё фактически собирала весь наш, разбросанный по всему миру, дом. Бабка была настолько энергичной и деятельной, что всегда добивалась своего – что называется «не мытьём, так катаньем»... Она искала оказавшихся в оккупации, оставшихся в Европе, репрессированных, отданных на воспитание в другие семьи... Это уже потом, став совсем взрослым, я узнал, что половина моего дома прошла через статью 58-10 – репрессии, поражение в правах... Правда, дома у нас об этом говорить было не принято... Мужа этой моей бабаки, Натальи Николаевны, которого я всегда считал своим главным Дедом, уже в конце войны, в 1944 году сослали из Москвы. А был он главным инженером укреплений Боткинской больницы. И звали его Вернер Карлович

Войт – Вернер Карл Анна-Мария Войт, вот так хитро на самом деле... К концу войны, в 1944-м, у властей возник вопрос: «А что это немец делает в Москве?..» Смешно... Вернер, в своё время будучи 14-летним, зимой из своего немецко-русского Порхова пешком дошёл до Петрограда, потом работал, «где и кем придётся», затем, самостоятельно подготовившись, поступил не куда-нибудь, а так, на секундочку, – в Технологический институт Императора Николая I, которым бредил с детства. Правда, он к тому времени, когда дед до него дошёл, был уже просто «Петроградским технологическим». Там дед и выучился на архитектора-конструктора и потом начал строить... В Питере, Москве... Потом в Новосибирске... Его первой гражданской женой, а дед был не дурак погулять в компании литераторов-футуристов и прочей доброй революционной молодёжи, стала тоже так, на секундочку, племянница Осипа Эмильевича Мандельштама. При этом квартиру они сняли на Мойке, у сестры «великого революционного» Александра Александровича Блока. У меня дома до сих пор, теперь уже на моём рабочем столе, стоят два подсвечника, подаренные сестрой Блока деду... Так вот, о деде... После того, как у них с женой умерла дочь и они развелись, он из Питера решил поехать в Москву и потом работал в Моссовете у Кагановича, а когда началась война, его назначили главным инженером по строительству военных укреплений и бомбоубежищ Боткинской больницы. Там-то главная Бабка моей жизни, будучи младше Вернера на 15 лет, его и «прикоробчила»... Жили они гражданским браком, а расписались только в конце 60-х годов – лет через пять после моего рождения...

Слушая Алексея, я немного запуталась в его родственниках, но зато в очередной раз смогла убедиться, насколько связаны и переплетены судьбы людей и что эти переплетения играют в судьбе каждого участника особую роль, либо меняя его самого, либо полностью изменяя его жизненный путь.

Вот пример одного из множества рассказов, услышанных от своих родных Алексеем, который сохранила его память:

– Бабака рассказывала, что 25 октября 1941 года в Москве была жуткая паника... Прошёл слух, что в городе на Соколе видели немецких мотоциклистов... Важные документы жгли чуть ли не на улицах... Всюду были

толпы, пытающиеся уйти из города... В этот день Михаил Кузьмич Янгель, который в то время работал на Поликарповском заводе, а он – забор в забор с Боткинской больницей, уехал с завода без документов и потом решил вернуться коротким путём, то есть через забор Боткинской – на территорию завода Поликарпова... Охрана завода, патрулировавшая периметр, его тут же задержала. Приказ был ловить всех подозрительных, расстрел без суда и следствия... Будущего конструктора баллистических ракет потащили «к стенке»... Это увидели рабочие – стали отбивать Михаила Кузьмича у охраны, поднялся дикий «харапай»... Крики слышал дед Вернер и с территории той самой Боткинской, через тот же лаз в заборе на территорию Поликарповского, с удостоверением «главного инженера – проход всюду» тоже начал спасать Янгеля. Отстояли – убедили – спасли... Эту историю мне потом подтвердила дочь Михаила Кузьмича – Людмила Михайловна Янгель. Вот такое замысловатое стечение обстоятельств... А в 1944 году деда Вернушу, как неблагодежный элемент – немец, решили сослать на Дальний Восток – профилактически... Правда ему повезло. Начальник НКВД Новосибирска, который внимательно отслеживал все списки репрессированных, увидев, кого везут в Дальлаг, снял его с поезда и прикомандировал к Новосибирскому Спецстрою. Бабушка тут же поехала к нему в Новосибирск и устроилась в городскую больницу. В 1957 году деда реабилитировали, и он в одночасье получил и квартиру в центре города, и персональный автомобиль, дачу и должность начальника капитального строительства МВД по Новосибирской области. Тот дом, куда орущего меня принесли из роддома, проектировал и строил именно Дед. В нём он, переживший и войну, и послевоенное лихолетье, заложил удивительно русские печи. И я с детства помню, как Бабушка в этой печи готовила еду...

Пропуская множество интересных деталей, которыми был полон рассказ Алексея, не могу не рассказать историю и его родной бабушки – Елены Николаевны.

Уехав в 1941 году к своему актёру Николаю Гуссу в Брянскую губернию, она вместе с ним попадает в оккупацию. И уже в оккупации, в 1943 году у них рождается дочь, мама Алексея. Из оккупации их этапировуют в

Германию. Там, находясь в лагерях, их вывозили на работы в Берлин, на заводы Карла Цейса. Дедушка, будущи актёром, каким-то образом сумел связаться с французским движением «Соппротивление». И те смогли помочь им. Сначала они спрятали, а затем переправили бабушку с будущей мамой Алексея, тогда ещё годовалой малышкой, в Закарпатье, а уже оттуда – в сторону Москвы. Дед же уехать не смог, но, оставшись в Германии, стал помогать тому самому французскому движению «Соппротивление». Завербовавшись на службу в «фольксдойче», он помогал спасать людей из концлагерей.

*Слева направо: Н. Тимофеев,
А. Самолётов, С. Голобородов,
г. Новосибирск, 1987 год*

После войны Николай Николаевич Гусс, родной дедушка Алексея, переехал в Италию. В Россию же он смог вернуться только во вторую волну репатриации. Вернувшись, как часто бывало в то время, он получил 10 лет лагерей. Правда его реабилитировали, но всё же 7 лет из 10 он провёл в тюрьме.

...Бабушку Алексея, когда она прибыла в Советский Союз, ссадили с поезда и отправили в фильтрационный лагерь. А будущую маму Лёши сдали в детский дом, дав ей, как тогда было принято, другое имя. Это был 1944 год.

«Главная Бабка новосибирского дома», как её называет Алексей, Наталья Николаевна, которая к тому времени уже жила в Новосибирске, через Верховный суд нашла малышку, причём у неё уже была и другая семья, и другое имя, и забрала её к себе, в Новосибирск. И воспитывала её, как собственную дочь. Именно поэтому Алексей считает, что у него две родные бабушки.

Из рассказа Алексея:

– Я долго раскручивал эту историю, узнал, что моя родная бабка сначала сидела в лагере вместе с Людмилой Руслановой, потом получила ограничения на проживание в определённых городах, а мама так и осталась у её сестры. Со временем бабушка, получив реабилитацию, переехала к деду в Пермь, где он работал в пермском ТЮЗе. Потом родила ещё одну дочь, развелась и уехала в Новосибирск к своей сестре и дочке, моей будущей маме... Ещё один факт – мои прабабка и бабушки родом из Бежицы, прадед – из знаменитого рода инженеров Морозовых... Александр Александрович Морозов, конструктор танка Т-34, мой двоюродный прадед... Вот такая история...

Да, история его семьи необычна во многом, но мы всё же вернёмся к истории жизненного пути самого Алексея. Вот как он сам рассказывает об этом:

– Моя «новосибирская история» такова: моя мама, заканчивая мединститут, познакомилась с обаятельнейшим парнем. Он был тогда студентом электротехнического института и звали его Эдуард Самолётов. Мама рассказывала, что он хорошо играл на гитаре, пел ей песни, читал стихи. Ну, а в промежутке между стихами и песнями появился я. В общем в 1963 году появился я, а в 1967-м мои родители развелись. И мама через какое-то время вышла замуж за режиссёра Новосибирского ТЮЗа Льва Серапионовича Белова. И вот именно Лёва меня и воспитывал. И я всегда считал и считаю его своим отцом, хотя иногда называю его по имени.

Детство Алексея проходило среди книг, театра и родительного дома, где работала мама. Потом появились музыка и полная самостоятельность. Наверное, по-иному и быть не могло, так как мама сутками была в родовой и у операционного стола, а отчим – в театре. И Алексей, периодически бывая то у мамы, замазывая зелёной раны и ушибы, то у отчима, наблюдая за репетициями и постановками спектаклей, свой дальнейший жизненный путь видел либо в театре, либо в медицине...

Перевесил театр. Оно и понятно, ведь Алексей, много читая, рос, примеряя на себя образы книжных героев Джека Лондона и Эрнеста Хемингуэя.

Первым был Джек Лондон, которого по подсказке деда Алексей прочёл в возрасте 7-ми лет. Он даже какое-то время подражал ему. Собаку,

правда, звали «негероическим» именем Тишка, и был он помещью таксы и двортерьера... Но зато на лыжах в ближайшем парке можно было ходить хоть до упаду... Ну, а потом самостоятельный ребёнок научился молотить и варить кофе, греть на сковородке бобы в томатном соусе – тут уже возобладал Эрнест Хемингуэй...

На выбор театрального училища повлияли не только замечательные образы героев из прочитанных книг. Алексей с детства обладал замечательной памятью и очень звучным, хорошо поставленным от природы голосом. Плюс ко всему этому – профессиональные советы отчима и его друзей-актёров... И, конечно же, его обаяние и необыкновенная харизма, которые и сегодня играют не последнюю роль. Всё это вместе взятое перевесило «весы выбора» профессии, и Алексей поступает в Новосибирское театральное училище.

Вот как он об этом рассказывает:

– Так получилось, что я ещё в школе вёл «Золотую шайбу», «Кожаный мяч», был ведущим на разных концертах и всяких комсомольских юбилеях. Несмотря на то, что я сутками пропадал то в больницах у маминых друзей, то у Лёвы в театре, поступил я в Новосибирское театральное училище – сейчас это уже институт. И попал на курс к Лёве... У нас был замечательный курс. Мы учились с Андрюшей Звягинцевым, который вырос в замечательного режиссёра, с Юрой Цехановским, который сейчас главный режиссёр в Красноярском театре, с Серёжей Голобородовым, с которым мы ещё и в одной школе учились. Он потом, уже уехав в Ленинград и поступив на режиссуру в ЛГИТМиК, стал одним из любимых учеников Товстоногова... В общем, из нашего училища выросли многие известные сегодня имена... Мы тогда часто всем нашим курсом заседали у нас дома – книг море, так что учились по первоисточникам...

Конечно, можно было бы подумать, что поступил Алексей «по благу», как чаще всего бывает сегодня. Нет, поступал он сам и совершенно на другой курс, но другой педагог, зная Алексея по его школьным работам, сам отдал его в обучение к человеку, который его воспитал... А когда он закончил училище, в его багаже или, как сейчас принято говорить, в его портфолио было уже 9 репертуарных спектаклей. И это не было протекцией отчима, это были спектакли, которые Алексей отработывал

«от и до», и даже ни один из однокурсников никогда не упрекнул его в протекции отца. И было тогда Алексею всего лишь 21 год.

Правда был и «Его Величество Случай»... За два года до окончания училища Алексей сел в троллейбус у театра, где была студенческая репетиция, и, как раньше частенько бывало, попросил девушку, стоящую рядом, передать деньги на билет. Этой девушкой оказалась режиссёр Новосибирского радио Татьяна Постникова...

И она, услышав громкий и звонкий голос Алексея, предложила ему попробовать себя на радио – ведущим молодёжной программы.

Шёл 1982 год.

Вот как он вспоминает об этом:

– Татьяна в буквальном смысле взяла меня за руку и привела на радио. И я попал, словно домой, – очень многие друзья отца и мамы работали на радио и на телевидении. И никто даже не удивился, что я оказался там. Словно так и должно было быть...

Для тех, кто никогда не работал на радио, поясню: не каждый, даже с замечательно поставленным голосом, в то время мог там работать.

Авиасалон «МАКС», г. Жуковский, 1999 год

Есть такое понятие «голос должен лечь на плёнку». И это в буквальном смысле этого слова. Дело в том, что тогда на магнитную плёнку звук ложился косыми линиями записи и не каждый голос после воспроизведения звучал должным образом. И получилось так, что из 9 репертуарных театров, где было задействовано более двух сотен актёров, на радио смогли работать всего 4 человека, среди которых был студент Самолётов. Как сказал в шутку Алексей: «Гуляли на мои и коньяк пили тоже на мои, и не плохой, а армянский, аж за 13,80».

Надо сказать, что в той, «новосибирской жизни», у Алексея было всё: и театр, и радио, и телевидение, и кино, и даже оставалось время на хобби – ремонт машин. «Хобби», кстати, как сказал сам Самолётов, приносило неплохой доход...

Шёл конец 80-х. Начались различные перестановки и во власти, и на телерадиоканалах, и в театре. Алексей ушёл из ТЮЗа в академический театр «Красный факел». И там, после недолго времени работы на сцене в качестве актёра, у него вдруг появилось желание заняться режиссурой.

Но... Везение не всегда бывает постоянным, и «белую полосу» часто сменяет «чёрная». Так случилось и у Алексея. В один год эта «чёрная полоса» оказалась очень длинной... Сначала он попадает в автомобильную аварию – ломает руку, ключицу, рёбра... Итог: Самолётов на больничной кровати с «вертолётom» на руке (металлическими спицами, соединяющими сломанные кости). Затем было долгое восстановление, развод с женой и как финиш – уход из театра.

Из воспоминаний Алексея:

– После всех своих перипетий, когда было время подумать, я понял, что мне режиссура намного интересней, и поехал на телевидение. Прихожу к главному режиссёру Василию Смотрову, которого давно и хорошо знал, и говорю ему: «Вася, я пришёл к тебе работать!». Вася, зная мою любовь, на грани хулиганства, к телевизионному пульта, а добрые дяди и тётки – друзья родителей – за телевизионный пульт меня посадили в 6 классе моей школы, буквально завопил: «Давно пора. Давай вперёд, садись за пульт!...» Вася реально готов был посадить меня сразу же за режиссёрский пульт и дать мне самую высокую ставку...

Но надо знать Алексея. И хотя к тому времени, благодаря друзьям своих родителей, он достаточно хорошо знал не только телевизионную режиссёрскую работу, работу за камерой, телевизионный пульт и даже монтажную аппаратуру, но начал свою работу на телевидении с самой маленькой должности – ассистента режиссёра 3-й категории.

И снова для тех, кто мало знаком с телевизионной работой. Эту должность телевизионщики между собой называли «подай-принеси». Алексей же пошёл на это потому, чтобы никто и никогда не посмел сказать, что его взяли «по благу».

Так, пройдя все дорежиссёрские категории, он получает полное право работать за режиссёрским пультом.

Рассказывает Алексей:

– Занимаясь на телевидении режиссурой, я получал такой кайф! На пульте работал так, словно играл на фортепиано, и это доставляло мне колоссальное удовольствие! А потом, в том же 90-м году, главный редактор информации Володя Вершинин сказал: «Хватит тебе, как дураку, сидеть за пультом». И посадил меня в кадр на новости. В кадре я чувствовал себя, как рыба в воде. Это ведь тот же театр, только роль иная. Суфлёров, кстати, у нас в то время ещё не было – листы текстов и всё... На первой же летучке меня разнесли в пух и прах. Ведь тогда ещё не было прецедента на вольное ведение программы новостей – они тогда все шли только в записи. Вершинину выговаривали, что это вольнодумство, что обком партии не поймёт!.. Главный редактор, заступаясь за меня, сказал: «А что вы от меня-то хотите, его в 4 года на телевизор привели, а забрать забыли».

С того времени Алексею был дан карт-бланш в ведении всех новостных программ. И именно тогда, в своей программе «Панорама», он впервые начал делать прямые эфиры. Дошло даже до того, что с его подачи был «выбит» дополнительный эфирный час. И их новостная команда имела право использовать этот час, при этом давая телезрителям в начале каждого эфира 5 минут, чтобы зрители имели возможность рассказать о главных, по их мнению, событиях дня. Вот как со слов Алексея это происходило:

– Из всех телефонных звонков от зрителей мы выбирали главную городскую новость. Город я знал до последнего закоулка... Начинался

эфир, а я летел на то место, где произошло это событие, и вставал сразу под камеру... А пока мы ехали в машине, мы с редактором, которого я всегда брал с собой, быстренько «набрасывали смыслы»... И уже с места события, практически в онлайн-режиме, записывали текст сюжета в кадре, чтобы уже к концу эфира, «под занавес», выдать двухминутный сюжет по главному событию дня в городе, которое определили сами зрители...

Работая долгое время в новостях, я прекрасно понимаю, насколько сложно было тогда осуществить всё это на практике. Это сегодня «прямое включение» с места событий не вызывает никаких трудностей, а тогда это был прорыв. И этот свой опыт, я бы сказала свою школу, Алексей привнёс в новостную программу, когда уже жил и работал в Москве.

Популярность у новосибирской телевизионной программы «Панорама» была такова, что у корреспондентов, работающих в ней, на рынке и в ресторанах не брали денег...

Но тут случилось событие, перевернувшее судьбу не только Алексея, но и всей страны. Шёл август 1991 года...

В тот день Алексей, придя на работу, ещё при входе услышал режущую уши тишину. Именно тишину, так как обычно в здании, где делают новости, стоит неутихающий гул, который прерывается только на время эфира. Поднявшись к главному редактору, он, уже зная, что произошло, задал один-единственный вопрос: «Был ли приказ Москвы – в эфир не ходить?..» Услышав, что такого приказа не было, сказал своему оторопевшему начальнику, что «значит пойдём в эфир», и позвонил в Москву другу отца:

– Я позвонил другу отца, органисту Алику Волкову. Так получилось, что у него в гостях в это время был отец. А дом Алика находится на Краснопресненской набережной, как раз напротив Белого дома. И окна выходят как раз туда, на площадь перед Белым домом. И я прошу отца, чтобы он мне рассказывал, что там происходит. А сам сижу на телефоне и всё это записываю... В половине шестого по новосибирскому времени ко мне подходит начальник ОРТПЦ – передающего центра... А мы тогда «распуливались» – передавали спутниковый сигнал – от Уральских гор до Амура... Спрашивает: «Мы работаем?» Я отвечаю: «Да, работаем!»

Он тут же говорит: «Ребята из других городов спрашивают, могут ли они наш сигнал новостной себе взять?» Я говорю: «Пусть берут, сколько не жалко!» Володя Вершинин «упал» в редакторскую «Волгу» и «рванул» к первому секретарю обкома партии, чтобы привезти его на эфир. И в 6 часов 5 минут, со всеми полагающимися извинениями за задержку по техническим причинам, мы выходим в эфир, коммутируя на себя всё от Урала до Амура. Всю эту часть мы охватили да плюс 86% жителей Новосибирской области, которые нас смотрели постоянно. Аудитория получилась... А ещё об этом каким-то образом узнали ребята, работающие в «Вестях», которые в то время вещали, что называется, из подвала. И тут же самолётом прислали нам «вестёвскую» кассету о событиях в Москве. Главный режиссёр успел съездить к самолёту, забрать её, выдать в эфир, записать нашу программу на неё, отвезти обратно и этим же рейсом отправить в Москву. И благодаря разнице во времени мы как раз успели на ближайший, московский эфир...

После этого эфира Алексей Самолётов получил официальное приглашение в Москву. Предложений оказалось два. И между двумя предложениями, полученными из Останкино и из «Вестей», он выбирает «Вести».

Из воспоминаний:

– Работать на Москву из Новосибирска первое время было как-то странно – наши новости, которые волновали нас, оказались нужны всей стране... Я, правда, быстро привык и начал штамповать их пакетами – по семь-восемь на перегон, так как без своей работы я себя просто не мыслил. И всё пошло как по маслу... Но, надо понимать, – это же телевидение... И через какое-то время, как-то между делом, одна из моих коллег сказала мне, что мне легко, потому что у меня масса друзей, и что я всё делаю чужими руками. Меня это так зацепило, что я решил доказать ей, что она не права. Молодой был. Кому и что надо было доказывать? Но тогда случилось именно так... И я рванул спецкором в Таджикистан, где тогда была война и полный провал с новостями. Получилось, что уехал туда на целых 2 года.

В свою первую поездку в Таджикистан Алексей уехал вместе с оператором. Но поработать вместе удалось всего три дня... Больше оператор не выдержал...

– Это было страшное зрелище... – вспоминает Алексей. – Оператор снимал кадры в разрушенном микрорайоне Душанбе... Ночью там произошла страшная резня... Бандиты, да и свои, местные, а также пришедшие из-за речки вырезали всех жителей микрорайона... А там было человек двести-триста. Всех вырезали от мала до велика... Мы зашли в очередной дом... На полу в комнате, недалеко от выхода убитые мама, папа и двое детей – мальчик и девочка... Лежат в огромной, чуть подсохшей по краям луже крови... Я говорю – снимаем... Толя нажал на кнопку записи и смотрит в видеоискатель – снимает... Вдруг из соседней комнаты выходит кошка, смотрит на нас огромными глазами, подходит к этой луже крови и начинает её языком лизать с края, как бы пытаясь эту лужу внутрь смести... Потом опять смотрит на нас и начинает словно выть... Толя глаз от видеоискателя оторвал и смотрит на эту воющую кошку у тел убитых... И у него самого глаза словно из орбит начинают вылезать... Он мне бросает камеру, хватается за лицо двумя руками и вместе с этой кошкой тоже начинает выть... Дико так, по-волчьи... У меня до сих пор мороз по коже, когда я об этом вспоминаю... В общем, его психика просто не выдержала... У него наступил предел... И потом почти полтора года я был один: и за спецкора, и за оператора, так как замену ему так и не прислали... Люди не готовы были ехать на реальную войну...

Алексей, будучи порядочным человеком (я его знаю именно таким) и профессионалом в работе, благодаря своему умению находить общий язык со всеми и располагать к себе собеседников, имел много хороших знакомых «и на той, и на другой стороне». Он был хорошо знаком со всеми лидерами боевиков. У него был своего рода пропуск в виде сторублёвой бумажки с печатью, которую он получил от одного из полевых командиров боевиков, самого Сангака Сафарова. И этот «пропуск» давал ему возможность делать репортажи из любого места событий. И, конечно же, он был знаком практически со всеми, служившими в 201-й дивизии российских войск, которая тогда дислоцировалась в Таджикистане. Доводилось работать и со спецназом ГРУ, который спасал сложившуюся ситуацию в Таджикистане.

Я не стану рассказывать обо всём, что там пережил Алексей.

Кто был на войне, тот понимает, что там бывает всякое... Но некоторые моменты всё же поведаю...

...Намечалась одна серьёзная спецоперация. И Алексей решил попроситься на эту спецоперацию в составе знаменитой спецназовской Чирчикской бригады ГРУ. Как и положено, он обратился с просьбой к командиру спецподразделения, на что тот, как сказал Алексей, ласково ему ответил: «Только с разрешения министра обороны Узбекистана»... Министр обороны? Какие проблемы. И Алексей тут же садится на самолёт и через Москву перелетает в Ташкент. Он добился аудиенции у министра обороны. И тот, зная Алексея по «вестёвским» материалам, не только даёт согласие на его участие, но и берёт его с собой на борт личного самолёта.

Из воспоминаний:

– После беседы с Рустамом Урмановичем Ахмедовым – министром обороны, всё было в его кабинете, мы садимся в его Ту-154 и летим в Душанбе. Самолёт садится, доруливает на парадную стоянку, а там уже по стойке смирно выстроен для встречи с ним весь спецназ ГРУ. Я камеру в зубы, открываю сам входной люк Туполева, к которому подкатили трап с ковром, и выхожу первым... Пулей вниз, встаю рядом с командиром, камеру на плечо, снимаю министра, выходящего из самолёта... А командир мне тихонько: «Всё понял, работаем...» И всё, никаких разрешений больше я ни у кого не брал... Хочу сказать, что выходы со спецназовцами не были лёгкими. Но я до сих пор благодарен ребятам за ту школу, которую с ними прошёл...

И действительно, легко не было. Алексей дважды остался чудом жив. Эти две пули, которые должны были стать для него роковыми, он хранит до сих пор...

Из всего, что ему пришлось пережить в Таджикистане, по его словам, он понял для себя одно: «Что бы ты ни делал, какие бы поступки ни совершал в этой жизни – за всё отвечать должен только ты сам».

Из воспоминаний Алексея:

– Помню время, когда мы освобождали первых заложников в истории России. Это был Афганистан. Заложники были у Гульбединна Хекма-

тияра. Мы туда поехали с оператором Сашей Ломакиным. Это был мой «первый» Афганистан. И тогда мы записали первое в истории интервью с президентом Афганистана Бурхануддином Раббани. Так сложилось, что я там уже многих знал и был, что называется, «свой». До этого я в Таджикистане встречался с афганским министром иностранных дел Хедаятом Амином Арсалой. И он мне тогда, ещё в Душанбе, сказал такую фразу: «Вы ещё не поняли, что произошло. Запомните, Третья мировая война уже началась, и началась она в Афганистане в 1979 году...» Так вот, разговаривая в Таджикистане с афганским министром иностранных дел, объяснил ему сложившуюся ситуацию и сказал, что у Хекматияра в заложниках один казахстанский майор и два парня из 201-й российской дивизии и что надо уговорить Эмомали Шариповича Рахмонова (первый Президент Таджикистана) поехать с официальным визитом, наладить взаимоотношения с Бурхануддином Раббани (президент Афганистана) и тем самым вытащить заложников. Арсала, которого очень уважали в Таджикистане, нажал на все кнопки и... мы полетели в Афганистан. Нас разместили в когда-то шикарной (5 звёзд) гостинице. А съёмка только утром, и мы через разбитое стекло снимаем закат, чтобы потом выдать его за рассвет. Там они практически одинаковые... И я вижу это дело и ору Сане: «Саня, мотор, снимаем...» Хватаю белую рубаху, надеваю на голое тело и получается, что я в трусах и парадной рубахе... Но камере-то всё равно – план-то только по пояс... Ломакин снимает, я говорю, где мы, что мы, зачем мы... Стоп. Прощу покажи, что получилось! Смотрю, а Саша чуть «подразъехался» объективом, и в кадре видно, что я в трусах и рубахе!.. В общем – трусы и каска... Я опять ору: «Лом, ты... Дубль, быстро, солнце уходит, снимай крупнее...» Сняли шикарный рассвет в Кабуле за спиной у корреспондента и солнце прямо в дырку от снаряда величиной с два моих кулака...

Потом было знаменитое интервью с Раббани. Алексей продолжает:

– Потом оказываемся в ставке Гульбеддина Хекматияра. И я разговариваю с ним, задаю вопросы. А он в ответ начал жутко оскорблять и поносить русских. И у меня сносит крышу... Я срываюсь на крик, не думая, чем это может для нас закончиться... Проорался, объяснил Хекматияру, что это он нам по гроб должен, а не мы ему, и, что если он не отдаст залож-

ников, – ему плохо придётся... А потом встал и вышел на крыльцо. Переводчик сидел белый, как полотно, а Хекматияр молчал, так и не сказав ни слова... Вслед за мной вышел оператор. И вот мы стоим на крыльце, курим и молча ждём своей участи... Я говорю: «Саня, я не знаю, что теперь будет... Давай, говорю, хоть покурим...» Стоим курим... Выходит Хекматияр, проходит мимо нас, как будто нас нет, садится в свой джип и уезжает. А мы стоим... И тут выходит бывший министр иностранных дел Афганистана Хедаят Амин Арсала. Он так пристально на нас посмотрел и говорит: «Я первый раз в жизни вижу, чтобы кто-то позволил себе повисить голос на Хекматияра, и ему за это ничего не было...» В общем, пронесло... Нас посадили в машину и повезли в горы. И тут мы проезжаем мимо красивой мечети. Я спрашиваю, что это за мечеть, и узнаю, что в этой мечети молится Ахмад Шах Масуд. И я говорю: «Стоп. Стоим и ждём». Народу была тьма, и я понял, что ждут именно его. Наши сопровождающие послушно остановились... Наверное, после моей выходки решили, что возражать бесполезно... Мы узнаём, что все ждут Ахмад Шах Масуда. Через какое-то время, действительно, подъехал его чёрный джип. Из него выходит Ахмад Шах Масуд и идёт в мечеть. И тут мы сталкиваемся глазами... И происходит та самая необъяснимая химия, когда люди без слов понимают друг друга... Я не могу этого объяснить даже сейчас, но вот этот взгляд – глаза в глаза – решил всё. И он глазами позволил мне подойти. И я подошёл, поздоровался, представился и попросил позволения снять то, как он молится. Он снова соглашается. Свита офигела. Он заходит в мечеть, снимает обувь, кладёт коврик, встаёт на колени. А мы, не успев снять обувь, быстренько заскакиваем и снимаем его. И это была первая в его жизни съёмка в неформальной обстановке. Мы сняли его во время молитвы, сняли, как он выходит из мечети. А я набираюсь наглости и снова подхожу к нему. Благодарю его, а потом говорю: «Господин Шах Масуд, я нижайше прошу Вас о помощи...» И рассказываю ему о заложниках... Говорю, что понимаю, насколько сложные у Вас взаимоотношения, но мне больше не к кому обратиться, и что он – наша последняя надежда. А потом добавляю, что это просьба всего российского народа. И он как-то так спокойно согласился. Ну тогда я совсем обнаглел и попросил его дать мне интервью для российских зрителей. Он снова абсолютно спокойно сказал: «Да»...

Ахмад Шах Масуд сдержал своё слово, и буквально на следующий же день заложники были освобождены. Вывозили их на том же самолёте Эмомали Рахмонова, на котором прилетала делегация... И тут же из этого небольшого интервью Ахмад Шах Масуда они делают из Душанбе спецрепортаж об освобождении заложников. А перегона нет... Но и тут Алексей проявил свою смекалку. Он идёт к председателю Таджикского телерадиокомитета и, объясняя ситуацию, предлагает поставить этот эксклюзивный сюжет на местное телевидение, у которого тоже есть

г. Таджикистан, 1993 год

выход на спутник. Тот с удовольствием соглашается и делает срочное включение в идущие в этот момент новости. Пока они технически подключали сюжет, Алексей позвонил в «Вести» и сказал: «Ловите Таджикистан». Технически это было возможно. Так они и «поймали» этот сюжет, после чего он тут же пошёл в эфир «Вестей», а потом и по всем российским телеканалам.

Потом были ещё поездки в Афганистан и большое интервью с Ахмад Шах Масудом. И была белая пуштунка, которую Ахмад Шах Масуд, как знак величайшего уважения, сняв с себя, подарил Алексею... Да и много чего иного...

Разные ситуация были и в Грозном, во время Первой чеченской кампании, когда он чудом избежал смерти. Но благодаря находчивости, смекалке, ярчайшей коммуникабельности, он всегда находил выход из любой сложившейся ситуации. Он всегда старался делать то, что должен делать настоящий репортёр, коим он, бесспорно, и является. А ещё, его режиссёрский талант – «ловить кадр». Судите сами: план у разбитого пианино, который снял оператор Вадим Андреев, где Алексей на

этом пианино выстукивает мелодию «Шербурских зонтиков». Этот кадр обошёл потом почти все мировые телеканалы. Но самое главное – люди. Это съёмки и совершенно потерянных матерей после гибели детей, их глаза... Это и люди, жарящие среди бомбёжки голубей, и женщина, черпающая из лужи воду, и кошка, лакающая кровь убитых... Эти все кадры и есть – война...

Но у каждого есть свой предел... И тогда человек начинает совершенно иную жизнь, но уже без войны. Лично мне, чтобы получить этот предел, хватило карабахских событий. Того, что я там увидела и ощутила, мне хватило на всю жизнь... У Алексея до наступления точки предела про-

шло ещё много времени, а точнее – ещё несколько войн...

Из воспоминаний:

– В Дагестане, когда мы работали со Славой Сысоевым, была одна из моих последних командировок. Мы пришли со стороны Хасавюрта и едем туда, где проходят все эти дагестанские события. Едем по полю, а там стоят полиэтиленовые палатки. А я не могу понять, что произошло. Спрашиваю у сопровождающего. Мне объясняют, что во двор школы упала бомба и не взорвалась. Люди ушли из села и боятся вернуться обратно. Мы тут же разворачиваемся, разговариваем с людьми из этих палаток, а потом едем делать полный сюжет – едем снимать эту самую бомбу. А бомба ФАБ-500 спокойно лежит во дворе школы. И на «морде» этой 500-килограммовой чушки сидит себе кошка и намывает теперь уже свою морду... Я думаю, кошка ж не дура, они же чувствуют опасность, раз сидит, значит всё в порядке. И я встал около этой бомбы, сгоняю кошку, и мы записываем стендап. Я иду вдоль этой бомбы от хвостовика к

«морде» и говорю, что вот она лежит и никто её не убирает, хлопаю по «бомбиной морде», по железному кожуху, рукой. А на руке – обручальное кольцо. И получился такой звон, что Слава просто взлетел на месте... Он правда называл меня полным отморозком, зато какой получился сюжет... После его трансляции у меня оборвался телефон. Тогда я услышал от Сергея Кужугетовича Шойгу всё, что он обо мне думает, правда переводу это не подлежит... Зато на следующий день бомбы уже не было. Но ведь до этого времени люди трое суток боялись вернуться к себе домой... А ещё через день после этого к нам в дом, где мы остановились, приехал руководитель этого региона и со словами благодарности вручил нам ящик настоящего дагестанского коньяка...

Был ещё и Будённовск... Тогда Самолётов, получив аудиенцию у Шамиля Басаева, набравшись наглости или храбрости (как знать), предложил себя вместо заложников. А потом, когда на место тех трагических событий собрались журналисты почти со всех каналов, он предложил им такой же шаг – поменять себя на тех, кого держат в больнице... Вместе с ним на этот шаг пошли 18 журналистов, обменяв на себя 1110 заложников...

Помню, тогда ходили разговоры, что лётчики получили приказ расстрелять этот автобус, но они этого не сделали...

Все эти события, которые пережил Алексей, наложили на себя свой отпечаток, и наступил его предел:

– Отвыкала я от своих войн с трудом... Война – это другая жизнь, другие отношения... И когда всё это заканчивается, тебя ломает так, как наркоманов без дозы. Грубо, но это так... Вот Саня Сладков до сих пор не может выйти из войны. И я его понимаю... Но я дошёл до своей точки невозврата... Зато остались прекрасные взаимоотношения как с Министерством обороны, так и со многими высокопоставленными генералами. И это дорогого стоит...

А когда я спросила: «Почему ты не прекратил эти опасные поездки раньше?», он ответил: «Я отдавал долги своим дедам...». И в этот момент я увидела на глазах Алексея слёзы... Я не знала, что ему сказать, поэтому просто молча сидела и ждала...

Потом вдруг вспомнилось, как Лёша, когда я только делала первые шаги в тележурналистике, написал мне своего рода словарь телевизионных терминов (в том числе и неофициальных), и я первое время не раз

заглядывала в этот словарь. И потом, когда я работала у Андрея Разбаша в программе «Крылья», он часто помогал мне информацией и советом. Ведь лучше и больше из тележурналистов об авиации не знает никто.

А его трёхчасовая программа «Взлётная полоса», которую он создал в 2004 году. В этой программе у него было несколько соведущих: молодой бизнесмен, актёр, домохозяйка, учительница, учёный – доктор физико-математических наук. И эта программа шла каждый день, кроме субботы и воскресенья. А на радио на «Взлётной полосе» они даже устраивали караоке из старых популярных песен... Рейтинг был бешеный... Знаю, что эта программа и сегодня в эфире, правда уже без Алексея...

А ещё я знаю, что Алексей одно время писал сказки. Это был период, когда его второй сын Тимур был ещё совсем маленьким. И начал он их писать в Лондоне, когда его жена, Ирада Зейналова (спустя несколько лет они развелись), работала собственным корреспондентом Первого канала... Он тогда жил в бешеном режиме. Представьте, в течение трёх лет жить по такому графику: 5 дней в Москве, 10 дней – в Лондоне. И вот между этой «жизнью в пути» он писал замечательные сказки, некоторые из которых были даже изданы.

Сегодня Алексей продолжает свою тележурналистскую деятельность. Он пишет сценарии и снимает документальные фильмы, а ещё занимается со студентами, передавая им свой богатый опыт. Ну, а параллельно ежедневной, забирающей всё свободное и несвободное время работе было общение с детьми, семьёй, встречи с друзьями, строительство дач, ремонт квартир и многое другое.

У Алексея два сына. Младшему – 27 лет, старшему – 38. Тимур, младший его сын, закончил МГИМО и до начавшейся в Судане гражданской войны занимал должность атташе по сельскому хозяйству при посольстве России. Старший, Олег, живёт сейчас в Испании. Он – крупный системный администратор международной компьютерной фирмы и постоянно переезжает из страны в страну... Правда, у него другая фамилия, Кладничин, но от этого он не перестаёт быть его сыном. У Олега трое детей, то есть Алексей уже трижды дедушка. Я прекрасно помню, как он везде и повсюду таскал за собой Тимура, и видела, насколько он привязан к нему. И надо сказать, что этой теплоты и душевной привязанности у него

хватает на всех: и на второго сына, и на внуков, и на родных и близких, и даже остаётся на своих друзей.

Раскрою семейный секрет. Этот год у Алексея юбилейный. Его маме, Марии Николаевне, исполняется 80, Алексею – 60, отцу, Эдуарду Анатольевичу, и отчиму, Льву Серапионовичу, – по 85. Брату и сестре (по матери), Юрию Львовичу и Марии Львовне, – по 45. И все эти праздники они планируют отмечать в кругу своей дружной семьи. И это великое счастье. Ведь семья – это то, ради чего стоит жить. И пусть у Алексея не сложилось с личной семьёй, но это не мешает ему заботиться о своих сыновьях и беречь ту семью, в которой он родился и рос...

Подходя к завершению своего небольшого повествования о некоторых моментах судьбы Алексея Самолётова, скажу одно. Я не могу описать все жизненные моменты, похождения, приключения и победы Алексея, иначе мне пришлось бы написать целую книгу, но так как у меня формат очерка, я хочу обязательно сказать о его человеческих качествах. Вообще, я считаю личностные качества человека самыми важными, независимо от профессии и занимаемой должности. Ведь если человек плох, что бы ты ни говорил и ни писал о нём, ничего «путного» из этого не получится, чего не скажешь о Лёше. Ведь кроме его умения общаться «на правильной волне», никоим образом не задевая и не обижая собеседника и всех иных его профессиональных качеств, есть одно самое главное: Алексей – очень порядочный человек и верный друг. К нему можно обратиться по любому вопросу и в любое время дня и ночи, и он изыщет все возможности, чтобы помочь или выполнить твою просьбу. Если, конечно, это не звезда с неба. Хотя... Не просили... А если серьёзно, то я очень рада, что когда-то, 30 лет тому назад, наша семья приобрела в лице Алексея Самолётова, нашего «Самолётника», не только замечательного коллегу, но и доброго друга. Можно найти ещё массу красивых слов и эпитетов, чтобы рассказать, какой Алексей в обычной жизни, ведь русский язык велик и могуч. Но я скажу одно: «Он – настоящий...»

Май 2023 года

БАБУРИН Сергей Николаевич

Родился 31 января 1959 года в городе Семипалатинске. Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Председатель Международного славянского совета, Председатель Правления Международного союза миротворческих и гуманитарных общественных объединений «Советский фонд мира», Президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры (МСА), Председатель президиума Фонда содействия защите прав и законных интересов граждан за рубежом «Русский мир».

ЧЕЛОВЕК С ЧЕРТАМИ ЭПОХИ

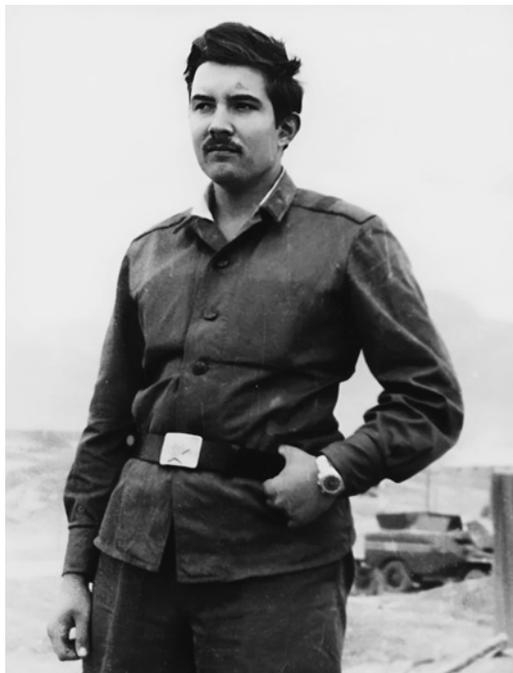
Рассказывая о жизненном пути своих собеседников, всегда задумываюсь: «Будет ли это интересно читателю?». Но в случае с Сергеем Николаевичем Бабуриным у меня даже мысли такой не возникло, так как, на мой взгляд, этот человек является одним из ярчайших представителей наших современников. Своего рода человек-легенда. Зная его давно и принимая участие в различных его проектах, не раз убеждалась в этом. А побеседовав с ним, с его соратниками и даже оппонентами, поняла, что обязательно должна рассказать о нём своему читателю...

И вот, когда нашлось свободное время в наших с ним рабочих графиках, приехала к нему на Пречистенку...

– Как говаривал один мой товарищ: «В истории останутся не те события, которые происходили, а те, о которых напишут», – широко улыбаясь и приветствуя меня, сказал Сергей Николаевич. И сразу же, извинившись, что у него совсем мало времени, начал свой рассказ.

И начал он с воспоминаний о своём детстве, которое, как я узнала, прошло в старинном городе Тара, расположившемся на севере Омской области.

Он с таким восторгом рассказывал о своём родном городе, что было совершенно понятно, насколько он благодарен той среде, которая сформировала его и помогла стать тем, кто он есть сегодня. А самое

Сержант Сергей Бабурин, 1982 год

главное, он до сих пор помнит, чтит и любит свою малую родину:

– Хотя я и родился в городе Семипалатинске, но своим родным городом считаю город Тара. Мой город детства – это кладезь истории. Мне довелось общаться со многими узниками лагерей, размещавшихся в тех краях. Среди них были члены семей самых значимых «врагов народа» 30-х годов. Довелось встречаться и с теми, кто их сажал... Я много общался с женщиной, которая служила в охране знаменитой Тарской тюрьмы. Так вот она рассказывала о том, насколько эти узники были образованными людьми, и как интересно было с ними беседовать...

Рассказывая о своём городе, Сергей Николаевич вспомнил и свои школьные годы.

Оказалось, что он, будучи ещё школьником, обладал прекрасными математическими способностями. Ведь не каждому ученику в школе дают рекомендацию на поступление в университет, да ещё на самый сложный – математический факультет. Его рекомендовали в Новосибирский.

Для тех, кто не знает – Новосибирский университет считался и считается одним из престижнейших вузов страны. Находясь в Академическом городке, где размещаются не только высшие учебные заведения, но и ряд научно-исследовательских институтов и центров, университет имеет возможность приглашать к преподаванию учёных с мировыми именами.

Но выпускник Серёжа Бабурин, с детства увлекающийся историей своей страны, решил свою судьбу по-своему. Вот как он об этом рассказывает:

– У меня с детства была тяга к общественной жизни. Я с удовольствием занимался в различных кружках Дома пионеров, затем с таким же удовольствием – комсомольскими делами. И к концу 10-го класса уже был секретарём комитета комсомола нашей школы... Мне было интересно всё, что касалось истории нашей страны, а особенно то, что происходило в 20–30-е годы. И уже тогда стал задумываться о её будущем... Многие из того, что происходило вокруг нас, о чём нельзя было говорить открыто, мы воплощали в театральных постановках Народного театра, в работе которого я принимал участие с 4-го по 10-й класс. Это был очень полезный опыт.

Чтобы долго не рассказывать об успехах в общественной жизни школьника Серёжи Бабурина, расскажу только один эпизод, о котором я узнала от его друзей.

В 1975 году ученика 9-го класса Сергея Бабурина, как лучшего школьника и общественного деятеля района, отправили в Москву, где он был удостоен права сфотографироваться у Знамени Победы.

Опять-таки, для несведущего читателя, поясню. В то время право сфотографироваться у Знамени Победы для ребят было равносильно присвоению высочайшей государственной награды. Этого права удостоивались единицы. И то, что ученик 9-го класса Сергей Бабурин получил такое право, говорит о многом...

Да, что бы ни говорили о времени детства моего героя, но той любви к своей стране, верности её традициям и высоте патриотических чувств сегодня можно только позавидовать. Хотя объясняется это очень просто: была система воспитания, в которой главную роль занимали совершенно иные ценности. И далеко не те, которые исчисляются количеством денежных купюр...

Однако продолжим наше повествование.

Итак Сергей после школы выбирает местом своей учёбы юридический факультет Омского университета, объясняя это так:

– На математический факультет идти не хотел, а хотел пойти туда, где преподают историю политических и правовых учений. Я тогда уже знал, как называется дисциплина, которая могла бы по-моему разумению помочь мне понять наше недавнее прошлое. А такая дисциплина

была только на юрфаке. Вот туда я и пошёл учиться. И было это в 1976 году. Связывать себя с общественной деятельностью тогда ещё и не планировал.

Так, детская мечта и чистота помыслов Серёжи Бабурина привели его в город Омск, который на долгое время стал его вторым родным домом. К слову сказать, его способности организатора и здесь дали свой результат. К концу учёбы Сергей уже занимал должность освобождённого секретаря комитета комсомола Омского университета, и с этого времени все стали называть его по имени-отчеству. Сам факт неординарен ещё и потому, что в то время на эту должность назначались либо те, кто уже имел высшее образование, либо учился заочно...

Узнавая подробности жизни Сергея Николаевича, я несколько не удивилась, узнав от его друзей, что, ещё будучи студентом первого курса, он проявил свой бунтарский характер. А сделал он «всего ничего» – написал письмо тогдашнему руководителю страны Леониду Ильичу Брежневу. В этом письме он просил не больше не меньше, как реабилитировать Зиновьева, Бухарина и Сокольникова.

И такой он во всём, вплоть до знакомства с будущей женой.

– Когда мы познакомились с Татьяной, она была секретарём комсомольского бюро физического факультета, а я – юридического, – улыбаясь, продолжил свои воспоминания Сергей Николаевич. – И так получилось, что наши факультеты постоянно соперничали: и в учёбе, и в спортивных мероприятиях, и в разных общественных делах. А мне всегда хотелось быть первым, а как иначе? И мы с ней постоянно соперничали... Потом, как это часто бывает, стали добрыми друзьями, а потом пришло и совсем иное чувство...

Весной молодые сыграли свадьбу, а осенью того же, 1981 года его забрали в армию.

Служба в рядах Советской Армии в то время была не просто обязательством для каждого молодого человека. Более того, каждый стремился пройти эту школу, а парни, которых по каким-то причинам не брали в армию, чувствовали себя ущербными. И это – факт. И Сергей, став одним из новобранцев, гордился этим. Вот как он об этом вспоминает:

*Депутатская фракция «Смена – Новая политика» в перерыве заседаний съезда.
Слева направо: В.А. Балала, И.В. Муравьев, С.Н. Бабурин, А.Л. Головин,
В.А. Кирпичников, г. Москва, 1990 год*

– Я шёл в армию, даже не задумываясь, что можно, как сегодня говорят, «откосить». В нас было заложено, что каждый должен отслужить свой положенный срок. У меня было высшее образование и мне нужно было отслужить полтора года вместо двух... Помню, привезли нас, новобранцев, на вокзал. Поезд был № 13. Смотрю, а вагон тоже № 13. И отправляли нас тоже 13 числа. Мне ничего не оставалось, как залезть на полку под № 13... Так, волей случая число 13 стало моим счастливым числом...

Служба в армии для любого мужчины, кто прошёл этот путь, – это особые воспоминания. И Сергей Николаевич не стал исключением. Он рассказал о той части своего жизненного пути немало как серьёзных историй, так и забавных. Например, история о письмах:

– Однажды я попросил свою жену Татьяну прислать мне словарь и вырезки из немецких газет. Мне хотелось, чтобы не забыть, тренировать свой немецкий язык... И вот под Новый год, когда все с нетерпением ожидали писем от родных, приходит почтальон. И, как было тогда принято, становится на табуретку и начинает вызывать тех, кому пришла долгожданная весточка. Он называет пару фамилий, а потом раз десять кряду – мою. Ребята с такой завистью смотрели на меня, что мне пришлось объяснить им, что это всего-навсего словарь, который, чтобы отправить по почте, жена расшила на части... На меня тогда сослуживцы смотрели, как на ненормального...

Вернувшись из армии, Сергей Николаевич некоторое время просто приходил в себя. Он долгое время боялся уснуть, не проверив замки во входной двери, делая ещё и дополнительные укрепления. По его словам, «после того, как по вине уснувшего часового ночью вырезали всех, кто был в соседней палатке, было не по себе от постоянного страха, что кто-то может проникнуть ночью в дом». И это совершенно объяснимо, ведь в Афганистане, где ему довелось служить, тогда шла настоящая война, и, чтобы остаться в живых, приходилось постоянно заботиться о своей безопасности...

«Восстановив свою систему координат», Сергей Николаевич вернулся в свой родной Омский университет, где некоторое время работал простым преподавателем. А затем поступил в аспирантуру Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета. Сам он так рассказывает о том времени:

– У меня был выбор: поступать либо в Москву, либо в Ленинград. Но так как моя жена поступала вместе со мной, а место в аспирантуре ей выделили в Ленинграде, мы и уехали в Ленинград. Она поступила в аспирантуру на математический факультет, а я – на юридический.

Вспоминая времена учёбы в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), Сергей Николаевич с особым почтением говорил о педагогах, с которыми свела его судьба. Благодаря их поддержке, он не только защитил диссертацию, но и серьёзно занялся научной работой. И, по всей видимости, эти занятия были успешными, так как уже в то время им было написано и, что немаловажно, опубликовано немало научных статей.

Там же, в Ленинграде, случилось ещё одно событие, изменившее жизнь молодой семьи Бабуриных, – у них родился первенец, сын Константин. Естественно, сидя с маленьким ребёнком, Татьяна «потеряла» целый год. И Сергей Николаевич, чтобы дать возможность жене окончить аспирантуру и защитить диссертацию, забирает сына и уезжает с ним в Омск.

– Я тогда работал сначала старшим преподавателем, затем заместителем декана юридического факультета, где всю жизнь занимался общественной деятельностью... Деканом стал неожиданно для себя, но, наверное, это было закономерно для того времени... Мне тогда необходимо было на время уехать в Ленинград. Супруга завершила диссертацию, и мне надо было помочь с организацией защиты.

Когда Сергей Николаевич пришёл к своему декану, по его словам, «уважаемому им педагогу», с которым он был в прекраснейших отношениях, и попросил отпуск за свой счёт, тот отказал ему в категорической форме. К его изумлению, декан не только не разрешил ему отпуск, но и предложил написать заявление об уходе, ничем это не мотивируя.

Сергей Николаевич, ничего не говоря, взял лист бумаги и написал заявление об уходе, сказав, что «работу я найду, а жена у меня одна». И, оставив сына бабушкам, уехал к ней в Ленинград.

Как объяснили Сергею Николаевичу позже его коллеги, которые, кстати, готовы были на время отъезда читать курс его лекций, декан просто испугался, что проиграет ему на выборах, которые тогда уже были объявлены. (Для информации – в некоторых вузах в то время должность декана была выборной.)

И потом, после возвращения из Ленинграда он узнал, что выдвинут кандидатом на должность декана юридического факультета и «не имеет права заявлять самоотвод, нарушив тем самым оказанное ему доверие».

По иронии судьбы Сергей Николаевич оказался единственным, кто защищал своего предшественника. И он же предложил бывшему декану остаться в университете, предложив ему должность заведующего кафедрой.

Замечу, что, получив в Омском государственном университете должность декана, он стал самым молодым в истории Советского Со-

юза деканом юридического факультета. Что немаловажно, Сергей Николаевич сумел собрать вокруг себя команду единомышленников, и это была команда молодых людей с новаторским подходом как к жизни, так и к обучению, и к воспитанию, а также ко всему новому, что уже тогда вовсю проникало в нашу жизнь. И был это 1988 год.

Из воспоминаний Сергея Николаевича:

– Мы тогда составляли верхушку университетской власти. Все мы, вновь избранные деканы, вошли в новый партком. И мы задали совершенно новый тон жизни университета. Например, у себя на факультете я открыл дискуссионный клуб, где впервые открыто показывал ребятам различные зарубежные, а некоторые и недавно ещё запрещённые фильмы. Но они не просто смотрели эти фильмы. Я уже тогда понимал, что вскоре вся западная идеология через фильмы обрушится на наших ребят. И мы после каждого фильма проводили многочасовые беседы, где обсуждали то, что увидели, делая акцент на том, что полезного, а что вредоносного несёт нам западная культура. Для будущих юристов это была замечательная практика.

Но была и иная сторона просветительской деятельности Сергея Николаевича. В обкоме КПСС тогда мало кто разделял его передовые взгляды, и он попадает в «чёрный» список так называемых «крамольников». Хотя к тому времени он уже был коммунистом и не просто коммунистом, а глубоко убеждённым.

Даже в своём заявлении при поступлении в партию он написал не как было тогда принято по шаблону: «Хочу участвовать в строительстве коммунизма...». Он написал: «Прошу принять меня в партию, потому что я хочу продолжить дело своих дедов по строительству в нашей стране справедливого и свободного общества...» И надо сказать, что приняли его в партию только с третьей попытки и именно из-за этой формулировки...

Совершенно понятно, насколько было ему сложно с такими передовыми взглядами. А в дополнение он ещё и не умел «обходить острые углы», за что ему часто доставалось и за что так же часто страдал сам. Но это никак не меняло ни его передовых взглядов на жизнь, ни его отношения к самой жизни. Он считал, что «тот, кто молчит при совер-

Встреча с Али Акбаром Велаяти, председателем Центра стратегических исследований Совета целесообразности ИРИ, советником Верховного лидера Ирана по международным делам, г. Тегеран, январь 2023 года

шении подлости, сам становится соучастником этой подлости». И с этим трудно не согласиться.

Рассказывая о тех временах, Сергей Николаевич несколько раз замолкал, словно обдумывая, что можно рассказывать, а о чём – промолчать, но всё же рассказал о многом:

– События конца 80-х – начала 90-х – это очень сложное время. Но я, несмотря ни на что, не менял своих взглядов. И зная мои взгляды, меня долгое время, что называется, «топили» и «придерживали». Но у меня всегда болела душа за свою страну, и я понимал, что сделать что-то стоящее можно только тогда, когда ты идёшь ва-банк... Как говорится, делай, что должно, и пусть будет то, что суждено...

Со временем, будучи беспспорным кандидатом от Советского округа города Омска, Сергей Николаевич (во втором туре) большинством голосов был избран народным депутатом РСФСР. Шёл 1990 год.

К слову сказать, зная не по наслышке историю тех лет, могу только добавить, что в то время борьба за депутатское кресло была особенно

жесткой. И если перевести на математический язык, то можно сказать, что три четверти народных депутатов России были избраны во втором туре. Сергей Николаевич так вспоминает об этом времени:

– Тогда как раз решался вопрос о том, кому быть руководителем страны. Были и свои нюансы. Например, многие вопросы партийные руководители решали в обход нас, простых депутатов. И, конечно, все эти манипуляции заставили многих «качнуться» в сторону Ельцина. И я, взвесив все «за» и «против», отдал свой голос за Ельцина. Для меня было важно, чтобы та бюрократия, которая процветала вокруг, была уничтожена. И надеялся, что Ельцин сделает это. Но в разрушении страны он превзошёл все мои ожидания...

Описывая жизненный путь своих героев, стараюсь не касаться политических вопросов, но в случае с Сергеем Николаевичем этого избежать не удалось. Ведь вся его жизнь – это и есть политическая борьба. Борьба за то, «чтобы страна стала свободной и чтобы каждый человек, живущий в ней, чувствовал себя защищённым».

Слева направо: С.Н. Бабурин, Патриарший экзарх всея Беларуси, митрополит Минский и Заславский Вениамин (Тупеко), архиепископ Витебский и Оршанский Димитрий (Дроздов), Н.Н. Дробышевская, А.В. Дробышевский, г. Витебск, 2023 год

– И когда уже приближался второй съезд народных депутатов России, – продолжил он свои воспоминания, – я взбунтовался. Так прямо и сказал Ельцину, что ни в коем случае нельзя шутить с суверенитетом страны, раздавать его «сколько проглотите». Да, в экономике можно было экспериментировать, но целостность страны разрушать было категорически нельзя...

После всех вышеуказанных событий Сергей Николаевич постепенно стал переходить в оппозицию к политике правящей власти.

Со временем, точнее в октябре 1993 года, это привело его к тюремному заключению. И тогда было непонятно: то ли это на время, то ли на всю жизнь...

Вот как он вспоминает об этом:

– Сев на тюремные нары, я задал себе вопрос: «Жалею ли я, что в своё время три раза отклонил предложение команды Ельцина войти в состав правительства?» И понял, что, несмотря на то, что нахожусь за решёткой, я ни о чём не жалею. Я просто не смог бы смотреть людям в глаза, если бы стал участником территориального развала нашей страны. И именно тогда решил для себя, что если выйду из тюрьмы, то обязательно стану политиком и все свои силы положу на то, чтобы наша страна снова стала единым могучим государством...

После освобождения из тюрьмы Сергей Николаевич вернулся в свой Омский университет, вышел на работу, правда совсем ненадолго. В том же, 1993 году он был избран в Государственную Думу первого созыва. Но надо сказать, что это никак не повлияло на его передовые взгляды и не «усмирило» его «бунтарский дух».

В 1995 году он снова был избран в Госдуму и сразу же стал заместителем Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. А в 2018 году даже был одним из кандидатов на пост Президента Российской Федерации.

Не стану рассказывать всю политическую карьеру Сергея Николаевича Бабурина, ведь только перечисление его должностей и мест работы заняло бы большую часть моего повествования. Да и незачем, так как об этом уже многое сказано и написано. Меня, как во всех героях, о которых я рассказываю, больше интересуют человеческие качества.

*С послом Сирии в РФ Башаром Джафари на митинге,
посвящённом памяти жертв землетрясения в Сирии, 2023 год*

Так вот, Сергей Николаевич, несмотря на огромное количество мероприятий и бесконечных поездок, находит время и для чтения, и для посещения выставок, обязательного посещения храма, и, конечно же, для встреч с друзьями и соратниками. Он – замечательный собеседник, с ним можно поговорить и о литературе, и о науке, и о Православии, и о многом другом. Зная его много лет, могу сказать, что к нему можно обратиться с любой просьбой, и он обязательно либо поможет, либо даст нужный совет. И самое главное, чем дольше общаешься с ним, тем больше понимаешь, что он всей душой болеет не только за своих родных и близких, которых он любит и «безмерно переживает», что «не может уделять им внимания столько, сколько они от него заслуженно ждут». Также безмерно он любит и переживает за свою страну.

К счастью, его жена, Татьяна Николаевна, и четыре их сына, как он любит шутить, «и все от одной жены», всё понимают и во всём его под-

держивают. И это очень важно, ведь именно поддержка родных даёт ему силы на «бесконечную борьбу за процветание своей страны»...

К сожалению время нашего общения незаметно подошло к концу. Сергея Николаевича ждали в соседнем зале для участия в видеоконференции. И уже практически на пороге я задала ему вопрос: «Есть ли что-то ещё, что Вы не успели, но Вам очень хотелось бы сделать?».

– Да, вы правы, сделано многое. По молодости я говорил, что это моё везение. Но сейчас могу сказать с уверенностью, что нет никакого везения. Просто надо понимать, чего ты хочешь достичь в этой жизни, и делать всё для того, чтобы твоя цель была достигнута... Мне же, я уверен, во всех моих делах помогает и вдохновляет мой Небесный Покровитель Сергей Радонежский. Я верю, что при Его покровительстве я и дальше буду делать всё для того, чтобы наша многонациональная страна была дружной, сильной и процветающей. А если говорить о сегодняшнем дне, то самое главное, чего я хочу и о чём мечтаю, – сбросить мир от того хаоса, в который он сегодня погружён, сохранить духовность нашего народа и нашу православную веру...

И это не просто слова. Сергей Николаевич, одним из занимаемых постов которого является пост Председателя Правления Международного союза миротворческих и гуманитарных общественных объединений «Советский фонд мира», делал, делает и, я верю, что также и будет делать всё для того, чтобы то, о чём он мечтает, сбылось.

В заключение могу сказать только одно: идя «по тонкой нити» жизненного пути Сергея Николаевича Бабурина, я увидела, что по его судьбе можно писать историю нашего времени. Ведь он не просто, как многие из нас, был свидетелем значимых событий в истории нашей страны и даже не просто непосредственным участником – он один из тех, от действий и решений которого зависело наше будущее и будущее нашей страны...

Ноябрь 2022 года

Майор медицинской службы ГРЕЧНЁВ Сергей Александрович

Родился 11 марта 1986 года в городе Стерлитамаке (Башкирия – ныне Республика Башкортостан). Слушатель ординатуры факультета руководящего медицинского состава по программе магистратуры по специальности «Хирургия» (Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова), ЗВО.

МИССИЯ ВОЕНВРАЧА ГРЕЧНЁВА

«...За время участия в специальной военной операции майор медицинской службы Гречнёв Сергей Александрович показал высокий уровень профессиональной подготовки, решительность, самоотверженность, мужество и отвагу. Быстро ориентировался и умело действовал в сложной боевой обстановке...»

Вот несколько строк из представления на орден Мужества ординатора Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова военного врача Гречнёва Сергея Александровича.

Всего несколько строк, за которыми полгода жизни, разделившие всю его жизнь на «до» и «после»...

Когда я приехала в академию, мне пришлось долго ждать встречи с Сергеем Александровичем. Привезли раненых бойцов, доставленных очередным военным бортом, многим из которых требовалась срочная операция.

Чтобы не терять время, я попросила разрешения пообщаться с начальником кафедры хирургии, полковником медицинской службы профессором Сергеем Ярославовичем Ивануся.

Долгое время мне по долгу своей работы довелось общаться с военными врачами. Много интересных историй услышала от них, а многое и увидела своими глазами. Но то, что мне пришлось увидеть и услышать здесь, не сравнимо ни с чем...

Мы шли с Сергеем Ярославовичем по больничным коридорам, заходили в палаты. Он осматривал раненых, попутно здоровался с каждым врачом и медсестрой, называя каждого по имени, уточнял, сколько операций за время дежурства проведено и какие есть вопросы. И каждый отвечал чётко и внятно, хотя, как я уже успела узнать, многие из них оперируют по несколько смен подряд.

– Нет, они, конечно же, отдыхают, – опередил мой вопрос Сергей Ярославович. – И я заставляю их это делать, иначе как же они будут оперировать. Правда, многие спят прямо здесь. Но ничего не поделаешь, сейчас всем нелегко...

В это время мы проходили мимо раненого парня, лет 24–26 от роду, у которого были ампутированы обе ноги. И он, улыбаясь во всё лицо, обращаясь к Сергею Ярославовичу, сказал: «Не волнуйтесь, доктор, у меня всё хорошо...». Доктор улыбнулся в ответ, а у меня мороз пробежал по коже. И я подумала: «Какая у мальчишки сила воли. Не врач его успокаивает, а наоборот...». Это было просто невероятно...

Не доходя до операционной, я увидела врача, который шёл нам навстречу. По одежде поняла, что он недавно из операционной. Его усталость выдавала всё: и походка, и руки, которые он постоянно растирал, и даже улыбка при приветствии с нами. И тут мы встретились с ним глазами...

Так бывает, когда встречаешься глазами с человеком, вдруг становится всё понятно: кто он и что из себя представляет. Как сказал один из моих героев: «это некая химия», которую невозможно объяснить.

Сергей Ярославович сказал просто:

– Это и есть один из наших героев, с которым Вы так хотели пообщаться.

Сказал так буднично, словно говорил об обыденном. А потом добавил:

– Вот он вам всё и расскажет.

И уже совсем тихо, словно говорил это только для меня:

– Будь моя воля, я бы каждого из них наградил... И не только орденом Мужества...

Поблагодарив Сергея Ярославовича за уделённое время, мы последовали в конференц-зал, где и состоялась наша беседа с майором медицинской службы Гречнёвым Сергеем Александровичем.

– Знаете, рассказчик из меня не очень... Я больше привык работать руками, – устало улыбнувшись, пошутил он.

И всё же из недолгой нашей беседы я успела узнать, что родился будущий военврач Сергей Гречнёв в Башкирии (ныне Республика Башкортостан), в городе Стерлитамаке. Что всё своё детство он провёл в Забайкалье, так как родители, попавшие в Башкирию по распределению, после его рождения вернулись к себе на родину.

Узнала, что в школе он увлекался химией, любил биологию, а в свободное от учёбы время лечил разных маленьких зверюшек. А будучи в 10-м классе, сказал отцу о своём решении стать врачом. Отец не одобрил его выбора, втайне мечтая, что сын пойдёт по их с матерью стопам и станет, как они, инженером. А ещё сказал, что профессия врача не для каждого.

Сергей, с детства привыкший доводить все свои решения до логического конца, что и отличало его от сверстников, решил доказать отцу, что тот не прав.

Он пошёл в больницу, нашёл своего врача-травматолога, который когда-то его лечил, и попросил, чтобы тот разрешил ему поприсутствовать в операционной при настоящей операции.

Могу сказать, что даже не каждый состоявшийся врач решится на такое. Но Сергей решился и доказал отцу, а заодно и себе, что у него достаточно мужества и выдержки, чтобы стать врачом.

В следующем году Сергей уже был студентом Читинского государственного медицинского университета (ныне Читинская государственная медицинская академия) лечебного факультета.

Вот как он рассказывает об этом:

– В университет я поступил без особых трудностей и благополучно проучился до четвёртого курса. А моя тётушка, врач-стоматолог,

Сирия, 2017 год

очень много рассказывала о своих коллегах-врачах. И нет-нет да скажет, что лучшие врачи вышли из Томского медицинского института. Я и подумал: «А чем я хуже?». И, недолго думая, на 4 курсе перевёлся в Томск, только на военную кафедру. И уже там закончил обучение и интернатуру по хирургии, по окончании которой получил распределение в Ленинградскую область, в Западный военный округ.

Сергей признался, что он всю жизнь мечтал побывать в Санкт-Петербурге, но жить там никогда не хотел. Однако жизнь распорядилась по-своему. И лейтенант медицинской службы Сергей Гречнёв вместе со своей женой Анной, врачом-терапевтом, с которой они вместе учились, как и положено, отбыл к месту службы.

Прибыв на место, он получает назначение на должность начальника медицинской службы – начальника медицинского пункта или, как говорят в войсках, начмеда. Местами его службы были различные воинские части сухопутных войск. Это воинские части 18437, 31810 и другие.

Сергей Александрович, как он сказал в начале нашей беседы, «привык больше работать руками» и был немногословен. Но, проведя много лет в военных городках, могу с уверенностью сказать, насколько важна эта должность в военных частях. Начмед как «палочка-выручалочка» для всех. Ему приходится лечить не только солдат и офицеров, но и членов их семей, а порой и местное население. Да и случаи бывали разные, вплоть до хирургического вмешательства. И в своей практике, как и многим начмедам, ему приходилось сталкиваться с различными случаями, в прямом смысле слова спасая человеческие жизни. Так было и в Сирии, где в большей степени приходилось помогать местному населению, так было и в зоне специальной военной операции.

Вот как он об этом рассказывал:

– Специальная военная операция началась, когда я был на должности начальника медицинской службы 138-й отдельной мотострелковой бригады. И я со своей бригадой с первого дня спецоперации находился там... Тогда была сформирована объединённая медицинская рота 6-й армии. Но основная часть сил медперсонала, которую составил личный состав моей медицинской роты, по долгу службы да и просто по совести не могла находиться в роте армии. Если говорить так, как есть, то объединённая рота больше работала на соседнюю мотострелковую бригаду. А наша бригада работала по отдельному заданию, и пути эвакуации раненых были, мягко сказать, «немножко» сложнее... Помню, как бригада отступила из-под Харькова... Тогда ушли почти все контрактники. Остались только офицеры управления бригадой и два начальника службы: начальник службы РАВ и я со своим личным составом... Медицину я старался держать при себе, отправив в каждый батальон по одному фельдшеру... Личного состава постоянно не хватало... И вот, когда все отступили, я собрал часть оставшихся сил с медицинской роты, часть с медицинских взводов. Вот этими силами мы тогда и работали... Зоной нашей ответственности были два мотострелковых батальона и батальон БТРов. В мотострелковых бригадах раненых было много, однако, не знаю как у других, но у нас в течение 15–20 минут эвакуация раненых производилась обязательно. И важно, стреляют или затишье – раненых спасать надо срочно всегда.

Выезжали на чём придётся – и на УРАЛе, и на УАЗике...

Разговаривая со многими, кто побывал в зоне боевых действий, знаю, что танки на подмогу приезжали через два часа после начала боя. А подразделение врачей, которым командовал майор медицинской службы Сергей Гречнёв, через 15–20 минут. И именно благодаря этому была спасена не одна сотня жизней. Хотя, как я поняла из рассказа своего собеседника, бывало и такое, что подчинённые просто отказывались ехать. Обычный страх, который не каждый мог в себе преодолеть. И тогда ему приходилось ехать одному, просто он не мог иначе...

– Бывало, приезжаешь, а уже начался миномётный обстрел, – продолжил свой рассказ Сергей. – Начинается жуткая паника, особенно если это новое пополнение. Помню по себе, как тяжело было привыкать к постоянным обстрелам да ещё под этими обстрелами вытаскивать раненых. Это уже потом начинаешь понимать, что да как...

О своей работе он рассказывал неохотно. Например, о случае, который произошёл под городом Изюмом, сказал в двух словах, но каждый, хотя бы понаслышке зная о военных действиях, понимает, насколько это было рискованно...

Так вот, после очередного боя одна из бригад попала в окружение и практически невозможно было провести эвакуацию раненых и убитых. И военврач Гречнёв вместе со своими помощниками, проходя колонной по полям мимо позиций ВСУ, перекрестившись, собирал всех. И тем же путём следовал обратно...

По его скупому на эпитеты и факты рассказу я всё же поняла – бывало всякое: и в засады попадали, и под обстрел. Но вспоминать об этом, как я поняла, ему не очень хотелось. Но поняла и иное – какие бы ни были обстоятельства, он никогда не бросал раненых на поле боя. И это просто чудо, что за полгода службы в зоне СВО, при всех выпавших на его долю и на долю его подразделения трудностях он ни разу не был ранен. Мало того, из его личного состава погиб один санинструктор. Но самое горькое и обидное, что он погиб, вынося с поля боя раненого военнослужащего ВСУ, который остался жив...

В зоне СВО, 2022 год

Кто-то скажет: «Не надо было...». Но они – медицинские работники и считают своим долгом оказывать помощь всем. В этом и есть величие силы духа и благородства русского воинства.

– Да, приходилось подбирать раненых и убитых, как своих, так и с той стороны, – продолжил Сергей свой рассказ. – Иначе было нельзя... Мы оказывали первую медицинскую помощь. Это и кровоостанавливающие, и обезболивание, и другие. Так называемая предэвакуационная подготовка перед отправкой в передвижной госпиталь. Это для тяжелораненых. А лёгкие ранения – неделя, две и в строй... Несмотря на то, что моя главная специализация – хирургия, в большей степени приходилось заниматься организацией всех положенных мероприятий по эвакуации. И там это было намного важнее, чем на месте прооперировать. Но бывали случаи, когда вывозили раненых с застрявшими в теле невзорвавшимися снарядами, тогда мы на месте извлекали

Начальник Военно-медицинской академии, генерал-лейтенант медицинской службы Е.В. Крюков вручает орден Мужества, г. Санкт-Петербург, 2022 год

эти снаряды, а потом отправляли в госпиталь... К счастью, я служил в сапёрном полку и имел представление, как это делать, но риск был всегда... Ну, а если говорить о санитарно-эпидемиологической обстановке в бригаде, то она вплотную зависела от того, очистим ли мы вовремя поле от убитых... К сожалению, это реальность войны. Знаю, где этого не делали, запах, который шёл от разлагающихся трупов, распространялся на километры, не говоря уже о санитарии... Такова реальность... Но для своих бойцов я делал всё, что в наших силах было. Если говорить о привычке... Привыкнуть к этому нельзя. Одно дело, когда ты оперируешь за операционным столом и понимаешь, что уже ничем не можешь помочь больному... Здесь – другое... Когда на твоих глазах гибнут те, с кем ты буквально пять минут назад разговаривал,

слышал их голос, смех... А через минуту их нет... Совсем иное...

В своей бригаде майор медицинской службы Гречнёв не только собирал с поля боя и вывозил убитых, он обязательно устанавливал личность каждого, заполняя для сопровождения все необходимые документы, так как, по его словам, «спустя время сделать это, чаще всего, уже практически невозможно». А потом отправлял так называемый «груз 200» к месту, где стоял специальный рефрижератор.

На мою просьбу рассказать о самом сложном, наиболее запомнившемся случае и что для него, как врача, самое страшное, он ответил:

– Описать самый сложный случай невозможно, так как каждое ранение имеет свою сложность, не считая лёгких. Бывали случаи, когда морально тяжело. Но самое страшное, когда на твоих руках умирает человек, и ты понимаешь, что ты уже ничем не можешь ему помочь... Головой ты понимаешь, что это ранение не совместимо с жизнью и помочь уже невозможно даже при наличии анестезиолога и операционной... Но всё равно больно... И ты начинаешь себя корить... В общем психологически это очень тяжело... Именно чувство бессилия против смерти – самое страшное...

Здание, в котором разместились медицинская рота, принадлежало бывшей амбулатории и находилось в центре посёлка. Рядом была школа, в подвале которой разместился штаб. А так как подвала в здании амбулатории не было, врачи и санинструкторы укрывались от бомбёжки вместе с раненым в подвале соседнего здания, где ранее было овощехранилище. Но чаще всего, когда привозили раненых и им нужна была срочная помощь, оперировали под обстрелами. Они

Орден Мужества

снимали бронезилеты и, перекрестившись, приступали к своим обязанностям. И все, страшно или нет, вставали и работали. И никто даже не задумывался, что в любую минуту могут погибнуть сами...

Самое невероятное, что все дома вокруг месторасположения медпункта были разбиты, даже школа, где размещался штаб. А в здание медпункта попал только один снаряд, причём никто не пострадал. По счастливой случайности та часть дома, куда он попал, была пустой.

Сергея Александровича не раз в приказном порядке заставляли сменить место расположения, но он не мог этого сделать. Объяснял это тем,

что за долгое время все привыкли, что медицинский пункт находится здесь, и раненых везли именно сюда. Да и местные жители за помощью шли только сюда. И надо сказать, что до последнего дня пребывания в зоне СВО его медицинский пункт так и оставался в этом здании.

– Самые большие потери – это когда привозят необстрелянных ребят, пополнение, – после долгого молчания продолжил свой рассказ Сергей Александрович. – Потом проходит время, они начинают понимать, что к чему. Начинают слышать звук вылетающего снаряда и вовремя укрыться... А если о себе, то по понятным причинам, когда ты долго находишься под миномётным обстрелом, под огнём вытаскиваешь раненых, ты уже полностью адаптируешься ко всему. А страх? К сожалению, видя каждый день столько раненых и убитых, которых мы вывозим с поля боя, страх притупляется. И наступает момент, когда просто перестаёшь бояться... Вообще перестаёшь... И это самое плохое. Пропадает чувство самосохранения, и ты уже напрочь забываешь

о себе... Все мысли направлены только на то, что ты должен не только вынести раненых с поля боя, но ещё и сохранить им жизнь. Ведь первая врачебная помощь – самая важная. Она порой, а чаще всего решает всё... А раненые? Они тоже бывают разные... Я уже через призму своего восприятия понимаю, кто просто болтает о своих подвигах, поднимая свою значимость, а у кого действительно многое за плечами...

Слушая своего собеседника, как человек творческий, пыталась хоть как-то представить то, через что пришлось ему пройти, и не смогла...

А ведь военные врачи, медсёстры и санинструкторы, как и мой собеседник, находясь в зоне СВО, изо дня в день живут в этом. И непонятно, откуда у них берутся силы на всё, и как выдерживает их психика, если у меня даже от всего услышанного мороз по коже... И я задала Сергею Александровичу вопрос: «А есть ли психологическая помощь для врачей, прошедших через всё это?». На что он ответил:

– Мы ведь сами психологи, как-то учимся с этим справляться, хотя и не всегда получается... А вообще – это ведь наша работа. И ты её либо делаешь, либо уходишь. А если не уходишь, то случается худшее – ты перестаёшь быть врачом... К сожалению, бывает и такое.

Могу сказать, что врачи – особая профессия, а военные врачи – это ещё и особая закалка. Будучи в своё время главным редактором «Военно-медицинской газеты», мне довелось много общаться с военными врачами. Как я уже говорила выше, видела и слышала разное, порой даже грубость по отношению к своим пациентам. Но это как раз можно понять. Но главное, я видела, как они борются за каждую отдельно взятую жизнь.

Ну, а на вопрос о потерях в этой специальной военной операции мне ответил только один военный хирург. Он сказал такую фразу:

– Потери и количество искалеченных в этой спецоперации сравнимы только с Великой Отечественной войной. Ни Афганистан, ни Чечня даже отдалённо не сопоставимы с цифрами, которые ещё даже до конца не только не озвучены, они даже ещё не до конца осознаны...

Я не могу не согласиться с этим военным врачом. Они, находясь на передовой, видят все нюансы, если можно так сказать, этой специальной

*Сдача дежурства начальнику
кафедры хирургии ВМедА полковнику
медицинской службы профессору
С.Я. Ивануся (слева),
г. Санкт-Петербург, 2023 год*

военной операции, о которой мы, дай Бог, узнаем правду только лет через 50. Правда это будем уже не мы. Но это уже совсем другая история...

Возвращаясь к герою моего повествования, скажу, что ему и сегодня «покой только снится». Рабочий день его проходит следующим образом: ночью он с группой врачей из других госпиталей едет на аэродром. Там они встречают военные борта с ранеными, ставят каждому диагноз и распределяют их по тяжести ранений в госпитали. Самых тяжёлых отправляют либо в Москву, либо забирают к себе в академию. Затем Сергей Александрович везёт «своих» раненых в хирургическое отделение Военно-медицинской академии, где уже идёт распределение по времени проведения операций. По медицинскому термину это называется «сортировка».

Чтобы было более понятно, на кафедре хирургии академии всего 110 койкомест по штату и 114 развёрнуто, соответственно 6+2 койкоместа – реанимационных, две операционные, ну и, конечно, перевязочные. При этом хирургическое отделение постоянно забито.

Какая у хирургов нагрузка, можно только догадываться. А если говорить о моём собеседнике, то напомним, что он ординатор, то есть – слушатель академии, и учёбу, подготовку к экзаменам и зачётам никто не отменял. На отдых времени почти не остаётся и, как я поняла, спит он прямо там, на кафедре или в перерывах между операциями и встречей очередного борта. Он даже семью отправил на всё лето, чтобы не отвлекаться от работы и не тратить время на поездки домой.

С женой Анной, дочерью Ариной и сыновьями Степаном и Макаром

Однако, несмотря ни на что, за всё время нашей с ним беседы он ни разу не пожаловался, хотя до сих пор живёт с женой и тремя детьми в семейном общежитии. Он только отшучивался:

– Живём в семейном общежитии весело... Жена, правда, пока не работает. Да и как? Трое деток: Степан совсем маленький, Макар – средний сын и дочка Арина – 13 лет. Это сколько дел с ними, да и дом на ней, я-то почти не бываю дома... Приедешь бывало, а коллеги спрашивают: «Ну, что, Серёжа, дети растут? Как грибы?» И это так. Приезжаешь из очередной командировки, а они уже совсем взрослые... Ничего не поделаешь, дети военных... Поэтому жена, узнав о моей награде, приятно удивившись, сказала: «Давно пора...»

А на мой вопрос: «Как отдыхаете?» ответил полусерьёзно, полушутя:

– У нас всё хорошо, служу России! Ну, а если действительно выдаётся свободная минута от дел и от семейных обязанностей, люблю работать по дереву. И не важно: пилить ли, строгать, вырезать либо что-то ремонтировать – главное, чтобы руки были заняты. Очень успокаивает. То же с рисованием, которое я не менее люблю. Бывает, когда разнервничаешься, берёшь в руки карандаш и начинаешь что-то рисовать, и сразу становится легче...

Многое из того, о чём я успела узнать от Сергея Александровича и его сослуживцев, я пока не могу озвучить. Как сказал мой собеседник: «Есть, что вспомнить, внукам нечего рассказать». Но об одном я могу сказать точно: благодаря таким военным врачам, как майор медицинской службы Сергей Гречнёв, спасены сотни жизней солдат и офицеров. И, к огромному сожалению, их имена всегда будут стоять за цифрами спасённых ими жизней. Так же, как было в годы Великой Отечественной войны, когда за всю войну, за миллионы спасённых жизней всего 47 медицинских работников были удостоены звания Героя Советского Союза.

Перед тем, как попрощаться с героем своего повествования, я задала ему вопрос: «Вы верующий человек?»

– Я – человек православный. А вера? Как без неё? Мы все состоим из молекул. А они же вокруг чего-то собраны... – и улыбнулся: – Ну, а в зоне СВО молитву «Отче наш» читали все и не один раз в день... С молитвой поспокойнее... Мы же только гости на этой земле. И каждый из нас должен выполнять то, для чего он на эту землю послан. Я выполняю свою миссию честно, а всё остальное – не в моей власти... Но мечты есть. Хочу, чтобы скорее всё закончилось, и чтобы наши пациенты не потерялись в этой жизни и обязательно нашли в ней своё место... А для себя? Мечтаю после окончания академии работать в военном госпитале.

Надо сказать, что майор медицинской службы Гречнёв Сергей Александрович, являясь слушателем ординатуры факультета руководящего состава по программе магистратуры по специальности «Хирургия» Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, выполняет

свою миссию достойно. Об этом говорят и его коллеги, и его начальник кафедры – полковник медицинской службы, профессор Сергей Ярославович Ивануса. А ещё профессор сказал, что «Сергей, ставя диагноз, ещё ни разу не ошибся». И это самая большая оценка его миссии. А мечты? В них просто надо верить, и тогда всё обязательно получится...

Июнь 2023 года

Игуменья Елена (ЗОЛОТУХИНА)

(в миру ЗОЛОТУХИНА Инна Митрофановна)

Родилась 18 октября 1967 года в городе Воронеже. Настоятельница Костомаровского Спасского женского монастыря.

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Дорога на подъезде к пещерному Костомаровскому Спасскому женскому монастырю пролегла между ухоженных, покрытых яркой весенней зеленью полей. В Москве, откуда лежал мой путь, только появлялись первые приметы весны, а здесь уже было по-летнему тепло. Вокруг белыми облаками красовались сады и расцветала сирень.

Так, любуясь красотами воронежской земли, я наконец добралась до монастыря.

Приметы необычности Спасского пещерного монастыря начинались от самых ворот – единственного ограждения, которое отделяло его от внешнего мира. Вместо привычных монастырских стен территорию монастыря окаймляли серовато-белого цвета горы, больше напоминающие высокие холмы. В глубине самой высокой горы виднелись фасад пещерного храма, увенчанный куполом с крестом, и вход, который вёл внутрь. К храму вели ступеньки, выбитые прямо в горе, которые соединялись в длинную, ведущую вверх лестницу. Чуть дальше расположились небольшие пещеры, к которым от храма вели такие же выбитые в скале ступеньки.

Пройдя в глубь монастырской территории, у подножия горы, в которой находился пещерный храм, я увидела ещё один храм, но уже не пещерный, а обычный – наземный. Далее шли различные монастырские постройки, вдоль которых ровными рядами росли деревья. Чуть

дальше, в ложине, виднелись такие же ровные ряды грядок, а в стороне белел цветущий сад. Кругом царили чистота, порядок и уют.

Прежде чем зайти в монастырскую лавку, где мы договорились встретиться с матушкой Еленой, игуменией монастыря, я зашла в храм, который размещался у подножия горы. В храме было очень тихо и только негромкая молитва монахини да потрескивание свечей нарушали её тишину. Я подошла к знаменитой Костомаровской иконе Божией Матери. И первое, что бросилось в глаза, – это шесть огромных пулевых отверстий в ней. И мысль: «Кем же надо быть, чтобы совершить такое?..» Пока рассматривала икону, в храм вошёл мужчина, и даже не вошёл, а словно проплыл мимо меня, так бесшумны были его шаги. Вид у него был настолько отрешённый, что, увидев, что он направляется к иконе, я тихонько отошла в сторону. Мужчина очень долго стоял, склонившись в низком поклоне перед иконой, чуть слышно шепча слова молитвы. Затем, пройдя в центр храма, встал на колени и замер... Кроме меня и монахини никого в храме не было, и мне почему-то стало так неловко, словно я нарушила некое таинство, которое не имела право нарушать, и поспешила на выход...

Лавка, куда направилась после посещения храма, оказалась очень просторной и разнообразной по наполнению. Кроме привычных прилавков с монастырской утварью и сувенирами здесь располагалось небольшое кафе для паломников, где можно было выпить горячего чая с мёдом и монастырскими пряниками, попробовать, а то и приобрести свежее молоко, сыр, сметану и творог.

Не успела обойти и рассмотреть всю лавку, как в дверь вошла матушка Елена.

Я стояла в сторонке и наблюдала, как Матушка спокойно, без суеты даёт какие-то указания монахиням, работающим в лавке. Так же тихо, не спеша, она останавливалась и о чём-то беседовала с паломниками, коих в этот день было немало. Её неторопливость и добродушие, которые прослеживались в каждом движении, говорили о её характере больше, чем множество сказанных слов.

Подойдя ко мне, матушка Елена поздоровалась, поинтересовалась, как доехала, устала ли, предложила горячего чая. А затем, сославшись

на занятость монастырскими делами, извинилась и, благословив одну из монахинь, чтобы та провела меня по монастырю, не торопясь удалилась.

Матушка Нектария (Мельникова) оказалась на редкость интересной собеседницей. Она рассказала множество интереснейших историй, связанных с возникновением пещерных храмов, и показала все, даже самые потаённые места пещерного монастыря. Мне посчастливилось увидеть место, где лежала плащаница, пещерные «затворы» – небольшие пещеры, где старцы замуровывали себя, оставляя только окошечко, чтобы им можно было передать воду, хлеб и записки с просьбами о молитвах. А ещё посетила пещеру покаяния, представляющую из себя длинный узкий коридор, в конце которого производилась тайна Исповеди. Матушка сказала, что подобная пещера – единственная в России и что сюда приезжают не только паломники, но и священнослужители, и монашествующие из разных мест.

В Пещерном храме в честь Нерукотворного Образа Спаса одним из приделов оказался придел святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Матушка Нектария, увидев моё удивление, улыбнувшись, сказала: «Теперь я знаю, кто Вас сюда привёл...» А затем, подведя к иконе «Жёны-мироносицы», добавила: «А ведь сегодня День жён-мироносиц... И это не просто так – это Промысл Божий...»

И уже потом, беседуя с матушкой Еленой и узнав от неё всю историю пещерного монастыря, поняла, почему, находясь внутри этих пещер, у меня было ощущение, что я словно перенеслась в иную эпоху и чувствовала присутствие кого-то рядом...

Обязательно поведаю читателю обо всём, что я узнала о монастыре, но, как обычно, в конце своего повествования. А начну с рассказа о жизненном пути его настоятельницы – игумении Елене (Золотухиной), на встрече с которой я и приехала.

Матушка Елена, в миру Золотухина Инна Митрофановна, родилась 18 октября 1967 года в городе Воронеже. Мама, Тамара Ивановна, была медсестрой, а папа, Митрофан Васильевич, инженером. Однако, по словам Матушки, атеистами они не были. В Воронеж родители приехали

что «за такие слова Господь может тебя наказать». Я от такой её реакции притихла и на всю жизнь запомнила эти слова и уже никогда больше так не говорила... Однажды меня, пятилетнюю девочку, родители впервые привели в музей изобразительных искусств. Из всего увиденного я запомнила только одну картину, на которой был изображён Господь в терновом венце. Глядя на Него, я чувствовала, что передо мной не просто страдающий человек, а Некто больший. И вот это ощущение запомнилось на всю жизнь... А в моём сердце хранится глубокая благодарность родителям за чувство любви, теплоты и защищённости, которые я испытала в детстве. Особенно близки мы были с мамой, и я могла ей доверить любой свой детский секрет...

Когда Матушка рассказывала о своей маме и о тех воспоминаниях, которые связаны с ней, у неё глаза были полны слёз. Оно и понятно, ведь мама ушла из жизни, когда ей было всего 12 лет. И осталась девочка одна, без мамы, в самый ответственный и сложный период взросления... Однако мудрость отца и доброе отношение бабушки помогли ей справиться со скорбью.

– Отец так больше и не женился, – продолжила Матушка. – Он сделал всё, чтобы я успешно окончила школу и поступила в университет, за что я ему очень признательна. А его верность маме, даже после её смерти, и самоотверженность ради близких стали самым убедительным жизненным примером. К сожалению, понимание того, что сделал для меня отец, пришло намного позже...

Будучи студенткой филологического факультета Воронежского университета, Инне приходилось много читать. А вместе со знаниями возникало огромное количество вопросов, на многие из которых она не находила ответов. Тогда же пришло её первое, не совсем ещё ясное, но уже осознанное понимание веры. И тогда, желая получить ответы на волнующие её вопросы, она начала ходить в храм. Там же была её первая Исповедь:

– Я очень хорошо помню свою первую Исповедь и Причастие. Я ведь не знала тогда, что к этим таинствам надо готовиться... А получилось так, что, когда я подошла к священнику с одним из волнующих меня вопросом, он вместо ответа посоветовал мне исповедоваться и прича-

ститься Святых Христовых Таин. Он не наложил на меня никаких молитвенных правил, а сказал только, чтобы я утром пришла на службу, накануне ничего не ела и не пила после полуночи... И вот я прихожу в храм. Народу было очень мало. Я подошла к Батюшке и толком не знаю, что говорить. Батюшка меня спрашивает о грехах, а мне казалось, что их-то у меня и нет, и что ему говорить – не знаю... Он тогда, конечно, со мной намучился... Но когда я причастилась, у меня появилось ранее неведомое ощущение какой-то особой внутренней свободы и радости, которые сосредоточены в сердце и не рвутся наружу, а согревают изнутри. Вот тогда я впервые почувствовала прикосновение Божией Благодати, подаваемой Господом совершенно безвозмездно, не по заслугам, а просто потому, что ты Ему доверилась. После этого у меня возникло ощущение, что я жила до этого в комнате с низкими потолками, а сейчас они раздвинулись, и мне даже дышать стало легче. И именно тогда пришло желание побольше узнать о храмах, монастырях и о Православии. Я думаю, что это случилось по маминым молитвам...

Ощувив это, неведомое доселе чувство, Инна вдруг вспомнила слова отца, сказанные им ещё когда мама была жива: «Где бы взять Библию, чтобы прочитать? Наверное, хорошо быть отшельником». К чему они вспомнились, она тогда так и не поняла, и только через время пришло осознание, что «это и был Промысл Божий, который через мысли, образы и поступки вёл и её, и её отца начертанным им путём». И действительно, Инна, находясь в храме, ощущала себя совершенно по-иному, чем вне его. В храме ей всё казалось чище, светлее и ближе её мироощущению. А когда она выходила из храма, ярче и больнее ощущались фальшь и ложь окружающей действительности. И именно в тот момент на неё «посыпались всякого рода искушения». Матушка так вспоминает об этом:

– Когда я стала пытаться обрести истинную веру, на меня посыпались определённого рода искушения. Ко мне вдруг стали подходить проповедники разных конфессий: иеговисты, адвентисты, баптисты, пятидесятники и другие. И каждый из них рассказывал о своей вере, уговаривая меня прийти именно к ним, говоря, что только их вера единственно верная... Все они были противниками Православия. Все сыпали цита-

тами из Библии, подтверждая ими истинность своей позиции. Это всё меня очень смущало. И тогда я стала молиться, понимая, что кому, как не Господу, знать саму Истину. Я сказала: «Господи, Ты один знаешь, где Твоя Истина, приведи меня туда, где Ты пребываешь!». Вскоре все проповедники исчезли, а я пришла в монастырь...

Осенью 1991 года Инне знакомые предложили поехать в Преображенский женский монастырь г. Задонска. С ней поехал и её отец. И так случилось, что духовник монастыря, ныне покойный архимандрит Пётр (Кучер), неожиданно предложил ей остаться в монастыре. Но Инна, пожив некоторое время в монастыре, поняла, что ещё не готова...

Вернувшись в Воронеж, она решила ещё раз поговорить со священником, у которого исповедовалась. Батюшка, чтобы полностью развеять сомнения, посоветовал ей поехать к духовнику Троице-Сергиевой Лавры, ныне почившему архимандриту Кириллу (Павлову).

– Батюшка, направляя меня в Лавру, сказал: «Отец Кирилл обязательно скажет, как поступить. Он никого не принуждает, но, видя будущее, скажет, как лучше для тебя самой». И я вместе со своей приятельницей, после последней зимней сессии, поехала к отцу Кириллу в Загорск (ныне Сергиев Посад). Придя к нему, я сказала причину своего приезда и высказала свои сомнения по поводу монашества, на что он мне ответил: «Иди в монастырь, милое дело! У вас в Воронеже хороший монастырь. Только учёбу не бросай, обязательно доучись». И больше ничего не сказал, а, по-отечески улыбнувшись, отпустил меня.

Через время после этой поездки Инна ощутила такое желание и тягу к монастырской жизни, что даже сама себе не могла объяснить эту случившуюся с ней перемену.

Чтобы окончательно развеять мучившие её сомнения, Инна решила поехать к своему духовнику, архимандриту Никону (Васину) (ныне схиетрополиту), который в то время был наместником Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря. Отец Никон благословил её после окончания института поступить на послушание в Алексеево-Акатов монастырь, к матушке Варваре (Сажневой), которая также была его чадом.

Защитив диплом, Инна так и сделала – пришла в Воронежский Алексеево-Акатов женский монастырь послушницей, да так там и осталась на долгие 15 лет. Там же она приняла иноческий постриг, а в 1998 году – монашеский. В монастыре она несла разного рода послушание, последним из которых было – благочинная монастыря.

– Когда я пришла в монастырь, – вспоминает Матушка, – через какое-то время принял монашеский постриг и мой отец, с именем Илларион, настолько глубоко он понял и принял мой выбор...

Когда матушку Елену перевели на послушание в Спасский монастырь, для неё это было совершенно неожиданно. За долгие годы жизни в Алексеево-Акатовом монастыре он стал для неё настоящей духовной семьёй, а игумения Варвара – духовной матерью. Но один из главных обетов, которые даёт монах при постриге, – обет послушания. Исполняя его, монахиня Елена в апреле 2007 года переехала в Спасский женский монастырь.

– В то время матушка Серафима (Иванова), настоятельница Костомаровского монастыря, тяжело заболела, и я почти сразу же получила назначение Его Высокопреосвященством митрополитом Сергием на должность старшей сестры. А позже меня возвели в сан игумении.

Спасский монастырь, когда туда приехала матушка Елена, уже был действующим. В течение десяти лет правления игумении Серафимы был возведён наземный храм в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших», да и пещерный комплекс был практически полностью приведён в порядок. Но для матушки Елены и насельниц дел было ещё недостаточно.

– Сёстры, которые несли здесь своё послушание со дня основания, – вспоминает Матушка, – рассказывали, что, когда они приехали сюда, здесь было совершенно пустое место с заброшенными, полуразрушенными и даже осквернёнными пещерными храмами. А их было тогда только трое уже достаточно взрослых монахинь: Серафима, Иоасафа и Дионисия. И основная работа, конечно же, легла на их плечи. Я же, можно сказать, продолжила подвизаться здесь вместе с сёстрами – с теми, кто остался и кто пришёл впоследствии...

Однако за время послушания матушки Елены на должности игумении сделано немало. Уже при ней был достроен и освящён наземный храм в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших». При монастыре развёрнуто своё хозяйство (коровы, куры и иная живность). Есть своя пасека, огород, сад.

На территории монастыря возведена небольшая гостиница, в которой, в основном, располагаются духовенство в те дни, когда их чередой служить, а также трудницы, приезжающие помочь обителю. Построена новая гостиница, которую разместили в Костомарове, ведь святая обитель привлекает тысячи паломников из разных мест России и зарубежья. Они приезжают сюда не только увидеть своеобразие и удивительную красоту природы, но и напитаться духовной силой этого необычного места.

Насельницы монастыря принимают всех паломников, размещают их, оказывая каждому надлежащее уважение. И это, несмотря на то, что, как говорит Матушка, «сюда приезжают совершенно разные люди, среди которых много нецерковных, не знающих, как себя надлежит вести в таких местах. Каждый приезжает сюда за чем-то своим. Кто-то ищет прощения, кто-то надеется на исцеление, а кто-то просто из любопытства... И сёстры стараются сделать всё для того, чтобы паломники почувствовали теплоту этого места, чтобы они не уехали опустошёнными».

Обычно я не задаю вопросы своим собеседникам, но есть вопросы, которые меня волнуют. Один из них – вопрос о том, что чаще всего движет теми, кто посвящает свою жизнь монашеству? И второй – много ли приходит тех, кто пережил какое-либо потрясение в жизни? Матушка ответила мне так:

– Я вспоминаю слова игумении Варвары, настоятельницы Алексеево-Акатова монастыря. Она говорила, что есть много людей, переживших страшнейшие потрясения, но ведь они не все приходят в монастырь. А если приходят, то одна из тысячи. Да и пережившим потрясение – это не повод принимать в монастырь. Потрясение пройдёт, и всё встанет на свои места... А монашество – это своего рода призвание. Человек должен понимать, чувствовать и полностью отдавать себе отчёт, на что и ради чего он идёт. И на этот Божий призыв обязательно должно отозваться сердце... А самое сложное – понять и почувствовать

этот момент... Многие, не обдумав своё решение до конца, приходят в монастырь, а через время просто убегают. Потому что не так глубока вера и не всё понято и прочувствовано... Ведь не зря, прежде чем принять монашеский постриг, даётся испытание. Сначала несколько лет побыть послушницей, затем инокиней и только потом принять монашеский постриг... Человеку в миру дана возможность переключаться, момент некой психологической разгрузки: на работе я один, в домашних условиях немного другой. В монастыре же мы постоянно находимся в одних и тех же условиях с одними и теми же людьми, и у нас нет такой лазейки, чтобы перезагрузиться. Здесь каждый на виду и никто ничего не может скрыть даже от самого себя. Именно здесь каждый начинает многое о себе узнавать, и не всегда хорошее. И это надо перетерпеть, понять и принять. Как сказал митрополит Нижегородский и Арзамаский Георгий: «В монастыре долго на цыпочках не прстоишь». Надо суметь увидеть себя, а увидев, понять, над чем необходимо потрудиться, что исправить, изменить, а от чего избавиться. Это для того, чтобы смириться перед Господом, перед ближним и как бы начать всё с чистого листа. И именно это самое сложное по силам не каждому... Я знаю такие примеры, когда в сложные 90-е годы люди принимали монашество порой от безысходности. И, надо сказать, что вначале они были очень ревностны, а потом через какое-то время оставляли всё и возвращались к мирской жизни. Оставались же только те, у кого смиреннее душа и есть открытая, чистая любовь к людям. И это необязательно интеллектуал или человек с железной волей, а простой смиренный человек...

Жизнь насельниц Спасского монастыря полностью подтверждает слова, сказанные матушкой Еленой. Сама Матушка пришла в пещерный Спасский монастырь, уже имея опыт окормления, и сегодня общается с сёстрами так, как общались опытные монахини с ней в Алексеево-Акатовом монастыре, как общалась со своими насельницами игумения Варвара, которая и сегодня для Матушки является примером истинного монашества. Она не только наставляет своих сестёр, коих в монастыре около 30, но и трудится над собой, говоря при этом, что «игуменство – это не должность, а место чрезвычайного смирения». И видя, как к ней относятся её сёстры и батюшки, становится совершенно понятно,

что это не просто слова. Матушка совершенно доступна, если можно так сказать. К ней может прийти со своей проблемой каждый, и она никому не отказывает, терпеливо выслушивает. А если даёт совет, то делает это очень тактично и бережно, чтобы не задеть и не обидеть собеседника. Об этом мне рассказали насельницы святой обители. От них же я узнала, что они, пусть и не так часто, но собираются на совместные разговоры и чтения, где читают святоотеческую литературу и спокойно обсуждают волнующие их вопросы.

Слушая Матушку и насельниц монастыря, я поражаюсь их одухотворённости. Однако на прощание мне всё же захотелось узнать у матушки Елены, что же всё-таки для неё самое сокровенное в жизни, но она, улыбнувшись, снова заговорила о своих сёстрах, о батюшках и о святой обители. И я поняла, что все, кто её окружают, и всё, что происходит в святой обители, – и есть её самое сокровенное. Это и есть её жизнь...

– Главное наше послушание – молитва. Ведь для монашествующих монастырь – это место духовной брани... С нами молятся наши батюшки: протоиерей Виталий Шомин, иерей Николай Резниченко, иерей Александр Самсонников. Божественная Литургия у нас ежедневная. Читаем акафист перед Костомаровской иконой Божией Матери, служим молебны преподобному Серафиму Саровскому. На праздник Тихвинской иконы Божией Матери проходит традиционный крестный ход из монастыря через село Костомарово к Дону, где на источнике в честь этого образа совершается молебен Пресвятой Богородице. Но особым молитвенным настроением проникнуты ночные богослужения в пещерном храме...

Действительно, каждый, посещая это красивейшее во всех отношениях место, ощущает на себе непостижимую духовную силу, которой наполнены стены пещерного монастыря.

Непостижимость и сокровенность подвигов безымянных создателей монастыря, их твёрдое неотступное стремление к своему Творцу, навеки запечатлённое в могучих сводах и столпах пещерных храмов, поражают и смиряют ум современного человека, вдохновляют и наполняют его Божественной Благодатью, пробуждая в душе память о вечном...

Май 2022 года

Вместо эпилога...

«По тонким нитям судеб...» – это повествования о моментах из жизни разных людей, и эта тема была, есть и, надеюсь, будет самой главной темой в моём творчестве. Для меня нет ничего важнее, чем донести до читателя, который всё же решился пройти со мной «по тонким нитям судеб моих героев», одну, на мой взгляд, самую важную мысль. И заключается она в том, чтобы читатель сумел понять, что, несмотря на все испытания, выпавшие на долю каждого из нас, надо оставаться человеком и приносить пользу пусть не всем людям, а суметь сделать счастливыми хотя бы своих близких. И, может быть, когда в семьях между родными и близкими будут мир и понимание, наш окружающий мир станет лучше, чище и добрее...

Как сказал великий Конфуций: «Когда мы наблюдаем явление, мы можем достичь знания. Когда мы достигли знания, мы приобрели доброе желание. Когда мы приобрели доброе желание, сердце очищается, человек становится культурным. Когда человек делается культурным, порядок царит в его семье. А когда порядок в семье, то порядок царит и в его стране. Когда же порядок будет царить в каждой стране, тогда мир воцарится во всём мире».

*О жизни каждого есть много что сказать.
Не важно, иль судьбой он поцелован,
Иль землю призван потом поливать,
Учить, творить иль врачевать,
И даже пусть вниманьем избалован –
О каждом можно книгу написать...*

Содержание

«Не денег ради, а пользы для...».....	4
От автора.....	6
Судьба, закалённая годами.....	9
«Без работы меня нет...».....	21
Со словом Христовым во благо Отечества.....	35
От чистого истока.....	49
Просто жить по совести.....	61
Симфония жизни Эдуарда Ханка.....	71
И вечный бой.....	85
История мазками кисти.....	101
Писатели прифронтовой полосы.....	113
Наш «Самолётик».....	127
Человек с чертами эпохи.....	149
Миссия военврача Гречнёва.....	163
По зову сердца.....	179

Литературно-художественное издание

Дробышевская Надежда Николаевна

**По тонким нитям судеб
Современники**

Дизайн, вёрстка – Дарья Крузе

Корректурa – Ирина Бортникова

Обложка – Ирина Журова

Картинка для обложки взята на сайте stylishbag.ru

Фотографии для оформления предоставлены героями очерков

Подписано в печать 12.09.2023

Формат 70x90/16. Печ. л. 12

Тираж 500 экз. Заказ № 1577

Отпечатано в типографии

Издательского дома «Граница»

123022, Москва, ул. 1905 года, д. 7, стр. 1

+7(495)137-99-90, +7(495)971-00-75

granica_publish@mail.ru

www.granicagroup.ru